

В. И. ИГНАТОВ

РУССКИЕ ИСТОРИ- ЧЕСКИЕ ШЕСНИ хрестоматия

*Допущено
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов филологических
факультетов*

1236908

Издательство «Высшая школа»
Москва — 1970

От автора

Исторические песни представляют собой идейное и художественное богатство русского народа. Они являются ценнейшим материалом для изучения мировоззрения народа и его исторической эволюции. В отличие от других жанров устного поэтического творчества исторические песни отражают в основном внутрисполитические столкновения различных общественных групп и классов, внешнюю политику государства. Изображением развития социальных отношений определяется и эстетическая ценность жанра.

Известные в настоящее время тексты исторических песен показывают, что их количество в тот или иной период истории и качественные изменения полностью зависели от событий в общественной жизни народа и государства. В связи с этим в хрестоматии принята повременная периодизация, внутри которой введено, где это оказалось возможным, тематическое расположение текстов в хронологическом порядке. На этом основании написана и вводная статья, которая соответствует программе курса устного поэтического народного творчества.

Исходя из целей и задач учебного пособия, составитель хрестоматии использовал проделанную различными исследователями обработку текстов. Комментарии к текстам указывают историческую основу песен, дают сведения об упоминающихся в них исторических лицах, поясняют отдельные факты. Все издания, служившие источниками данной хрестоматии, указаны в разделе «Библиография».

ВВЕДЕНИЕ

Исторические песни — это эпические, лиро-эпические, а иногда и лирические устные стихотворные произведения о конкретных событиях истории русского народа и конкретных исторических лицах. Этот жанр возник на основе общенародной песенной, былинной и сказочной поэтики в эпоху национально-освободительной борьбы против татаро-монгольского нашествия¹. Борьба с татаро-монгольским игом пробудила интерес и к судьбе простой, невыдающейся личности. Исторические песни отразили понимание рядовым человеком самого себя, своих мыслей и переживаний. В процессе бытования жанр исторических песен значительно изменялся. Многие произведения жанра длительное время имели сходные с былинами поэтические черты, но в целом это более поздняя и качественно новая ступень устной эпической поэзии. В ней так или иначе определяется историческая основа воспеваемого события, хотя песенные сюжеты часто не находят себе прямого соответствия в истории, ибо подлинные исторические события в них художественно преобразованы с точки зрения того социального слоя, в котором бытовала песня.

В отличие от былинных богатырей, исторические прообразы которых можно установить лишь путем специального исследования, герои исторических песен кон-

¹ О времени возникновения исторических песен существуют различные точки зрения. Одни исследователи относят их появление к середине XIII века, другие считают, что они возникли в период создания централизованного государства, т. е. в XVI веке. См.: Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв. М., 1960, стр. 45; В. К. Соколов. Русские исторические песни XVI—XVIII вв. В кн.: «Труды Института этнографии». Т. 61. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 17.

кретны как в историческом, так и в социальном плане. Образы исторических песен отражают события политической истории во взаимной связи и последовательности. Они освобождены от той мифологизации и гиперболизации, которая имеется в былинах. В художественные образы вносятся психологический момент, некоторые песни включают в себя элементы лирики, а иногда полностью становятся лирическими.

Композиция исторических песен динамична и лаконична. Хотя при зарождении жанра и его становлении наблюдалось пространное и растянутое изображение исторических событий и биографий героев, однако начиная с XVII века преобладает тенденция к ограничению сюжета, к большему охвату массовых сцен и созданию коллективных образов (казаков, солдат и т. п.).

Идейным содержанием исторических песен, как и большинства былин, является национально-освободительная борьба русского народа. В связи с этим исторические песни и распространялись в основном в тех местах, где происходила эта борьба, перемещаясь впоследствии вместе с миграцией населения. Если в результате известных исторических условий нельзя установить областные репертуары ранних исторических песен, то начиная с создания централизованного Русского государства место бытования песен показывает географию и участников национально-освободительной борьбы. В северных губерниях, а также на территории, позднее занятой переселенцами из этих губерний, и в Среднем Поволжье были записаны песни о событиях XVI—начала XVII столетий: песни о Грозном, Скопине, самозванцах. У казаков песни о Скопине имели противоположную северным интерпретацию событий. Песни же о взятии Казани, о Ермаке и Степане Разине пелись и распространялись в основном среди казачества и очень редко удавалось их зарегистрировать на Севере.

Среди казачества — на Дону, Тереке, Янке (Урале), Нижней Волге — историческая песня была широко популярна. Формируясь в XVI—XVII веках из беглого угнетенного люда центральных и северных губерний, боровшегося против феодального гнета, казачество вскоре стало участником общегосударственных военных событий. Исторические песни казаков рассказывают как об общегосударственных событиях (о борьбе с польско-

шведской интервенцией в XVII в., о военных событиях XVIII столетия, об Отечественной войне 1812 года и др.), так и о событиях местного значения, происходивших на Тихом Дону, Тереке, Яике (о пожаловании казаков Доном или Терекком, о походах под Азов, о возмущении Тихого Дона царскими указами и проч.).

В XVIII веке и в первой половине XIX века в центральных и южнорусских губерниях были записаны (об этом можно судить по «Песням, собранным П. В. Киреевским») песни о событиях, происходивших здесь в XVI—XVII столетиях. В связи с усилением крепостного гнета на этой территории стали преобладать сатирические песни о представителях господствовавшего класса (например, об Аракчееве).

В Сибири и на алтайских заводах бытовали песни, близкие к севернорусским¹. Они были занесены сюда переселенцами из северных губерний.

Северные исторические песни отличаются от текстов центральных и южных губерний составом репертуара, художественными особенностями и музыкальным исполнением. Если на Севере исторические песни испытали воздействие былин и иногда превращались в былины, то в центральных и южных губерниях они были близки к сатирическим и лирическим песням. Среди казачества они распеваются преимущественно как беседные и походные песни.

Хотя историческая песня, как уже было сказано, зародилась в глубокой древности, тексты этого жанра мы изучаем по записям XVIII—XX столетий. Это показывает, что многие песни, возникавшие в разные исторические эпохи, подобно былинам, продолжали бытовать в народе в течение последующих веков. Причем они являлись не только воспоминанием о прошлых событиях, но оказывались вместе с тем созвучными событиям каждой новой эпохи. Именно в созвучии новой эпохе залог продолжительности жизни исторических песен и сохранности их в народном сознании. Художественные образы ранее созданных исторических песен отражали народное мнение о политических событиях, происходивших во время исполнения этих песен. Это мнение выра-

¹ См.: Былины и исторические песни из Южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Новосибирск, 1939; изд. 2, 1952.

жалось и в отборе сюжетов, и в обрисовке событий, и в характеристике героев.¹

Жанр исторической песни продолжал развиваться еще в XVIII веке, хотя уже в то время в нем появились тенденции к упадку. Впоследствии с развитием капитализма и усиливавшимся влиянием литературы на народное творчество историческая песня уже не могла отражать возросших социальных и эстетических запросов народа и к концу XIX века она уступает место другим фольклорным жанрам.

На протяжении XVIII—XIX веков собирание исторических песен происходило несистематично. Они не выделялись в отдельный жанр и большое их количество оказалось разбросанным по многочисленным изданиям. Первая попытка систематизировать сюжеты исторических песен вместе с былинами была осуществлена в шестом — десятом выпусках «Песен, собранных В. П. Киреевским» (1864—1874). В этих выпусках опубликованы исторические песни с сюжетами от времени татаро-монгольского ига до второй половины XIX века. Во второй половине XIX века в связи с распространением взглядов исторической школы в фольклористике стала оспариваться ценность сборников с сюжетным расположением эпического материала. В начале XX века была обоснована целесообразность выделения исторических песен в отдельный жанр, требовалось прикрепление песенных сюжетов к определенным историческим событиям. Накопился новый материал и возникла необходимость нового издания исторических песен.

В. Ф. Миллер систематизировал исторические песни двух столетий как самостоятельный жанр в книге «Исторические песни русского народа XVI—XVII вв.» (1915), расположив их по месту записи внутри каждого сюжета. Это придавало сборнику большую стройность, показывало территориальное распространение жанра. Однако отдельные песни были включены в сборник без критического подхода к ним, рядом с подлинно народными оказались произведения, представляющие собой подделку под народные.

Оба издания не охватывают всего разнообразия жан-

¹ См.: Русское народное поэтическое творчество. Т. 2, кн. 2. М. — Л., 1956, стр. 299.

ра исторической песни и систематизация текстов в них не отвечает уровню современной науки о фольклоре.

В советское время было издано несколько антологий этого жанра ¹.

Современное академическое издание исторических песен осуществлено в двух книгах — «Исторические песни XIII—XVI веков» (1960) и «Исторические песни XVII века» (1966). Оба труда подготовлены на основе достижений советской фольклористики. В них песни объединены по историко-тематическому принципу в двух больших отделах. Внутри отделов произведения располагаются по сюжетам, которые образуют ряд сюжетно-тематических групп-циклов. Варианты одной песни группируются по характеру и особенностям разработки в них сюжета. Систематизация всех произведений осуществлена на основе большой текстологической работы. Снабженные подробными комментариями, нотными приложениями, интересными статьями, обе книги дают научно обоснованный подбор текстов.

Записи исторических песен продолжают и в настоящее время. Они хранятся в архивах различных организаций и учреждений и требуют научной подготовки их к изданиям.

РАННИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Ранние исторические песни к моменту записи утратили многие конкретные исторические черты, поэтому не всегда удастся установить время их создания. Сопоставление их содержания с летописными данными ² дает основание предполагать, что исторические песни возникли в тот период, когда Русь была раздроблена на отдельные княжества, выступавшие еще разрозненно против татаро-монгольского ига.

В ранних исторических песнях особенно заметно влияние былинного эпоса. В них сказывается и характерный для былин гротеск в зарисовке образа неприятеля, по-

¹ Большая часть их названа в разделе «Библиография».

² См. такие сопоставления в работе Б. Н. Путилова «Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков».

вторые в повествовании, наличие общих мест (*loci communes*) в тексте и пр. И однако уже в этот период выступают черты, отличающие историческую песню от былины. Прежде всего, положительными героями исторических песен оказываются не богатыри, наделенные сверхчеловеческой силой, а обыкновенные люди. Характерна, например, песня «Авдотья Рязаночка» (№ 1)¹. В ней простая женщина, благодаря своему уму и горячей любви к народу, смогла возвратить из татарского плена всех соотечественников и, расселив их «по-старому да по-прежнему», восстановила город, разоренный захватчиками. В песне ясно ощутим стиль былины и сказок. Так, разоритель Руси «Бахмет турецкий» наделен сверхъестественной силой, позволяющей ему управлять природой:

Напустил все реки, озера глубокия...
Во темных лесах напустил лютых зверей,
Чтобы никому ни пройти, ни проехати.

Как и татары в былинах, Бахмет владеет несчетной «силой-армией» и уничтожает целый город. Описание путешествия Авдотьи Рязаночки в лагерь к Бахмету имеет сказочный характер: на ее пути оказываются «три заставы великие», она должна суметь разгадать своеобразную загадку этого царя.

Так неизменная победа физической силы в былинном эпосе уступает место в исторической песне состязанию в хитрости, заканчивающемуся победой разума. В песне, воспевшей подвиг простой женщины, проявилось возрождавшееся национальное самосознание народа, боровшегося против татаро-монгольского нашествия.

Татары не только брали дань с русского народа, но и уводили многих в плен, как это показано в песне «Авдотья Рязаночка». Многочисленный «полон» оказывался основной добычей татар после 1380 года, при их эпизодических набегах на освобожденные территории Московской Руси. Это породило песни «о татарском полоне», типичные для веков борьбы с татарами. Широко распространенные в свое время, они по форме были близки к бытовым лирическим песням. В одной из дошедших до нас исторических песен на эту тему в заду-

¹ Цифрами в скобках указаны номера песен данной книги в разделе «Тексты».

шевных эмоциональных тонах раскрывается типичная картина бедствия народа (№ 2). В другой рассказывается о том, как мать в плену встретила с дочерью, ставшей женой татарина (№ 3). Эта драматическая сцена встречи матери с дочерью в «полоне» потрясала слушателя, воспитывала патриотические чувства¹.

К. Маркс говорил о татаро-монгольском иге, что оно «не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой»². Оскорбленное чувство вызывало в народе гнев и возмущение, переходящие в ненависть к завоевателям, что ярко отразилось в содержании песни «Щелкан Дюдентевич» (№ 4). В основу песни положен исторический факт — восстание тверичей в 1327 г. Песня показывает бесправное, трагическое положение русского народа, с которого завоеватели брали большие подати. Так, Щелкан Дюдентевич

С князей брал по сту рублей,
С бояр по пятидесят,
С крестьян по пяти рублей;
У которого денег нет,
У того дитя возмет;
У которого дитя нет,
У того жену возмет,
У которого жены-то нет,
Того самого головой возмет.

Против Щелкана Дюдентевича выступает тверской народ в лице двух братьев «Борисовичей». В схватке с ним они побеждают и остаются безнаказанными:

Тут смерть ему случилася,
Ни на ком не сыскалося.

Такое окончание песни призывало к борьбе с татарскими поработителями. Этому способствовала и ее поэтическая форма. В частности, укороченность стиха, в отличие от других песен и былин, давала возможность петь песню о Щелкане в убыстренном, даже плясовом темпе, что создавало мажорное настроение у слушателей.

¹ В. И. Чичеров считает, что песни о татарском плене создавались в XVI—XVII вв. (см.: Исторические песни. Вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В. И. Чичерова. Л., 1956, стр. 41—45).

² К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII века. Цит. по кн.: «История СССР». Т. 1. Изд. 2. М., 1948, стр. 154.

Политическая от начала до конца, песня о Щелкане дает в поэтической форме не только представление об освободительном движении русского народа против татаро-монгольского порабощения, но и раскрывает борьбу за власть в самой Орде.

В ранних исторических песнях противником восточнославянской народности оказывается чаще всего представитель татарской военщины. И освобождение от татарской зависимости мыслится лишь в плане национальной борьбы.

Как уже отмечалось, в стилевом отношении исторические песни на этом этапе испытывают влияние былин. В них наблюдается характерная для былевого эпоса замедленность действия, эпичность повествования, хотя имеется и лирический, эмоциональный тон. Сюжет песен, подобно сюжету былин, не ограничивается одним эпизодом. Например, песня о Щелкане, прежде чем раскрыть основной эпизод — уничтожение ненавистного угнетателя, дает развернутую характеристику героя посредством описания его жизни, сообщая полную его биографию. Но все же стихи песни отличаются краткостью, а события развиваются динамичнее, чем в былинах. Уже на этом этапе исторические песни кляли своими, новыми, диктуемыми жизнью путями.

ПЕСНИ XVI ВЕКА

Ранние исторические песни не оставили нам такого богатства произведений, как исторические песни XVI века. Записанные тексты о событиях XVI века многоплановы в тематическом отношении и разнообразны по форме. На основе этого материала можно с полной уверенностью говорить о циклах в исторических песнях¹, о стилевом своеобразии жанра и его дальнейшем становлении. Это время — начало расцвета жанра исторической песни.

Главной идеей исторических песен XVI столетия была идея единства Русской земли. Песни отражали борьбу

¹ Понятие «цикл» в данном пособии употребляется в двух значениях: а) группа произведений об одном герое; б) сюжетно-тематическая группа произведений.

бу народа с внешними врагами, а также его роль в укреплении централизованного государства. Это было особенно характерно для песен об Иване Грозном и Ермаке.

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

Цикл исторических песен об Иване Грозном обнаруживает стилевое многообразие. Среди них оказываются как песни, продолжающие использовать приемы эпоса, так и такие произведения, которые представляют собой качественно новое явление в развитии жанра. Поиск новых форм изображения действительности приводит ко все большей утрате эпических художественных средств. Первостепенное значение приобретает сам исторический факт со всеми конкретными реальными подробностями при его описании. Такая новизна характерна для песни о взятии Казани. Она не обнаруживает связи с эпосом, строится на иных приемах, на иной стилистике. Песня посвящена крупной победе над татарами, которая положила конец их господству. Изображение наступления русских войск означало, что времена переменялись, и уже не татары вели свои войска на Русь, а русский царь организовал против них поход. Героем песни оказывались не эпические богатыри, а простые русские люди, хотя их образы еще не получили полного художественного воплощения, не было внешнего описания действующего лица. Таков рядовой воин, пушкарь. Песня подчеркивает его смелость, продуманные, обоснованные действия и незаурядный ум (№ 5). Он твердо уверен в победе, несмотря на то, что Грозный колебался, подозревая измену. Песня раскрывает патриотизм народных масс, свидетельствует о их решающей роли в создании централизованного государства, подчеркивает, что именно простые люди из народа взяли Казань в 1552 г., в результате чего будто бы Иван Грозный приобрел царскую корону и «царскую перфиду»:

Он царской костыль в руки принял.
И в это время князь воцарился
И насел в Московское царство;
Что тогда-де Москва основалася;
И с тех пор великая слава.

Как известно, Москва основалась гораздо раньше, но с ликвидацией Казанской, а потом и Астраханской орды укрепилось могущество Русского государства и значительно уменьшилась опасность татарских набегов. Именно эту мысль и выражает песня. Одновременно здесь подчеркивается, что только при Иване Грозном было создано централизованное Русское государство.

На основе исторической борьбы Русского государства с Казанской ордой создавались и лирические песни. Таковы, например, варианты песни на сюжет «Молодец зовет девицу в Казань» (№ 6). В песне противопоставляются светлым образам мира суровые образы войны. Во второй части песни, окрашенной в скорбные тона, говорится о тяжких последствиях войны, о разоренной земле, о погибших воинах.

Описание в различных песенных жанрах взятия Казани показывает разностороннее восприятие людьми исторических событий, получивших не только рациональное, но и эмоциональное отражение в устном народном творчестве.

Среди других песен о борьбе с татарами особый интерес представляет песня о Кострюке (№ 7), созданная в связи с женитьбой Ивана Грозного на черкесской княжне Марии Темгрюковне. Героико-патриотическое начало в этой песне своеобразно переплетается с элементами сарказма. Пародийно изображаются главный герой песни — иноземный князь (брат Марии Темгрюковны), шурин русского царя, и бояре. Для этой цели используется эпический стиль в сатирическом плане. Так, во время свадебного пира у Ивана Грозного Кострюк расхвастался:

Он ведь просит борца-молодца,
Почёна добра молодца,
Скажот: «Семь городов испрошол,
Тридцеть борцов поборол,
Не нашол по сибе борца,
Почена добра молодца».

Подобно былинным героям, Кострюк просит выставить ему борца. Добровольцы находятся:

Как из нижняго йз конца,
Как из маленькёго из дворца
Выходили два богатыря:
Кабы Васенькя маленькёй,
Да Потанюшка хроминькёй.

Добровольцы хотя и названы богатырями, но характеризующие их эпитеты подчеркивают простоту и обыденность героев.

Вызывающее поведение Кострюка, скромное появление русских борцов и сама борьба двух сил показывают, что нелегко было избавиться от нахвальщика, представляющего в песне татарскую силу. Победа над Кострюком простого русского человека воспринимается в песне прежде всего как победа над татарами. Следует согласиться с исследователями, видевшими в образе Кострюка и юмористическое изображение опричнины, набравшейся частью из иноземцев. Уже М. Ю. Лермонтов своеобразно выразил эту мысль в сюжете «Песни про купца Калашникова».

В исторической песне «Кострюк» изображение низвергнутого татарского ига социально углубляется зарисовкой трусости бояр перед иноземным нахвальщиком, показом чванливого отношения Кострюка и его сестрицы к простым русским людям, противопоставлением господствующему классу величественного народного героизма, который поддерживает сам Иван Грозный:

А не то у меня честь во Москве,
Что татары-те борются,
То-то честь в Москве,
Что русак тешится! ¹

В свою очередь, народные массы с пониманием относились к мероприятиям Ивана Грозного по укреплению государства.

Народная поддержка Ивана Грозного в его борьбе против князей и бояр за централизованное государство проявилась в песне о гневе Грозного на сына. В ней царь выступает ярким сторонником централизации власти. Для этой цели он готов принести в жертву даже своего сына. Поверив доносу на сына, обвинявшегося в предательстве, царь приговаривает его к смерти (№ 8).

Однако песня не ограничивается только мыслью о централизации власти. Идейный смысл ее намного шире. Бытуя в народе, песня отразила, в частности, мечту угнетенных масс о такой обетованной земле, где бы можно

¹ Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. М., 1938, стр. 31.

было спастись от государственных законов¹. Этим, надо полагать, и объясняется просьба любимого народного героя песен Никиты Романовича (брата первой жены царя Анастасии) дать ему в награду за спасение царевича Никитину вотчину, где могли бы укрыться люди, преследуемые существовавшими законами. Во многих текстах песни царь удовлетворяет просьбу Никиты Романовича.

Историческая песня о гневе Грозного на сына, оразившая события 1570 года, связанные с жестокой расправой над новгородцами, получила распространение в основном в новгородских землях, богатых былинной традицией. Песня сохранила поэтический стиль эпоса: она начинается пиром и оканчивается тем, что герой получает подарок, по-былинному спешит царица к брату и по-былинному он встречает ее и т. п. Но сходство с былинным эпосом чисто внешнее. Основная часть песни — спасение царевича и возвращение его во дворец — разработана оригинально, в эпосе нет подобной завязки, герои песни не похожи на богатырей².

Особое значение имеет образ Ивана Грозного. Для него характерна глубина психологического раскрытия. С одной стороны, перед нами неумолимый политический деятель, беспощадный к сыну-изменнику, с другой — любящий отец, который раскаивается в содеянном, оплакивает сына, лишается покоя.

Ото сна встает царь Иван Васильевич, пробуждается,
Своего сына он хватается...
Прознав дело, рвется и мечется,
И говорит таковы речи:
«Ой вы, слуги мои верные!
Вы зачем меня не уняли!
Вы зачем пустили на дело окоянное? (№ 8а)

Изображение переживаний героя, его взволнованная, эмоциональная речь в корне отличают образ исторической песни от былинного богатыря. Психологические элементы в содержании исторических песен создают яр-

¹ См.: В. Я. Пропп. Песня о гневе Грозного на сына. «Вестник Ленинградского университета», № 14, серия истории, языка и литературы, вып. 3. Л., 1958, стр. 97—99; А. М. Астахова. Былны Севера. Т. 2. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 745.

² См. подробнее: Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков, стр. 215—216.

кий жизненный образ, окрашивают песни в лирический тон.

Исторические песни об Иване Грозном были разнообразны по своей тематике. Помимо рассмотренных, следует назвать такие, как песня о неудавшемся покушении на Ивана Грозного, о смерти царицы Анастасии Романовны, Правеж, Иван Грозный под Серпуховом, пожалование казаков Тереком (№ 11) или Доном (№ 12), смерть Ивана Грозного, часовой плачет у гроба Ивана Грозного (№ 13). Во всех этих песнях центральным образом был Иван Грозный — положительный герой, мудрый правитель и военачальник, страшный своим внешним и внутренним врагам. Он противопоставлен трусливым и жадным князьям-боярам; он очистил Московское царство, вывел боярскую измену, установил порядок. Но народ не скрывал и его отрицательные черты: жестокость, вспыльчивость, неразборчивость в средствах наказания людей и проч. Сочетание положительных и отрицательных черт в образе героя — новое явление в песнях. Изображение Грозного в таком плане было близким к историческому прототипу.

Исторические условия развития Русского государства в последней четверти XVI столетия вызвали к жизни песни, в которых отражалась тревога за будущее родины. В этот период возобновились набеги татар с юга, нависла опасность польской агрессии. Песня о набеге крымского хана (№ 9) запечатлела эти тревожные настроения. В ней большое место отводится описанию самого набега и раскрывается попытка хана поделить Московское царство. Набег, сравниваемый в песне с сильной тучей и сильными громами, дает представление о надвигающейся опасности. В то же время провал татарского набега песня изображает как результат морального и военного превосходства Русского государства. Однако эта мысль в песне выражена своеобразно. Гибель татарам предрекает некий «господен глас». Это обращение к божественной силе и отражало смятение перед надвигающейся опасностью, что находит подтверждение и в памятниках письменной литературы того времени.

Песня о набеге крымского хана во многом отошла от былинной стилистики: здесь нет эпических формул, широкого многословия и т. п.

Однако, как заметил Ф. Е. Корш, она имеет «обыкновенный полный былинный размер с примесью некоторых сокращенных стихов»¹. Другие исторические песни, которые продолжали бытовать в последующие века в местах былинной традиции, оказались под поэтическим влиянием былин. Такова песня об осаде Пскова польским королем (№ 10), отразившая борьбу русского народа с агрессией польских магнатов.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ О ЕРМАКЕ

Во второй половине XVI столетия исторические песни все больше разрабатывали социальные мотивы, так как крепостное право, оформившееся к концу этого века в общегосударственном масштабе, вызвало всенародную ненависть. Рост товарно-денежных отношений, усиление эксплуатации разоряли крестьянство и городское население. Спасаясь от кабалы и непосильных налогов, беднейшая часть населения бежала на юг страны, на неосвоенное Дикое поле. Здесь возникали беспрерывно перемещавшиеся казачьи станицы, в которых к концу XVI века сосредоточилось свыше 20 тысяч человек, способных носить оружие. Создавался резерв для крестьянской войны.

Жизнь казаков того времени нашла отражение в песнях о Ермаке (№ 14а). В одной из них атаман эмоционально рассказывал о враждебном отношении правительства Ивана Грозного к казакам, как к разбойникам (№ 14).

Речь Ермака проникнута горячим сочувствием к изгнанным и отвергнутым, стремлением найти спасение в сложной ситуации. Экспрессивность речи достигается повторением ласкательного, дружеского обращения к слушателям, употреблением слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

Казаки в своих песнях уверяют, что они никогда не выступали против «законного» царя. Они всегда поддерживали Ивана Грозного. Есть песни, в которых расска-

¹ П. К. Симо́ни. Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства. Чтения Ф. Е. Корша. В кн.: «Сборник ОРЯС АН». Т. 82, № 7. Спб., 1907, стр. 27.

зывается об их участии во взятии Казани, что подтверждается и литературными источниками¹. В отдельных песнях Ермак даже сам берет Казань (№ 15), а Грозный за это жалует казаков Тихим Доном². Песни о пожаловании казаков Доном, Терекон, т. е. южными реками, вполне убедительно для того времени доказывали законность местопребывания беглого населения на Диком поле. В ответ на грозные указы правительства о поимке «воров» казаки оправдывались ссылкой на царское разрешение жить по берегам южных рек. Но в отдельных песнях казаки проявляли решимость уйти от правительственного преследования, найти место, где можно построить свободную жизнь согласно своим представлениям.

Очень интересны созданные народом песни о походах Ермака в Сибирь (№ 16), которую он дарит царю. Имевший место в действительности факт приема Грозным послов от Ермака после блестящей победы над войском Кучума получил в песнях своеобразную разработку. Прибывший с повинною к царю Ермак говорит:

А теперича, надежа провославный царь,
Приношу тебе буйную головушку,
И с буйной головой царство Сибирское! (№ 18)

Так в исторических песнях отразился великий народный подвиг. Присоединением Сибири, как подчеркивалось в песне, заканчивалось строение Московского государства и многовековая борьба с татарским порабощением. Свое значение в государстве народ выразил в ответе Ермака царю, когда один из бояр советует Грозному его казнить:

Да возговорил Ермак, сын Тимофеевич:
«Злодей боярин, не царский думчий!
Без суда хочет меня казнити-вешати!»
Богатырска его сила подымалася,
И богатырская его кровь разгоралася.
Вынимал Ермак из своих ножен саблю острую,
Буйна голова от плеч могучих отвалилася
И по царским палатам покатилася.

¹ См.: Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве. «Сборник ОРЯС АН». Т. 69, № 2. Спб., 1901, стр. 432. 461.

² Следует иметь в виду, что Иван Грозный жаловал казаков Терекон, а Доном — Борис Годунов.

Ермак в беде сидит, бедой крутит,
А думчие боярушки испугались,
Из царских палатушек разбежались,
А царская персона переменялась.¹

Народ гораздо сильнее бояр, но суд над обоими вершит царь. Ермак — представитель народа — победил бояр и ждет решения своей судьбы. Момент напряженный («Ермак в беде сидит, бедой крутит»). Наконец, дело решается в пользу атамана («А царская персона переменялась»). Динамика действий Ермака, предельное напряжение его чувств и быстрота разума в сложной обстановке ярко рисуют образ народного предводителя.

В образе Ермака народ показывает свою силу, с которой необходимо считаться. Ермак — народный герой, предворявший своим появлением будущих организаторов и руководителей крестьянских восстаний.

Исторические песни о Ермаке переносят действие в необычную обстановку. Изображается совершенно новый социальный слой — казачество, только что появившееся в Русском государстве, сформировавшееся из беглого обездоленного люда. Теперь песни воспевают такие жизненные коллизии, какие невозможно было встретить в предыдущих произведениях жанра. Для этого используются необычные сравнения, подчеркивающие в образе Ермака качества народного предводителя. Более ярко проявляются лирические и психологические мотивы в связи с зарисовкой трудных ситуаций, складывающихся у сподвижников Ермака.

ПЕСНИ НАЧАЛА XVII ВЕКА

Крестьянская война под предводительством И. И. Болотникова (1606—1607 гг.), длительный и острый кризис внутри господствующего класса крепостников создали условия для согласованных действий польских магнатов

¹ И. П. Сахаров. Песни русского народа. Ч. 4. Спб., 1838, стр. 272—277 (см. также: И. Сахаров. Сказания русского народа. Т. 1, кн. 3., изд. 3., Спб., 1841, стр. 244—245).

и шведского короля совместно с крымскими и ногайскими ордами против Русского государства¹.

Тяжелое внутреннее положение страны грозило превратиться в катастрофу для всего Русского государства. Острая социальная и национальная борьба явилась основной причиной возникновения исторических песен начала XVII века, она же служила их содержанием, обусловила идейные и художественные особенности. Песня об убийстве царевича Дмитрия (№ 20) довольно близко воспроизводит обстановку того времени. В ней причина всех зол, постигших государство, объясняется тем, что в народ вселилось «лукавство великое», которое и привело к гибели царя, а следовательно, и к беспорядкам в государстве. С понятием «лукавство», по-видимому, связывается обман, хитрость и коварство власть имущих. В отличие от письменных памятников и некоторых устных творений того времени, воспевавших божественную силу, будто бы наказавшую все русское население, сотворив так называемую «смутную» эпоху, песня дает свою оригинальную трактовку событиям.

Вероятно, она была особенно популярна в период царствования Бориса Годунова, когда классовые противоречия стали перерастать в открытую крестьянскую войну. Достоинство песни заключается в том, что основное внимание в ней обращено на социальную обстановку в стране (что было, как следует понимать смысл песни, причиной всех последующих событий). Песня ориентируется не на воспроизведение событий, а на воссоздание психологического настроения современников. Характерна в песне бессюжетность, отсутствие эпического повествования в раскрытии темы и глубокий лиризм в зарисовке настроения.

Высокие достоинства данной песни особенно очевидны при ее сравнении с другой, записанной в среднем Поволжье (№ 21). Идейное содержание этого произведения довольно невысокое: в нем утверждается идея божьего наказания, обрушившегося на государство в

¹ См.: А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М. — Л., 1948, гл. 2; Иностранские сочинения и акты, относящиеся к России. М., 1848, стр. 5 (Инструкция Самуилу Грушницкому, данная в Варшаве в 10-й день апреля месяца 1612 г.).

образе «незаконного» (т. е. ненастоящего) царя, незаконно взошедшего на русский престол.

Разная социальная острота песен отражает многообразие восприятий действительности современниками той эпохи.

В непосредственной связи с предыдущими песнями стоят песни-плачи Ксении Борисовны Годуновой (№ 22, 22а). Сопоставление их содержания с историческими событиями показывает, что устные произведения создавались и в процессе событий, раскрывая отношения различных социальных групп к этим событиям. Плачи возникли весной 1605 года, перед вступлением Лжедмитрия I в Москву. Во время их записи (1619—1620 гг.) Ксения была еще жива и возбуждала интерес в обществе. Эти произведения исследователи вполне убедительно характеризуют как лиро-эпические исторические песни. Здесь форма плача сливается с формой исторической песни: лирическое причитание сохраняет эпический стих и историческую основу.

События начала XVII века нашли яркое отражение в эпических произведениях о самозванцах¹.

Эпические произведения о Гришке Отрепьеве разнообразны по своему жанру. Однако о них чаще всего можно говорить как об исторических песнях, возникших на эпической основе традиционных былин. Песни разоблачают экспансию польских магнатов, их стремление возвести своего единомышленника на русский престол, показывают силы, способные отстоять независимость Родины.

Характерной в этом отношении является песня из сб. Кириши Данилова (№ 23). В ней говорится о том, что Гришка Отрепьев, будучи на московском престоле, женится на злой еретице-безбожнице Маринке Юрьевой, нарушая все русские обычаи. Во всеуслышание Гришка заявляет, что самыми дорогими гостями у него будут пан Юрий с паньей. Этот факт оказался для него роковым:

А втапоры стрельцы догадался,
За то-то слово спохватилися

и разоблачили его как иностранного ставленника. Стрельцы здесь являются главной положительной силой,

¹ Библиографию песен см.: А. М. Астахова. Былины Севера. Т. 2, стр. 715.

спасающей государство. Они взбунтовали всю Москву против Гришки-расстриги и уничтожили его.

В начале XVII века на юге государства (Северская украина, Дикое Поле, Дон, понизовье Волги, Янк) беспрерывно бурлила волна гнева и возмущения беглого населения против центрального правительства.

Все песни, записанные на территории, население которой в «смутное» время поддерживало центральное правительство, изображают казаков как преступников и воров, едущих с Дона, с благословения священника, за «легкой» наживой (№ 24). Видимо, существовали песни, в которых Гришка Отрепьев выступал в роли руководителя «воровских» казаков. Известен один вариант такой песни, в которой говорится, что с Дону едут разбойники, а среди них Гришка с Маринкой занимают, как видно, место предводителей (№ 25).

Против польско-католического вторжения на территорию Русского государства в «смутное» время успешно выступил молодой воевода Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Он сумел сплотить вокруг себя все действительные силы русских войск, одержал ряд побед и вселил в народ уверенность в скором освобождении всего государства. В произведениях о нем выражены народные представления о полководце и государственном деятеле; имя Скопина в народе связывается даже с окончательным освобождением Москвы от врагов, хотя это произошло после его смерти.

Известно, что уже при жизни М. В. Скопина-Шуйского народ пел ему величальные песни, называл его отцом и спасителем государства. Любовь народа к Скопину-Шуйскому, его успехи в борьбе с иноземцами вызвали у бояр страх и ненависть к нему. Как свидетельствуют современники, Скопин-Шуйский был отравлен боярами на пиру у князя Воротынского. Внезапная смерть полководца при загадочных обстоятельствах была ударом для народа: с одной стороны польская, а потом и шведская интервенция, а с другой — борьба за власть в среде русских «княжат»-бояр привели к полному разложению и развалу во всей государственной системе. Это обстоятельство послужило причиной новых воспоминаний о Скопине и сожалений по поводу его смерти, сделало бывше-

го военачальника фигурой еще более популярной и вызвало мощный прилив поэтических произведений о нем¹.

Песня «Михайло Скопин» (№ 26) из сб. Қирши Данилова воспроизводит реалистически точно деятельность Скопина. Как обыкновенный воевода он едет в Новгород, чтобы собрать там войско, просит помощи у шведского короля, т. е. совершает такие дела, какие должен делать военачальник, а не богатырь. В песне, следовательно, дан исторически конкретный, а не эпический образ. И на роковом пиру «кума его крестовая» поднесла ему обыкновенный «стакан меду сладкого», а не чару в полтора ведра, как в былинах.

В песне иногда используются установившиеся былинны́е приемы (так называемые «общие места», например, похвальба на пиру). Резкое противопоставление двух понятий о смысле жизни выявляется в речах пирующих. Бояре похваляются богатством, Скопин же говорит о своих заслугах перед государством, перед народом, упрекая бояр:

А вы глупой народ, неразумные!
А все вы похваляетесь безделницей:
Я Скопин, Михайла Васильевич,
Могу, князь, похвалитися,
Что очистил царство Московское
И велико государство Российское;
Еще ли мне славу поют довеку,
От старого до малого,
От малого до веку моего.

И после такой необычной для присутствующих речи сразу «боярам за беду стало», они

Поддержали зелья лютого,
Подсыпали в стакан в меду сладкие...

и отравили Скопина.

Былинный прием похвальбы Скопина на пиру в данном случае не является характеристикой исторического прототипа. Он использован в песне, чтобы показать причину зависти бояр, вызвавшей в них ненависть к Скопину, и тем самым обрисовать создавшуюся в определенный момент политическую ситуацию.

¹ Библиографию песен см.: А. М. Астахова. Былины Севера. Т. 1. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1938, стр. 627.

Несколько иное поэтическое освещение получила острая социально-политическая обстановка в связи со смертью Скопина в песне, записанной в 1619—1620 гг. (№ 28).

Тревожное начало песни настраивало слушателя на восприятие неожиданных и серьезных происшествий. Плачут «гости Москвичи» о том, что не стало «воеводы Васильевича князя Михаила». Потеря эта настолько серьезна, что ее ничем возместить нельзя.

По-другому это известие воспринимали аристократы:

А съезжались князи-бояря супротиво к ним,
Мьстисловской князь, Воротынской,
и между собою они слово говорили;
а говорили слово, усмехнулися:
«Высоко сокол поднялся,
и о сыру матеру землю ушибся!»

Из дальнейшего содержания песни выясняется, что смерть Скопина была тяжелой потерей для Русского государства: никто не мог противостоять иноземцам. Шведские немцы, воевавшие под командой Скопина, теперь выступили против русских, взяли Новгород «и многой мир-народ погубили».

Песня отражает национально-освободительную борьбу народа с интервентами в неразрывной связи с социальной борьбой внутри государства. С исключительным мастерством и беспредельной симпатией песня воспроизводит чувства и переживания большой социальной группы, поддерживавшей Скопина в трудные для государства годы. Из ярких, образных намеков вырисовывается убедительная картина расстановки общественных сил, жесткая классовая и национальная борьба далекого прошлого.

Устные поэтические произведения о Скопине создавались в самых разнообразных жанрах во всех социальных группах того времени. О Скопине записаны не только исторические песни, но и былины. Кроме того, к моменту записи жанры произведений цикла о Скопине в различных условиях и в разное время претерпели определенную эволюцию. Если на Севере, в области широкого распространения эпоса, встречаются былины о Скопине¹, то

¹ См.: Печорские былины. Записал Н. Ончуков. Спб., 1904, № 5, 60, 81; А. М. Астахова. Былины Севера. Т. 1, № 51, 63, 74, 91.

записанные, например, в Поволжье варианты этого же сюжета по своему жанру оказываются историческими песнями¹.

Назависимо от жанровой принадлежности произведения о Скопине, бытовавшие среди населения северной и центральной частей Русского государства, сохранили к моменту записи положительную оценку деятельности Скопина. В них народ выразил поддержку центральной власти. Та же идея проводилась в песне о Василии Шуйском (№ 29)² и в ряде других исторических песен, создававшихся в процессе событий и отражавших острую социальную борьбу.

Подвиг Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского явился поворотным пунктом в событиях начала XVII века. Их успешная деятельность по организации народного ополчения, победа этого ополчения над иностранной интервенцией создали условия для перехода к восстановлению мира в государстве.

Глубокий патриотизм и беззаветный героизм воспевает песня о Кузьме Минине и князе Пожарском (№ 30). В первой и второй частях ее показано, что именно простые люди под руководством Минина и Пожарского победили захватчиков. В последней заключительной части мы видим, что плоды героических усилий народа оказались в руках князей и бояр. Однако в песне нет осуждения этого факта.

Таково идейное разнообразие исторических песен, возникших в начале XVII века среди населения Севера и центральной части Русского государства.

По-другому осмысливала события «смуты» та часть населения, которая находилась «в бегах» на юге государства и являлась основной движущей силой крестьянской войны под руководством Болотникова. В произведениях, записанных среди казачества, Скопин получил отрицательную оценку³, видимо потому, что он участвовал в

¹ См.: Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 7. М., 1868, стр. 9—11.

² См.: там же, стр. 17, 24.

³ См. былинку о Ставре-Лавре, записанную М. Карпинским в станице Червленной. В кн.: «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Вып. 22, отд. 3, стр. 38—39, 1897. Перепечатана: В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. В кн.: «Сборник ОРЯС АН». Т. 93. Пг., 1915, № 206.

борьбе против Болотникова. Не были среди казачества записаны песни и о Гришке Отрепьеве. Такие произведения не могли бытовать среди населения, боровшегося под лозунгом «царя Димитрия»¹. Естественно, не могли казаки распевать песни об убийстве Димитрия, которого они считали живым. Поэтому можно принять предположение о том, что в песнях о гневе Грозного на сына факт подмены приговоренного к смерти появился под влиянием лозунга за «царя Димитрия»². Исторические песни создавались в огне классовой борьбы и служили идеологическим оружием этой борьбы. Естественно, что уже бытовавшие песни осмыслялись и применялись в соответствии с событиями времени.

Исторические песни, возникшие на основе общественно-исторических событий начала XVII века, характеризуются тем, что в сравнении с предшествующими песнями более остро отображают социальную борьбу. Этому способствовало и использование более разнообразных художественных приемов; например, отмечены были традиции лирического причитания в произведениях с исторической тематикой (две песни-плачи Ксении Годуновой, песня о Скопине). С этой же целью широко применяется различного вида сатира (в зарисовке образов Отрепьева и Маринки, в песне о попе Емеле и др.). Все это давало возможность реалистичнее отразить жизненные явления, сделать более глубокие обобщения в устных произведениях.

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСЕН ПОСЛЕ 20-Х ГОДОВ XVII — В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

После событий начала XVII века историческая песня продолжает свое развитие. Большое количество песен было создано о восстании Степана Разина. Историческая песня среди казачества подвергается коренному стили-

¹ См.: И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607 гг. Изд. 2. М., 1951, стр. 501—502 и др.

² См.: В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности. Т. 2. М., 1910, стр. 277—279.

стическому изменению, становясь более короткой, подвижной и стремительной. Во многом эти качества песни сохраняются и усвершенствуются в петровскую эпоху, особенно после введения военной реформы, когда создаются солдатские исторические песни. Правда, исторические песни о восстании Разина более лаконичны и лиричны, чем солдатские песни о событиях официальной истории петровского времени.

Неторопливое течение государственной жизни в центре страны после так называемого «смутного» времени находит отражение в эпическом стиле исторических песен о межгосударственных взаимоотношениях. Постепенно улеглись бурные события начала XVII века. Был заключен мир со Швецией, а потом и с Речью Посполитой. Наступило относительное спокойствие в Русском государстве. Установились нормальные отношения с соседями. Однако события недавнего прошлого продолжали волновать народное сознание. Небольшое количество вариантов исторической песни о Смоленске, записанных в бывшей Олонецкой губернии, повествует о необходимости его возвращения Русскому государству¹. Смоленск был захвачен Речью Посполитой в начале XVII века. В песне (№ 31) эпически спокойно рассказывается о присоединении к Русскому государству Смоленска в 1657 году.

Определенное спокойствие и уверенность отражает стиль песен о жизни казачества. Хотя оно продолжало волноваться и еще долгое время не признавало вновь избранного царя Михаила Романова, однако песни показывают сознание казаками своей силы как составной и совершенно необходимой части всего народа, стоящей на страже общегосударственных интересов. Так, например, убийство донскими казаками Карамышева — представителя царской власти — песня (№ 32) взволнованно объясняет тем, что он будто бы не оказал должного поч-

¹ См.: В. Ф. Миллер. Исторические песни, № 243, 244, 245, 246, 247, а также тексты о неудачной битве за Смоленск (1632—1634 гг.): записи И. А. Худякова (Записки Восточно-Сибирского отдела РГО по отделу этнографии. Т. 1, вып. 3. Иркутск, 1890, стр. 310) и Т. А. Шуба (Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 3. М. — Л., 1958, стр. 359).

тения царской грамоте при ее провозглашении¹ (имеются песни, осуждающие Карамышева, и с другими сюжетами).

Песни, описывая долголетнюю войну с турками и крымскими татарами, постоянно нападавшими на города и села Русского государства, показывают, что казаки самостоятельно и вполне осознанно взялись за выполнение государственной задачи по охране южных границ.

Борьба с турецко-татарскими набегами получила отражение и в песнях об Азове² (№ 33, 34). В разработке этой темы наблюдается глубокая идейная связь русских исторических песен с украинскими думами³.

1. ПЕСНИ О ВОССТАНИИ РАЗИНА

К середине XVII века в казачьей среде наблюдается резкое проявление имущественного, а потом и общественного неравенства. Это подтверждается документами того времени: «Ныне у донских казаков в меж собою стала разница, и говорят-де они — донские казаки, что им на Дону стало жить худо и от старшин их изгоня, а

¹ См.: Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 7, прилож., стр. 129, 130, 131, 132; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Спб., 1873, № 10; Беломорские былины, записанные А. Марковым. Предисл. В. Ф. Миллера. М., 1901, № 54. (Большинство их перепечатано: В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. В кн.: «Сборник ОРЯС АН». Т. 93. Пг., 1915, №№ 249, 250, 251, 252, 253.)

² См.: Донские казачьи песни. Собрал и издал А. Пивоваров. Новочеркасск, 1885, стр. 30—33; А. М. Листопадов. Донские песни. Т. 1, ч. 2. М., 1949, № 73—75; Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 8, стр. 52, 54, 60—70, 75—78, вып. 7, дополнение, стр. 161; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, № 31, 322; Песни оренбургских казаков. I. Песни исторические. Собрал А. И. Мякутин. Оренбург, 1904, стр. 23—29; Песни оренбургских казаков с напевами. Собрал и положил на ноты Ф. Н. Баранов. Вып. 2. Оренбург, 1913, стр. 37; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступ. ст. и комм. Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 83.

³ Ср.: И. Я. Рудченко. Чумацкие народные песни. Киев, 1874, стр. 81—85; «Киевская старина», 1882, июль, стр. 90—91 и 92—93; Я. П. Новицкий. Малорусские исторические песни, собранные в Екатеринославщине. Екатеринослав, 1908, стр. 58—59; Збірник філологічної секції наукового товариства імені Шевченка. Т. 2. Львів, 1899, стр. 130.

атаман-де Корнила Яковлев учал знатца с бояры, им, казакам, не радит»¹. Изменяется отношение казаков к Москве. Если зажиточные казаки, старшины примирились с Москвой, то беднота, голутвенное казачество, беспрерывно пополнявшееся за счет беглых крепостных из центральных районов государства, все больше обостряло свою ненависть к царскому правительству. К тому же «Уложение» 1649 г., отменившее сроки сыска беглых, окончательно завершило процесс закабаления крестьян в центральных районах страны и в значительной мере обусловило их бегство в районы Дона и Поволжья, ставшие очагами крестьянской войны XVII в. По мере роста социального неравенства в казачьей среде и во всем Русском государстве нарастала волна недовольства существующим общественным строем. Эта волна вылилась в грандиозное восстание широких народных масс (1667—1671 гг.) под предводительством Степана Разина.

Исторические песни, возникшие под влиянием восстания, являются самым крупным циклом этого жанра в XVII веке. В них ведущее место занимает образ народного вождя, руководителя беднейших слоев населения. Широкое распространение фольклора о Разине убедительно свидетельствует о горячей и повсеместной народной поддержке восставших.

Исторические песни сохранили память об отдельных эпизодах восстания, отразивших значительные факты из истории этого события. В самых ранних песнях Разин зовет казацкую голытьбу в поход «во синё море» (№ 36). Песни рисуют персидский поход, повествуют о плавании Разина с казаками по Каспийскому (Хвалынскому) морю (№ 37). Поздние песни запечатлели ряд блестящих побед восставших (№ 41), разгром восстания, трагическую смерть атамана. В песнях нет стремления к широкому изображению событий. Лишь в двух из них имеется попытка развернуть сюжет (обе, вероятнее всего, позднего происхождения, № 44, 46). Песни о Разине в большинстве своем — лирические. Через зарисовку одного эпизода в них раскрывалась историческая обстановка, в которой действует Степан Разин или выступают вос-

¹ Белгородский архив, связка № 10, стр. 4; хранится в Новочеркасском архивном бюро. Цит. по ст.: С. Г. Томеинский. Разинщина. «Проблемы марксизма». Сб. 2. Л., 1930, стр. 118.

ставшие (№ 45). Например, песни так изображали бос-
вой Волжский путь восставших:

Астрахань-то, славну мати, пройдем с вечера,
Царицын городочек во глуху полночь,
Саратов и Дубовку на белой заре,
А Самаре городишке не поклонимся,
В Жигулевских горах остановимся...¹

Легкость, с какой восставшие предполагают пройти охраняемый гарнизонами царских войск путь, является отражением народных надежд на победу. Песни должны были показать силу народа, вселить в него уверенность, служить идеологическим оружием в борьбе за правое дело.

В настоящее время мы не имеем возможности представить себе во всей полноте состояние фольклора XVII века о Разине. Это объясняется тем, что в течение веков царское правительство стремилось разными способами вытравить из памяти народа революционную поэзию, особенно поэзию о Степане Разине, одном из видных вождей крестьянского движения. Многие произведения этого цикла создавались как воспоминания об уже минувших событиях. Они, естественно, несли в себе то идейное направление, какое требовала жизнь в момент создания произведения.

В песнях, отразивших первый этап движения, звучит та же вольница (№ 35), что и в песнях о Ермаке, та же мечта о зажиточной и привольной жизни (№ 38). Много записано песен, в которых говорится о выборе атамана (№ 39).

В этих произведениях народ называет Разина ласково и уважительно; Разин уже находится на вершине своей славы, авторитета и популярности. Но песни о Разине создавались одновременно и в среде, враждебной восставшим, поэтому в некоторых из них сторонники Разина назывались «мазуры», «мазурушки», т. е. разбойники, на что они отвечали:

Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички. (№ 47)

¹ В. Варенцов. Сборник песен Самарского края. Спб., 1862, № 5, стр. 229.

Противником разинского движения (в песнях первого этапа) оказываются чаще всего басурмане (т. е. иноверцы, чужеземцы), а не бояре. Цель походов — напасть на турок, персов или татар и взять добычу (№ 35).

Однако уже в песнях этой поры затрагивается социальная тема, подчеркивается резкое расслоение казачьего населения на бедных и богатых (№ 35). Разин не ходит в казачий круг, а думает думушку с «голытьбою».

Однако более важно отражение в песнях следующего, второго этапа разинского движения, когда оно превратилось в крестьянскую войну (с 1670 года). Песни об этом периоде восстания насыщены социальными мотивами. Они имеют более широкий район распространения. В них рассказывается о том, как Разин берет города (Яицкий городок, Астрахань), расправляется с астраханским воеводой (№ 46). Правда, в песне о последнем событии есть налет враждебности по отношению к Разину: он сравнивается с «черным вороном», воевода же назван «господином большим барином». Это наводит на мысль о поздней редакции текста во враждебной народу среде.

Исключительно яркими в социальном отношении являются многочисленные варианты песен о «сыне» Степана Разина (№ 43, 44). Имеется ряд песен и об освобождении Разиным невольников из тюрем.

Народная фантазия наделила Разина способностью к волшебству. Его не берет никакая сила. Он говорит об этом посланным против него солдатам:

Пуль-пороху, други, не теряйте!
Ваши пушечки меня не возьмут,
Мелки ружьицы не хлопнут.
Никово я, Стенька Разин, не боюсь,
Никово я, братцы, не страшуся...¹

Песни о разинском движении полны надежды на освобождение народа (№ 42). Широта обобщения, яркие образы, красочность художественных изображений поэтически выражали свободолюбивые идеалы народа и способствовали популярности русских песен.

Но содержание песен о разинском движении имело и другую сторону — они раскрывали стихийность восстания, отсутствие в нем ясных целей, какой-либо определенной социальной программы.

¹ «Живая старина». Вып. 1, 1897, стр. 102, № 2.

Поэтика песен о Степане Разине своеобразна. Их идейная направленность — показать силу и правоту народного восстания. Разнообразие художественных приемов тесно связано с изменением самого освободительного движения. Когда оно в апогее, выбираются сюжеты со стремительным развитием действия; предчувствие гибели выражено чаще всего в монологе героя, отражающем плавность течения его мысли. Особенно лиричны и эмоциональны песни о разгроме восстания и казни Степана Разина. Драматизм и задушевность характерны для песни «На заре-то было, братцы, на утренней» (№ 48). Здесь показано постепенное развитие трагических переживаний. Природа в утренний час при восходе солнца и при закате «светлова месяца» полна тишины и спокойствия. Словно нарушая гармонию природы, есаул сообщает казакам печальную весть о гибели атамана. Несчастье велико и непоправимо. Песня своей взволнованностью и беспредельным горем, выраженным в ней под влиянием утраты Степана Тимофеевича, до глубины души потрясает слушателя. «Помутился сам тихий Дон» — это высшее выражение тяжелого переживания. В данном случае можно говорить в полном смысле о лирической песне.

Народ не хотел верить в гибель своего вождя от руки палача и сохранял упорное мнение о том, что Разин умер своей смертью. В доказательство этого Разину приписывалось создание песни «Схороните меня, братцы, между трех дорог» (№ 49), являющейся завещанием потомкам. Имеется и ряд народных легенд о том, что Разин остался жив, но скрылся в пещерах Жигулевских гор.

Устная поэзия о Степане Разине и впоследствии являлась средством идейного протеста против крепостничества в России. Круг таких песен дополнялся за счет так называемых «разбойничьих» и «удалых». Так, в разинский цикл включалась песня о вешем сне девушки (или Разина), имя Разина вставлялось иногда в песни об азовском пленнике, в песню «Не шуми ты, мати, зеленая дубравушка» и т. д. Разинский цикл песен пополнялся народными лирическими песнями о безымянных героях, противостоящих властям (№ 47). В XVIII и XIX вв. широко распространяются песни и сказки о необычайной силе Степана Разина, о его непобедимости и возвращении к народу. Народ продолжает

считать всякое проявление протеста, особенно со стороны волжской вольницы, продолжением дела, начатого Степаном Разиным. Неудачи вольных людей с исключительным сочувствием переживает народная масса, выражая это в своей поэзии (№ 50). Характерно, что создаются и такие произведения, в которых народ со всей убежденностью показывает достоверность расправы с угнетателями, обосновывает справедливость таких действий (№ 51). В записях XVIII и XIX вв. противником Разина оказывается не воевода, не боярин, а более поздний угнетатель народных масс — губернатор.

Разинский цикл пополняют и ставшие подлинно народными песнями стихотворения поэтов XIX в. («Утес Стеньки Разина» А. А. Навроцкого, «Казнь Разина» И. З. Сурикова, «Из-за острова на стрежень» и «По посадку городскому» Д. Н. Садовникова).

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Новая волна исторических песен поднимается в эпоху Петра I. С приходом к власти Петра I (1682 год) была продолжена и победоносно завершена азовская эпопея — 18 июля 1696 года Азов был взят. Русское государство получило выход в Азовское и Черное моря и обезопасило свои южные границы от разбойничьих набегов крымских татар и турок. Борьба за Азов нашла широкое освещение в исторических песнях. Они передают многие подробности битвы за Азов: активное участие донских, яицких, оренбургских и запорожских казаков, личное участие царя, трудности похода к городу¹. Песни объединяются в два сюжета: взятие города

¹ См.: Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 8, стр. 52, 61; П. В. Шейн. Русские народные песни. В сб.: «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете». Кн. 3, 1877, стр. 80; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, № 322; Песни уральских казаков. Собрали А. и В. Железновы. Спб., 1899, стр. 35; Песни оренбургских казаков. I. Песни исторические. Собрал А. И. Мякутин, стр. 23—29; В. А. Кравчинская и П. Г. Ширяева. Русские народные песни, записанные в Ленинградской области в 1931—1949 гг. М. — Л., 1950, № 123.

приступом (№ 52) или с помощью подкопа (№ 53) и завоевание его хитростью (№ 54). Варианты первого сюжета имеют чаще всего социальную окраску: в них царя поддерживают солдаты и драгуны, противопоставляемые бездеятельным князьям. Песни обоих сюжетов строятся на элементах поэтики песен об Иване Грозном и особенно ранних песен о взятиях Азова (в 1590 и 1637 годах). Только теперь наряду с привычными участниками событий (бояре, князья, царь и пр.) появились новые лица — солдаты, драгуны, император. Однако это, видимо, влияние песен последующих лет эпохи Петра I.

Деятельность Петра I по усилению централизации власти встретила сопротивление со стороны княжеско-боярской верхушки, сплотившейся вокруг царевны Софьи и организовавшей в 1698 году реакционный мятеж стрельцов.

После разгрома мятежа уцелевшие от преследования его участники сложили песни, сочувственно изображающие мятеж (№ 55, 56)¹. Хотя в этих песнях нет осуждения царя, однако стрельцы идеализируются как смелые борцы, стрелецкий атаман выступает как представитель восставшего народа. Образ атамана нарисован с любовью. Он будто бы выступает за правду против притеснений стрельцов. Донское казачество, постоянно пополнявшееся за счет беглых из центра страны, особенно было расположено к антиправительственным волнениям. Может быть, поэтому песня сохранилась в основном среди донского казачества, куда были сосланы или бежали после мятежа стрельцы.

В казачьем репертуаре в песню вошла просьба стрельцов о помиловании и обещание царю взять город «какой надобно» без свинца и пороха, чтобы загладить свою вину (хотя известно, что никаких переговоров между царем и стрельцами не было).

Петр I создал регулярную армию вместо расформированного стрелецкого войска.

В исторических песнях начала XVIII века появляется новый песенный персонаж — солдаты. Описываемые в песнях подробности солдатского быта, вооружения, об-

¹ См. также: Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 8, стр. 16—30; П. В. Шейн. Русские народные песни, стр. 72; П. Якушкин. Русские песни. Спб., 1860, стр. 90.

мундирования и боевого порядка показывают, что солдаты и были авторами большинства таких произведений.

С XVIII века солдатская историческая песня становится основной в русской исторической песенной поэзии. Одновременно продолжает жить полной жизнью и крестьянская историческая песня. В этих двух руслах историческая песня сохраняет свою лирическую основу. Как крестьянская, так и солдатская песни рассказывают о тяжелом положении народа. Солдатские песни изображают жизнь солдата, начиная с призыва молодого рекрута. Песня показывает крепостнический характер набора в армию: идут ребята в солдаты не по собственному желанию и не для выполнения долга, а по приказу Петра I. Служили солдаты бессрочно, за побег строго карались как беглецы, так и их родные (№ 57). Поэтому царская служба называется в песнях «неволюшкой»¹.

В этот же период создается большое количество песен, в которых звучит гордость достигнутыми Россией успехами; в них рассказывается об отваге и мужестве солдат, о любимых полководцах и рядовых воинах. Содержанием таких песен были эпизоды шведской войны: взятие Шлиссельбурга (Орешка)², Риги³, Ревеля (Колывани)⁴, осада Выборга⁵, бой под Красной Мызой⁶, Полтавская битва⁷; победные прутские походы на турок 1711 года⁸. В казачьем репертуаре большое место занимают песни о среднеазиатских экспедициях 1716—1717 годов (о взятии города Хивы)⁹. Идет процесс формирования русской нации, растет национальное самосознание, что и получает образное оформление в исторической песне.

В песнях петровского времени мы постоянно находим конкретные упоминания об армии, о любимых полках

¹ Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 8, стр. 220.

² Там же, стр. 138—146.

³ Там же, стр. 213—214.

⁴ Там же, стр. 215—216.

⁵ Там же, стр. 167—168.

⁶ Там же, стр. 125—135.

⁷ Там же, стр. 170—175.

⁸ См.: П. В. Шейн. Русские народные песни, стр. 96—97; А. М. Листопадов. Донские песни. Т. 1, ч. 2, стр. 182, № 130.

⁹ См.: Песни уральских казаков. Собрали А. и В. Железновы, стр. 32; Б. Н. Путилов. Исторические песни на Тереке. Грозный, 1948, стр. 55, № 46.

Петра. Например, в одной из них шведский король посылает «грамотку» с предупреждением о своем прибытии «в гости» на Русь «кушати», а в ответ русский царь подготавливает такую встречу:

Уж мы столики расставим, — Преображенский полк,
Скатерти расстелим, — полк Семеновский,
Мы вилки да тарелки, — полк Измайловский,
Мы пбилице медяное, — полк драгунушек,
Мы кушанья сахарны, — полк гусарушек,
Потчивать заставим, — полк пехотушек¹.

В солдатских исторических песнях изображалось и бесчеловечное отношение к солдатам со стороны офицеров, которые издевались над ними, удерживали и недодавали воинское жалование. Так, одна песня раскрывала облик «злого князя Стрелковского»², другая — командира «немчины», избивающего новобранцев (№ 59). «Притеснителями» солдат называют песни Гагарина³, Меншикова⁴, Долгорукова⁵.

В одной из них говорится о том, что казнокрад и взяточник Гагарин построил себе роскошные палаты на краденые у народа деньги (№ 65). Песни запечатали и отдельные случаи солдатских выступлений против притеснителей (№ 66).

Отражение в песнях петровского времени боевых, героических эпизодов в сочетании с лирическим описанием тяжелой солдатской службы создавало в целом реальную картину солдатской жизни.

При Петре I был создан русский флот. Сухопутная «Московия» превращается в начале XVIII века в могучую морскую империю. Солдаты стали матросами, хотя иногда и продолжают в песнях называться солдатами (№ 64). В песне «Как на матушке на Неве-реке», сложенной, по преданию, самим Петром I, рассказывается,

¹ Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 8, стр. 118.

² Там же, стр. 51.

³ См.: Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 8, стр. 297—302; П. В. Шейн. Русские народные песни, стр. 97—100.

⁴ См.: Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 8, стр. 296—297 (Русские народные песни, собранные Н. А. Львовым. Напевы записал и гармонизировал Иван Прач. Спб., 1896, стр. 72, № 72).

⁵ Библиографию сюжета и комментариев см.: А. М. Астахова. Былины Севера. Т. 2, стр. 744.

как молодой матрос снастит корабли «не своей волей», а «по указу ли государову, по приказу адмиральскому»¹.

Многие песни упоминают о военных кораблях, плавающих по Неве и Балтийскому (Верейскому) морю, о взятии прибрежных городов-крепостей.

Песни изображали русского солдата, трудовой народ как истинных защитников государства. Солдаты помогают царю «думу думать» и являются главной силой при взятии крепостей (№ 62).

Все нововведения в армии и государственные преобразования требовали определенных экономических усилий, дорого обходившихся народу, обостривших классовые противоречия. Осуществляются реформы, способствующие развитию промышленности. Зарождается рабочий класс («работный люд»). Происходят его первые выступления, которые вносят изменения и в народное творчество. Строительство каналов и возведение городов (например, новой столицы — Петербурга) уносило много человеческих жизней и, как показывает устная поэзия, становилось бедствием для народа². В песнях о прорытии Ладожского канала отражена тревога за судьбу людей, отъезжающих «на канавушку на Ладожку, на работушку государеву» (№ 67).

Тяжесть солдатской службы, усиление эксплуатации народа в связи с ростом товарных отношений, казнокрадство ближайших царских слуг вызывали возмущение разоряемых и притесняемых масс. Вспыхивали стихийные бунты. Особенно крупным движением этого времени было восстание донских казаков под предводительством Кондрата Булавина (1707—1708 гг.).

Сигналом к восстанию послужили действия Ю. В. Долгорукого, который явился с воинскими частями на Дон, чтобы захватить беглых крестьян и вернуть их помещикам. В песне говорится о том, что на Дон приехали два рассыльщика — два боярина, которые стали разорять казаков. Это и возмутило Тихий Дон (№ 68).

¹ П. В. Шейн. Русские народные песни, стр. 100 (Русские народные песни, собранные Н. А. Львовым. Напевы записал и гармонизировал Иван Прач, стр. 105, № 105).

² См.: Е. В. Барсов. Петр Великий в народных преданиях Северного края. «Беседа», 1872, № 5, стр. 17.

Песня об Игнатии Некрасове, сподвижнике Булавина, говорит о массовом характере восстания, о народном возмущении, охватившем весь Дон (№ 69). Как известно, Некрасов после подавления восстания ушел со своим отрядом в Турцию. Виновником ухода казаков за Дунай в песне оказывается карательный отряд Долгорукого, зверски расправлявшийся с повстанцами. Долгорукий привез «указушки... облыжные» (т. е. ложные, неверные), «без указу» стал разорять Дон. В некоторых вариантах сам Петр I, узнав об уходе некрасовцев, едет вслед за казаками и уговаривает их вернуться на родину¹.

Песни повествуют о тяжелых переживаниях повстанцев, покидающих своего кормильца — Тихий Дон, и в то же время говорят о невыносимых социальных условиях жизни, о бесправном положении человека, вынужденного оставить свою землю.

Среди казаков записаны и такие варианты песен, в которых Некрасов характеризуется как вор-изменник², а восстание представлено делом небольшой части обманутых казаков³. Все это свидетельствует об отсутствии согласованности в движении Булавина.

Большое место в исторических песнях занимал образ Петра I; в народной оценке он, как и Иван Грозный, сурово карает изменников-бояр и высоко ценит народ; нередко о Петре рассказывали те же сказки и предания, что и о Грозном. Сближение образов Петра I и Ивана Грозного идет по линии подчеркивания демократизма царя. В песнях Петр I всегда доступен народу, он умный и справедливый государь, талантливый полководец, всегда первый на посту, на работе. Он любовно относится к солдатам, называя их своими «детушками», не считает зазорным померяться силой с простым драгуном или казаком (песня о поединке Петра с драгуном)⁴, поощряет подчиненных за проявленную силу, доблесть и особенно за хорошую службу⁵.

¹ См.: И. И. Железнов. Предания и песни уральских казаков. «Русский вестник», 1859, т. 20, стр. 420—421.

² См.: Песни оренбургских казаков. I. Песни исторические. Собрал А. И. Мякутин, стр. 37—38.

³ См.: А. М. Листопадов. Донские песни. Т. 1, ч. 2, № 116.

⁴ См.: Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 8, стр. 37—38.

⁵ Там же, стр. 156—157.

В поэтическом плаче на смерть Петра I, создателя русской армии, «полковничка Преображенского», выражена тесная связь между ним и армией (№ 70)¹. С теплой грустью и искренним чувством сожаления говорится о постигшем страну горе.

Петр I, показанный несколько идеализированно, противопоставляется боярам, духовенству. Например, в песне о взятии Шлиссельбурга (Орешка) он обращается сначала к генералам, а потом к «детушкам-солдатушкам» с вопросом:

Еще брать ли нам Орешек,
Иль не лучше ль от него отступить?

Генералы советуют отступить, а солдаты, сознавая всю трудность предстоящей битвы, все же обещают взять город своей «белой грудью». И свое обещание они выполняют:

Победили силу шведскую,
Полонили город надобной. (№ 62)

О деятельности Петра I и его эпохе бытовали песни реакционных кругов. Таких произведений небольшое количество.

Солдатские бытовые и исторические песни с этого времени становятся в крестьянском репертуаре одной из значительных форм поэзии вплоть до Отечественной войны 1812 года. Эти песни вводили в крестьянскую речь новые понятия, раздвигали рамки патриархальных представлений. В художественном отношении песни также претерпели изменения: наряду с чисто эпическими чертами (№ 55) в них появляются и новые: короче размер, а напев приближается к походному, маршевому.

Песни о быте русского солдата в последующее время утратили приуроченность к петровской эпохе и постепенно перешли в разряд лироэпических, рекрутских и солдатских, рассказывающих о тяжести «грозной государевой» службы на чужой дальней стороне.

¹ См.: Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 8, стр. 278—290; А. М. Листопалов. Донские песни. Т. 1, ч. 2, № 133; 134, 136.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ 40-х ГОДОВ XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА

Собирание фольклора началось лишь в XVIII веке (исключение представляют шесть песен, записанных в 1619—1620 годах, и две-три случайных записи отдельных отрывков лирических песен, относящиеся также к XVII веку). От XVIII века мы имеем «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», «Собрание разных песен» М. Д. Чулкова в четырех частях (1770—1774), «Русские народные песни, собранные Н. А. Львовым; напевы записал и гармонизировал Иван Прач» (Спб., 1790), «Письмовник» Н. Г. Курганова (1769), «Собрание русских простых песен с нотами» В. Ф. Трутовского в четырех частях (Спб., 1776—1795), «Русские сказки» В. А. Левшина в десяти частях (М., 1780—1784), «Российская Эрата» М. Попова (М., 1792), ряд рукописных сборников песен и сказок.

Эти сборники показывают, что в XVIII веке фольклор живет интенсивной жизнью, бытуя в разных классах общества. Продолжает жить и былина, историческая песня предыдущих эпох, широко распространена лирическая песня.

Характерной особенностью фольклора второй половины XVIII века является сближение с литературой: с одной стороны, писатели постоянно черпают образы из народного творчества, с другой — многие произведения фольклора оказываются под влиянием литературы. Литература становится гораздо ближе к народному творчеству, чем это было раньше.

Начиная с 40-х годов XVIII столетия количество новых оригинальных исторических песен сокращается, их поэтическая выразительность получает тенденцию к снижению. Воспевая, например, военные события, они используют чаще всего поэтический арсенал (вплоть до сюжета) песен предшествующих эпох. Многие исторические события послепетровского времени не оставили заметного следа в произведениях жанра. Этот закономерный процесс в развитии исторической песни ошибочно был воспринят буржуазно-либеральной наукой как замирание всего русского народно-песенного творчества. В действительности же оно не только не иссякает, но со второй

половины XVIII века, помимо исторической песни, проявляется в других жанрах и поэтических формах.

Развитие товарно-денежных отношений в XVIII веке приводит к усилению крепостного гнета. Обнищание крестьянства, униженное его положение находит своеобразный протест в устном поэтическом творчестве. Поэзия о крепостной неволе отражает неслыханное до этого бесправное существование народа¹. Это новый тип народного творчества². Жанровое многообразие и вариантность устного творчества XVIII века на социальные темы не имело прецедента. Песенная поэзия о крепостной неволе в жанровом отношении отличается от исторической песни и потому она рассматривается в других разделах фольклористики. В устных антикрепостнических произведениях народ отражает свою ненависть к крепостному строю.

Кроме крестьянской антикрепостнической поэзии со второй половины XVIII века входит в устное творчество поэзия «рабочих людей», зародившаяся еще в начале века³. Хотя в ней и говорится об исторических фактах (о возникновении заводов, рудников и т. д.), но ее нельзя отнести к жанру традиционной крестьянской исторической песни. Поэзия «рабочих людей» отражает историю формирования пролетарского мировоззрения.

Во второй половине XVIII века историческая песня не дает такого полного и разностороннего исторического изображения своего времени, как песня петровской эпохи⁴.

В 40—80-е годы XVIII века историческая песня посвящена, в основном, отдельным военным и историческим событиям, она отражает деятельность выдающихся исторических лиц, народные движения, расшатывавшие основы феодально-крепостнического строя. Особое место занимают песни о крестьянской войне под руководством Е. Пугачева.

¹ См.: Русское народное поэтическое творчество. Т. 2, кн. 1. М. — Л., 1955, стр. 29—86.

² Большое количество антикрепостнических песен издано в антологии: «Русские народные песни». Вступ. ст., составл. и примеч. А. М. Новиковой. М., 1957.

³ См.: Русское народное поэтическое творчество. Т. 1, кн. 1, стр. 86—129.

⁴ См.: там же, т. 2, кн. 1, стр. 206.

1. ПЕСНИ О ВОЕННЫХ ПОХОДАХ

После петровской эпохи продолжают развиваться традиции солдатской исторической песни. Однако теперь по своему содержанию солдатские песни отличаются от песен начала века. В них уже нет былого преклонения перед царем. В солдатских песнях преемники Петра I, реакционные в своей политике и часто ничтожные по личным качествам, изображаются комедийно. Они не только не могут продолжать начатое Петром I укрепление государства, но даже не знают, как удержать отвоеванные им исконные русские земли. Так, например, в песне «Шведская война» (№ 71) показана полная беспомощность царицы Елизаветы Петровны перед требованиями шведов возратить им земли, потерянные в войнах с Петром I. Отповедь врагу дает теперь храбрый народный полководец-патриот. Имя его в разных вариантах различно. Чаще всего это Краснощеков, Румянцев и Суворов (явно позднейшая вставка, так как Суворов в эпоху шведской войны был еще подростком), т. е. наиболее популярные полководцы XVIII в.¹ В данной песне использован тот же эпический прием в изображении взаимоотношений неприятеля и русского царя, что и в песнях о Петре I. Только теперь положительным героем песен оказывается не царь, а солдатская масса и лучшие военачальники.

Герой песен военных походов, оказавшись в трагической ситуации (в плену), остается верен родине и своему долгу. Среди таких песен можно назвать песню о Краснощекове в неволе (№ 73), которая рассказывала о героических подвигах отца, а потом и сына Краснощековых. Тенденция использования в народе одной и той же песни для воспевания разных героев получает дальнейшее развитие со второй половины XVIII века. Например, в песне, говорившей о кратковременном пребывании в 1758 году З. Г. Чернышева в плену (№ 75), использованы ранее известные тюремные песни, которые по своему содержанию легко переходили в теремные (от слова «терем») о всяком простом заключении или одиночестве. Сама песня приурочивалась впоследствии к разным событиям,

¹ См. варианты в кн.: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 9. М., 1872, стр. 80—89.

в ней происходили незначительные изменения, связанные с обрисовкой подобного положения других исторических лиц. Сходные явления происходили и с песнями об А. В. Суворове и др.

Часто в песнях солдаты говорят о трусости генералов (№ 72), о безобразиях, творимых в армии. Так, в песне о В. А. Лопухине (№ 74), участнике Семилетней войны, получившем положительную оценку солдатской массы, довольно ясно показано недовольство солдат генералами-карьеристами. В одних вариантах песни солдаты обвиняют в бездействии Апраксина, в других — смертельно раненный любимый солдатский генерал Лопухин, разоблачая всесильного Потемкина, пишет государыне.

Что Потемкин генерал
В своем полку не бывал,
В своем полку не бывал,
Всеё силу растерял,
Коё пропил-промотал,
Коё в карты проиграл¹.

По форме солдатские исторические песни продолжают традиции народной лирики. В них получает развитие сопоставление и противопоставление описания явлений природы переживаниям и действиям человека. Такие параллели, как например, изображение переживаний одухотворенной «травыньки-муравыньки» и солдат; сияния восточной звезды на небе и сидящего в заключении героя; сравнение тучи, грома и солнца с солдатским оружием; сокола, обжегшего свои ноженьки, и пленного героя и т. д. усиливают лирическую напряженность, эмоциональность восприятия воспеваемых событий. Песни продолжают создаваться на основе тонического стихосложения, в них нет рифмы. Лишь во второй половине XVIII века появляются песни с чередованием рифм и силлабо-тоническим стихосложением. Иллюстрацией этому могут служить некоторые песни об А. В. Суворове. Стремление создать песни маршевые определяет построение их двухсложным метром с рифмой. Зарождение такой формы стиха можно видеть в песне «Ах, мы Польшею идем» (взятие Хотина, № 76). Подобные стихи получают в народном творчестве дальнейшее развитие позднее под влиянием книжной стихотворной поэзии.

¹ Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 9, стр. 97—98.

В солдатских песнях XVIII века среди героев-полководцев главное место занимает Суворов. Он показан в боях под Хотинном, в Балканских переходах (№ 77), в походах под Бендеры, к Очакову и в других сражениях.

Суворов в песнях — военачальник, командир с большим военным опытом, руководитель, ведущий армию к определенной цели. Воспроизводится по-отечески ласковое отношение Суворова к солдатам: «братцы солдатики», «детоньки» (№ 79). Песни подчеркивают ведущую роль Суворова в войнах с неприятелем; именно Суворов спасает всю «рассейскую землю» (№ 78); царь в таких песнях не упоминается. Позднее в песнях об Отечественной войне 1812 года еще более отчетливо обозначится тенденция к снижению образа царя, к показу положительной роли народа, возглавляемого талантливыми полководцами, в борьбе за независимость родины.

2. ПЕСНИ О КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ПУГАЧЕВА И ПОСЛЕДУЮЩИХ НАРОДНЫХ ВОЗМУЩЕНИЯХ

Усиление экономической мощи дворянства привело во второй половине XVIII века к таким резким формам крепостного права, что оно почти не отличалось от рабства. Классовые противоречия к 70-м годам крайне обострились. Многочисленные антикрепостнические выступления вылились в крестьянскую войну 1773—1775 гг. под руководством Пугачева, получившую отражение в различных жанрах устного творчества.

Крестьянская война под предводительством Пугачева имела целью уничтожение власти помещиков-дворян. Хотя песен о Пугачеве записано меньше, чем о Разине, в них мы встречаем такие реалистические картины положения поработанного крестьянства, каких еще не было в разинском цикле. Более четко в песнях вырисовывались и некоторые черты восстания, отражалась непримиримость классового столкновения (№ 80).

Материалы, опубликованные в советское время¹, указывают на былое богатство фольклора о пугачевском

¹ Пугачевщина. Т. 1—3. Центрархив. М. — Л., 1926—1929; Восстание Емельяна Пугачева. Сборник документов. Л., 1935.

восстании. Особенно широко фольклор о Пугачеве был распространен на Урале, в оренбургских степях и в За-волжье, среди потомков непосредственных участников и свидетелей событий 1773—1775 гг. Дошедшие до нас песни немногочисленны, однако и они дают представление о массовом характере восстания (№ 82). Песни о пугачевском восстании неоднородны по своему происхождению: одни из них возникли в казачьей среде, другие — среди горно-заводских рабочих и солдат; некоторые песни слагались во время событий, другие несколько позже.

Крестьянская война под руководством Пугачева получила отражение в песнях, созданных не только на основе ее отдельных эпизодов, но и в песнях социального протеста, не приуроченных к определенному историческому лицу и событию. Многие песни разинского цикла стали песнями о Пугачеве, так как у обоих крестьянских восстаний была одна цель и в основном одно место действия. Так, песня о сынке Степана Разина полностью оказалась приуроченной к Пугачеву, но описывает она события в более обобщенном виде (№ 84). Такие факты показывают глубокое понимание народом внутренней связи крестьянской войны под водительством Пугачева с движением Разина. Однако политическая направленность в песнях о Пугачеве яснее, чем в песнях о Разине, они более четко отражают соотношение классовых сил. Это объясняется, видимо, участием в пугачевском движении горнозаводских рабочих, оказавших положительное влияние на рост крестьянского сознания. Песни о Пугачеве, с одной стороны, генетически связаны с крестьянской поэзией и, в частности, с казачьими песнями (например, образ Емельяна в песне «Из-за леса-леса темного» (№ 86) близок образам казаков, выезжающих в поход), с другой, можно отметить влияние и творчества рабочих. Так, в песне «Уж ты, ворон сизокрылый» (№ 81) говорится об участии горнозаводских рабочих Урала в восстании Пугачева.

Девушка узнает от ворона, что ее милый

... на работе,
На литейном на заводе:
Не пьет милый, не гуляет,
Медны трубы выливает,
Емельяну помогает.

Здесь наблюдается отход от ритмики старой крестьянской песни и вводятся, с небольшими отступлениями, двухсложные размеры книжного стихосложения и парная рифмовка.

В устной поэзии о Пугачеве проявляется интерес в основном не к внешней стороне событий (осады и взятия городов и крепостей), а к выяснению внутреннего смысла происходящего. В песнях восстание Пугачева понимается как борьба за народное дело. Так, в одной из них добрый молодец, призванный обучаться для подавления восстания, думает о Пугачеве:

Ну, и я-то, молодец, донской малолеточек,
Ой я не стану ловить, не стану его губить,
Ой, да не стану губить,
Пускай бьется за нас казак Амелянушка,
Пускай бьется казак за нужду народную¹.

Замечателен образ Пугачева в песне «Суд над Пугачевым» (№ 88). Изобразив в ней встречу Панина с посаженным в клетку Пугачевым, народ резко подчеркнул классовые противоречия. «Все сенаторы» не могут в песне судить Пугачева, а графу Панину он заявляет:

Перевешал вашей братьи семьсот семи тысяч,
Спасибо тебе, Панин, что ты не попался:
Я бы чину-то прибавил, спину-то поправил,
На твою-то бы на шею варовинны возжи,
За твою-то бы услугу повыше подвесил!

Панин боится закованного Пугачева и распоряжается увести его. И судьей оказывается, в сущности, Пугачев, а не Панин.

Идеи крестьянской войны под руководством Пугачева находили отражение и в песнях вольницы, в «разбойном» фольклоре. Это хорошо показано А. С. Пушкиным в «Капитанской дочке» (глава VIII), где изображается прекрасная по правдивости и эмоциональной силе картина исполнения пугачевцами песни «Не шуми ты, мати, зеленая дубравушка...». В этой любимой песне Пугачева разбойничек безбоязненно говорит с царем накануне казни, он не выдает своих товарищей по борьбе, не боится угрожающей ему смерти.

¹ А. М. Листопадов. Донские песни. Т. 1, ч. 2, стр. 281.

И в песнях о Пугачеве наблюдается влияние поэтики «разбойного» фольклора. Так, в них передаются горестные переживания «доброго молодца Емельяна-казака», предчувствующего приближающуюся гибель (№ 86); описание поведения Пугачева в тюрьме напоминает поведение «доброго молодца»: Пугачев тоскует по воле и вспоминает «походы удалые... житье свободное» (№ 87).

На основе уже бытовавших в то время песен возникали песни и о боевых сподвижниках Пугачева. Так, в песнях о Чике-Чернышеве (№ 85), созданных на основе традиционных мотивов, наблюдается слияние образов графа З. Г. Чернышева и сподвижника Пугачева Чики-Зарубина. Это произошло потому, что Пугачев давал своим соратникам имена приближенных Петра III. Он и себя выдавал за этого царя, хотя в песнях он редко называется Петром III. Песня о Чике-Чернышеве является переработкой созданной в годы Семилетней войны песни о Захаре Чернышеве, заключенном в тюрьму города Кюстрина. Она объединена с песнями разинцев о побеге их из тюрьмы («Ты возмой, возмой, туча грозная...») и о жизни на воле («Ты взойди, взойди, красное солнышко»).

Песни о Пугачеве создавались не только русским народом. В пугачевском движении участвовали все народы Поволжья, боровшиеся за освобождение от царского гнета. В устном творчестве башкир, мордвы, чувашей, татар и удмуртов также положительно оцениваются цели крестьянской войны под руководством Пугачева.

В песенном фольклоре о Пугачеве проступают не только сильные, но и слабые стороны крестьянского движения. Песни показывают стихийность и неорганизованность восстания, не имевшего ясно осознанной конечной цели борьбы. Разгром восстания и казнь Пугачева припели растерянность и отчаяние (№ 89).

Тем не менее это восстание способствовало дальнейшему росту освободительных стремлений крестьянских масс, укреплению их воли к борьбе. В частности, исторические песни рассказывают о том, что казачество не желало примиряться с притеснениями царского правительства (№ 90, 91, 92). Все песни о народных волнениях на рубеже XVIII—XIX столетий, как и песни о прусско-русско-французской (1806—1807 годов) и турецкой (1806—1812 годов) войнах, об экспедициях в Среднюю

Азию и на Кавказ¹, оказываются составленными из песен предыдущих эпох. В них трудно обнаружить оригинальные художественные приемы, все формулы и выражения встречались уже в других песнях. Значение этих песен в демократическом содержании. Нарастание элементов реализма проявляется в документальности изображения событий, в близости образов героев к их историческим прототипам и в правдивых картинах жестокой крепостнической действительности.

ЖАНР ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕСНИ В XIX ВЕКЕ

1. ПЕСНИ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯХ

В период Отечественной войны 1812 года, когда над страной нависла угроза подчинения чужеземным завоевателям, в военно-политическую жизнь государства активно вовлекаются широкие крестьянские массы. Это породило массовое творчество, обрисовывающее героический образ народа. В отличие от песен о предшествующих войнах в песнях об Отечественной войне более отчетливо проявляется историзм. В них постоянно звучит мысль об оборонительном характере войны для России, ставится вопрос о социальных силах, обеспечивших победу. Это показывает, что Отечественная война 1812 года сыграла большую роль в формировании национального сознания русского народа.

В песнях говорилось о неисчислимых бедствиях, которые принесла война, о кровопролитных сражениях и разорениях:

Разорёна путь-дороженька
От Можайска до Москвы. (№ 108)

¹ См.: Песни оренбургских казаков. I. Песни исторические. Собрал А. И. Мякутин, стр. 67—78.

Реалистично изображается наступление неисчислимого вражеского войска:

Не пыль во поле пылит,
Не дубровушка шумит:
Француз с армией валит.
Он валит-таки валит,
Сам подваливает. (№ 98)

Русские генералы говорят врагу-французу:

Не бывать тебе, злодею,
В нашей каменной Москве. (№ 98)

Народ понимал решающее значение битвы под Москвой. Поэтому самой популярной песней из цикла об Отечественной войне является песня о Бородинской битве (№ 99) (известно около двадцати вариантов). По своим поэтическим приемам она очень близка к другим ранее созданным песням, описывающим жестокие битвы¹.

После тяжелых и кровопролитных боев русским пришлось оставить Москву. С болью и негодованием говорится в песнях о разорении Москвы неприятелем. Когда «вор-француз» «стрелял, палил в каменну славну Москву», то «потрясалася мать-сыра земля» (№ 101). А когда он взрывал кремлевские стены, то «мать-сыра земля расступилася».

Разорение Москвы народ связывает с образом Наполеона². Действия французов в оккупированном городе в песнях обрисованы такими же красками, как и варварские поступки татаро-монгольских завоевателей. Так, например, девушка, взятая в плен французом (№ 102), во многом напоминает изображенную ранними историческими песнями русскую женщину, томящуюся у татар.

В тяжелые дни потерь и отступления народ твердо верил в будущую победу:

Не хвались-ка, вор-француз,
Своим славным Парижём!
Как у нас ли во России

¹ См., например, сводный текст песни о битве при Гросс-Егерсдорфе: Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 9, стр. 95—97; И. А. Худяков. Сборник великорусских народных исторических песен. М., 1860, стр. 171—174.

² См.: Я. Г. Петрова. Песни, записанные на заводах Сарапульском и Нижне-Сергинском Красноуфимского уезда Пермской губернии. «Известия Оренбургского географического общества», 1900, вып. 14, стр. 131.

Есть получше Парижѣ,
Есть получше, посланнее, —
Распрекрасна жизнь-Москва. (№ 108)

Борьба за Москву заняла центральное место в народном творчестве о войне 1812 года. Кроме того, песни запечатлели такие крупные события войны, как бои под Смоленском (№ 109), изгнание французов из России, переправу их через Березину, поход за Вислу (№ 110), битву под Лейпцигом, взятие Парижа (№ 111, 111а) и др.

Как со стороны формы (использование военной лексики, музыкально-ритмического склада — появление мелодий, близких к строевым маршам, и т. п.), так отчасти и содержания (особенно при разработке образов любимых полководцев) песни об Отечественной войне тесно связаны с военно-историческими песнями XVIII века. Однако через всю поэзию Отечественной войны более отчетливо проходит мысль о том, что Россию спас от нашествия наполеоновских полчищ народ.

В изображении же представителей господствующих классов подчеркивается их растерянность и трусость:

Господа-то все наши дворяне
Они перьпужались, не знают, как быть,
Перьпужались да все разбежались. (№ 100)

Любимыми народными героями Отечественной войны 1812 года были Кутузов и Платов. В песнях это два разных характера. Кутузов — руководитель народной войны, опытный, умный, рассудительный и храбрый полководец; он разгадывал все планы неприятеля — «знал все вывертки французски». Кутузов полностью уверен в народной победе и хорошо знает пути к ней, поэтому при получении грозного письма от французского короля, требовавшего сдаться без бою, он успокаивает испугавшегося русского царя:

А мы встретим злодея середі пути,
Среди пути, на своей земли,
А мы столики поставим ему — пушки медные,
А мы скатерти ему постелим — вольны пули,
На закусочку поставим — каленых картеч;
Угощать его будут — канонерушки,
Провожать его будут — все козачушки. (№ 93)

Здесь использован художественный прием из песни о Петре I, когда сам царь отвечал на угрозы неприятеля.

Теперь этот прием подчеркивал положительные качества народного полководца.

Кутузов — ум и сердце русского войска, оплот русской воинской славы. В песнях он показан как организатор победы русского народа над полчищами Наполеона. К солдатам он обращается, как к «деточкам», тесно с ними связан и знает их нужды и настроение:

Вы стреляйте же, мои деточки, не робейте,
Вы своего свинцю-пороху не жалейте,
Вы своего же французика побеждайте. (№ 95)

И солдаты безгранично верят своему генералу, надеются на него, называют его отцом родным¹.

Как прозорливый полководец, верящий в окончательную победу над французами, показан Кутузов и в разговоре с пленным майором:

Я до города до Парижа
Скоро доберуся...
Да и всею, вот бы, своей славушкой
Вот сам (с солдатами) поделюсь! (№ 104)

В зарисовке Кутузова сохраняется некоторая преемственность традиции песен XVIII века. Этот образ сливается с образом любимого народом полководца Суворова, являясь его развитием в художественном мышлении народа.

В другом аспекте представлен образ Платова. О нем записано много песен среди казаков. Особенно интересна песня о том, как Платов побывал «в гостях» у французов и беседовал с недогадливым Наполеоном (№ 105). Песня построена на художественном вымысле, но этот поэтический вымысел применен для оценки совершенно реальных событий. Народное мужество и оптимизм — характерные черты образа Платова.

Во многих песнях Платов и Кутузов выступают совместно, и атаман всегда является помощником фельдмаршала. Платов — ловкий и отважный разведчик, смельчак-партизан, бесстрашный удалой донской атаман. Будучи всегда готовым к подвигу, он своим примером воодушевляет казачьи полки², на боевом коне гордо

¹ См.: Былины и песни астраханских казаков. Собрал и на ноты положил А. А. Догадин. Вып. 2. Астрахань, 1913, стр. 12.

² См.: Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 10. М., 1874, стр. 45, 77.

разъезжает на виду у неприятеля, побеждает всех французов¹. Он показан властным командиром² грозных и гибких боевых соединений, хорошим организатором казачьих масс (№ 97). Песни подчеркивают демократичность Платова. Солдаты говорят:

От своих чистых сердец
Совьем Платову венец. (№ 94)

Отечественная война 1812 года оказала заметное влияние на все русское народное творчество. Особенно сильному влиянию подвергалась солдатская и казачья бытовая лирическая песня и вообще весь песенный репертуар российской армии³.

Характерной особенностью поэтической формы исторических песен об Отечественной войне 1812 года является использование отдельных формул, строк и даже целых эпизодов из военно-исторических песен о прошлых войнах⁴. Обогащение песен об Отечественной войне шло по линии использования уже готовых поэтических форм и даже готовых произведений (о допросе пленного майора, о письме раненого Лопухина, «Пишет, пишет...» и ряд других).

Устное творчество не создало монументальных исторических песен с развернутыми новыми сюжетами, в которых могли бы отразиться значительные ситуации Отечественной войны. Песни отличаются схематизмом и шаблонностью в изображении батальных сцен, недостаточной мотивированностью переходов. Выросшее народное сознание уже не укладывалось в выработанные традицией художественные рамки жанра.

Исторические песни об Отечественной войне в большой степени испытали влияние и литературной поэзии (№ 94). В этот цикл широким потоком вошли песни литературного происхождения (например, «Что двенадцатого

¹ См.: Гребенцы в песнях. Собрал Ф. С. Панкратов. Владикавказ, 1895, стр. 61.

² См.: Песни оренбургских казаков. I. Песни исторические. Собрал А. И. Мякутин, стр. 81—82.

³ См.: Русское народное поэтическое творчество. Т. 2, кн. 1, стр. 245 и след.

⁴ Там же.

года поседелые орлы»¹, «Пойдем, братцы, за границу»², а также сатирические песни о Наполеоне: «Шут на острове родился»³, «За горами, за долами»). Такое многообразное использование литературы в жанре исторической песни говорит о том, что народная мысль в эту эпоху настойчиво искала новых форм поэтического выражения. И литература шла навстречу устному народному творчеству.

Как уже отмечалось, Отечественная война 1812 года сыграла большую роль в формировании национального сознания и в развитии русского народного поэтического творчества. Но русский народ, освободивший не только Россию, но и всю Европу от порабощения Наполеона, по-прежнему оставался в крепостной зависимости. Ненависть народа к крепостному строю усиливалась. Эту остроту классовых противоречий того времени народ поэтически отчетливо выразил в песне-плаче о восстании Семеновского полка, в песне об Аракчееве и, наконец, в песнях о декабристах.

Песня-сатира об Аракчееве (№ 114) насчитывает около сорока вариантов, записанных в разные годы XIX и XX столетий в более чем двадцати губерниях России. А. С. Пушкин был одним из первых ее собирателей (№ 114а). Хотя песня об Аракчееве и составлена из поэтического материала песен XVII—XVIII вв. о народных притеснителях (Б. А. Репнине, А. Д. Меншикове, В. В. Долгоруком, М. П. Гагарине и др.), в ней отражается мировоззрение крестьянства XIX века. Аракчеев представляет собой не только определенное историческое лицо, но и олицетворяет образ «злодея-барина», «дворянина», притесняющего народ. В отдельных вариантах Аракчеев показан угнетателем и обирателем всей России (№ 114а).

Благодаря художественному приему контраста в песне воссоздавалась потрясающая картина жестокой несправедливости: с одной стороны, разоренная до нищеты и ограбленная временщиком Россия, а с другой — роскошный, поражающий своим убранством дворец Арак-

¹ Песни оренбургских казаков. I. Песни исторические. Собрал А. И. Мякутин, стр. 78—80.

² Там же, стр. 95.

³ Фольклор Саратовской области. Кн. 1. Составила Т. М. Акимова. Саратов, 1946, стр. 81—82 (комментарии на стр. 450—452).

чеева с мраморными стенами. Песня отмечает невыносимую жизнь в военных поселениях, указывает на тяжесть дорожной повинности.

Ни в одном варианте песни царь не наказывает Аракчеева за его вероломство. Однако сам народ разоблачает этого временщика («все Ракчеева бранят», — говорится в песне).

Многие песни об Аракчееве дают яркую картину установленного в армии жестокого порядка, получившего название аракчеевщины, невиданного истязания людей в солдатских поселениях.

В октябре 1820 года произошло одно из крупнейших волнений в армии — восстание в Семеновском полку, жестоко подавленное и нашедшее довольно яркое отражение в песне (№ 115), известной в семи вариантах. В песне говорится, что полк

... волею горит,
Он волею горит во всем полyme...

Подчеркивая свои права на «волю», на освобождение от крепостного рабства, солдаты напоминают о своей роли в освобождении родины от Наполеона:

Мы горячу кровь проливали,
И французов в полон брали,
И каменну Москву отбивали!

Песня, таким образом, показывает трагедию народа, осознавшего свою силу и роль в борьбе с иноземным захватчиком, гордого своим освободительным подвигом и вынужденного вернуться под кнут и розги крепостников.

Однако, несмотря на понимание народом всей несправедливости своего социального положения, песня не идет дальше обращения с жалобой к Ивану Грозному, Алексею Михайловичу, Петру I и к «матушке Катеринушке», используя традиционную форму плача-обращения к умершему царю. Правда, эта традиционная поэтическая форма использовалась в песне не случайно: солдаты, жалуясь на порядки в стране, тем самым высказывали протест существовавшему строю Александра I, изображавшегося в официальной литературе благодетелем не только своего народа, но и всей Европы.

Восстание Семеновского полка перекликалось с крестьянскими движениями на Дону 1818—1820 гг. и бунтом военных поселян в Чугаеве в 1819 г.

Дальнейший рост освободительного движения находит отражение в поэтическом творчестве о восстании декабристов. Песен об этом событии немного. По всей вероятности, это объясняется тем, что декабристы, как указывал В. И. Ленин, были «страшно далеки от народа». Непонимание народом происходящих событий довольно убедительно показывают песни¹. В известной по форме песне-плаче солдата или царицы при гробе царя с недоумением рассказывается, что господа решили выбрать из своей среды нового правителя:

Придумали, братцы, бояришка думу крепкую:
«Кому, братцы, из нас да государём быть...». (№ 116)

В другой песне (№ 117), солдатской по форме, имеющей несколько вариантов, рассказывается, как царя потребовали в сенат (синод), видимо, с тем, чтобы его свергнуть. Такое фантастическое отражение событий, происходивших на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, показывает, что они были совершенно непонятны крестьянству. Одновременно песня правдиво запечатлела колебание среди войск: караульные отказались сообщить, что царь прошел в сенат («не видали», «не прошел»), но один из них выдал товарищей.

Как видим, рост революционного движения находил отражение в исторических песнях. С этой целью в отдельных произведениях создавались новые сюжетные ситуации. Но такие случаи были редким явлением. В основном оставались традиционные формы создания образов.

Усложнение социальной жизни требовало отражения ее новыми художественными приемами и средствами. Жанр исторических песен все меньше удовлетворял этим требованиям.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ В ЭПОХУ СТАНОВЛЕНИЯ КАПИТАЛИЗМА

В XIX в. особенно интенсивно идет собирание устного народного творчества. Материалы фольклорных сборников и периодической печати говорят о том, что среди

¹ См.: П. Ончуков. Песни и легенды о декабристах. В сб.: «Звенья». Т. 5 М. — Л., 1935, стр. 5—43.

крестьянства продолжает широко бытовать историческая песня, созданная в предшествующие эпохи, новых исторических песен появляется немного, причем все они возникают на поэтическом материале песен предшествующего времени. В качестве нового в них можно отметить лишь оригинальные вставки о рекрутчине и тяжелой солдатской жизни¹:

Мы день идем во походе,
А ночь в карауле;
С караула нас сменяют, —
Гонят на пикеты,
(И разуты и раздеты)...²

Некоторые песни отражают тяжелое положение армии в период Крымской кампании 1853—1856 годов. Несмотря на всю неподготовленность к войне, показавшей полную отсталость крепостной России, русские солдаты самоотверженно защищали родину. В новых песнях воспеваются героические подвиги солдат, казаков и командиров³, в них так же, как и в песнях о предшествующих войнах, солдаты говорят о своем моральном превосходстве над врагами:

Мы заступим правую ногу
И защитим родимый край. (№ 118)

Песни рассказывают о героической обороне Севастополя (сентябрь 1854 — август 1855). Но эта важная в истории государства эпопея не породила такого обилия исторических песен, как подобные события предшествовавших веков. Вновь возникшие песни говорят о разложении жанра. В них реалистические картины тяжелого положения русской армии в осажденном городе (№ 119) преподносятся в довольно невысокой художественной форме (№ 120). Обесцениванию вновь создаваемых исторических песен способствовало и появление урапатриотических песен, которые всячески насаждало армейское начальство (особенно через военные хоры). Это в

¹ См.: Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 10. М., 1874, стр. 477, 481.

² Там же, стр. 481.

³ См.: Донские казачьи песни. Собрал и издал А. Пивоваров, № 123—127.

частности, привело к тому, что в известных теперь песенных текстах о Крымской войне встречаются противоречивые оценки событий и особенно действий командовавших в то время генералов (например, разные мнения о генерале М. Д. Горчакове).

В этот период происходит все большее сближение народной песни с литературной. Последнее обстоятельство можно наблюдать, в частности, в рифмовке и размере стиха песни, составленной из трех четверостиший и напоминающей частушки, о главном руководителе обороны Севастопольской крепости адмирале Нахимове, получившем, безусловно, положительную оценку в солдатской массе (№ 121). Он изображается, подобно образам Суворова и Кутузова, всегда в труде, как непосредственный участник работ по укреплению обороны города.

В конце 50-х годов XIX века исторические песни, становясь полностью лирическими, говорят о бесцельном кровопролитии (№ 122), надоевшей царской службе (№ 123) и т. п.¹

Отмена крепостного права во второй половине XIX в. всколыхнула Россию, дала толчок развитию экономики. В. И. Ленин, характеризуя влияние этого события на умонастроение народа, писал: «...Падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу... На смену крепостной России шла Россия капиталистическая. На смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся «начальства» крепостному крестьянству выросло новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах, в городах, научившихся кой-чему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы»².

Трудовое крестьянство в обстановке капитализации деревни, социального ее расслоения и разложения остатков крепостнического гнета ищет моральную опору в поэтических образах прошлого. Естественно, что образы

¹ См.: Донские казачьи песни. Собрал и издал А. Пивоваров, № 129—134.

² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 20, стр. 141.

этих песен переосмыслиются соответственно новым социально-историческим условиям.

Турецкая война (1877—1878 годов) — последнее событие, получившее освещение в исторических песнях.

В песнях о Турецкой войне выражена идея борьбы за свободу братского болгарского народа. С сарказмом говорится об отступлении Мухтар-паши, главнокомандующего турецкими войсками (№ 124). Однако в некоторых песнях этого периода появляются грустные нотки:

Три мы ночи шли в походе,
Притуманилось у нас в глазах. (№ 125)

В них нет описания военных событий, а выражено лишь отношение к войне. Песни о Турецкой войне, как и песни о военных событиях на Кавказе и в Средней Азии, становятся лирическими, отражающими в основном настроенность участников походов (№ 128). Интересно, что и ранее сложенные песни и переосмысленные применительно к Турецкой войне 1877-1878 гг. также наполняются лирической грустью (№ 126). Даже песня, описывающая события войны с некоторой бравадой, сопровождается через каждое четверостишие лирическим литературным припевом:

Горные вершины,
Увижу ль я вас вновь,
Турецкие долины —
Кладбища удальцов. (№ 127)

Это было отходом от принятых канонов жанра исторических песен. Реалистическое описание быта давалось тоже с отступлением от поэтических норм этого жанра. Так, например, в одной из песен воин думает о судьбе своей семьи, сознавая командиру, что жаль ему

Малых детушек горемычных,
Что остались они наги, босые;
Насидятся теперь за столом голодные,
Наглядятся они кусочка поданного.¹

Если в песнях о Крымской войне явления природы продолжают еще изображаться в традиционном, правда,

¹ Песни уральских казаков. Собрали А. и В. Железновы, стр. 64.

олитературенном стиле (Сине море зашумело, берега-то встрепенулись) ¹, то в песнях пореформенного периода, в отступление от жанра, дается лирическое изображение природы, и оно используется в качестве параллели для подчеркивания тягот царской службы:

Ой, вы, мои туманы, вы, мои туманушки,
Туманы вы мои разосенные!
Не пора ли вам, туманушки,
Со синя моря долой?
Не пора ли вам, казаченкам,
Со царской службы долой? ²

О событиях Турецкой войны и мероприятиях, связанных с продвижением России на Кавказ и в Среднюю Азию, в песенных сборниках имеется небольшое число народных песен (№ 122, 123). В основном же они заполнены индивидуальными авторскими стихотворениями, сочиненными в официальном духе по случаю полковой или боевой жизни, которые распевались казачьими и солдатскими хорами.

В устном народном репертуаре в XIX веке все большее место стали занимать песни литературного происхождения, такие как «Ермак» К. Ф. Рылеева, «Бородино» М. Ю. Лермонтова, песни о Степане Разине А. А. Навроцкого, Д. Н. Садовникова и И. З. Сурикова, «Шумел, горел пожар московский», «Дело было под Полтавой» Н. С. Соколова, песня об обороне Севастополя Л. Н. Толстого и др. ³. Они часто заменяли в бытовании традиционную историческую песню. Это говорит о том, что старая поэтическая форма уже не позволяла выражать тот глубокий исторический взгляд народа на происходящие события, какой все больше вырабатывается на новом этапе исторического развития общества.

Во второй половине XIX столетия окончательно прекращается создание новых устных исторических песен. В связи с капитализацией деревни и ее классовым расстройством крестьянство теряет значение передового класса в стране. Передовым классом становится пролетариат,

¹ Песни уральских казаков. Собрал А. и В. Железновы, стр. 53.

² Там же, стр. 65.

³ Подробное об этом см.: Русские народные песни. Вступ. ст., составл. и примеч. А. М. Новиковой, М., 1957.

и исторические события в устной поэзии теперь оцениваются с точки зрения пролетарской идеологии. Крестьянская историческая песня заканчивает свое развитие, хотя варианты некоторых старых песен, возникших в прошлые эпохи, сохраняются в целом и в отрывках народом и в наше время.

РАННИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1

АВДОТЬЯ-ЖЕНКА РЯЗАНОЧКА

- Подступал тутa царь Бахмет¹ турецкий,
И разорял он старую Казань-город² подлесную,
И полонил он народу во полон сорок тысячей,
Увел весь полон во свою землю.
5. Оставаласи во Казани одна женка Рязаночка,
Стосковаласи женка, сгореваласи:
У ней полонил три головушки —
Милого-то братца родимого,
Мужа венчального,
10. Свекра любезного.
И думает женка умом-разумом:
«Пойду я во землю турецкую
Выкупать хотя единыя головушки
На дорогí хорошие на выкупы».
15. Царь Бахмет турецкий,
Идучи от Казани от города,
Напустил все реки, озера глубокия,
По дорогам поставил он все разбойников,
Во темных лесах напустил лютых зверей,
20. Чтобы никому ни пройти, ни проехать.
Пошла женка путем да дорогою:
Мелкие-то ручейки бродом брела,

¹ В имени Бахмета, видимо, сохранилось воспоминание о Батые и хане Ахмете.

² Дело идет, вероятно, о Рязани, потому что женка называется Рязаночка (*примечание П. Н. Рыбникова*).

- Глубокия реки пльвом пльла,
Широкия озера кругом обошла,
25. Чистыя поля — разбойников о полночь прошла
(О полночь разбойники опочин держат)¹,
Темные леса — лютых зверей о полден прошла
(О полден люты звери да опочин держат).
Она так прошла да путем да и дорогою,
30. Пришла де во землю турецкую
К царю Бахмы турецкому,
Понизешеньку ему поклонилася:
«Ты, батюшка царь Бахмет турецкийий!
Когда ты разорял старую Казань-город подлесную,
35. Полонил ты народа сорок тысячей,
У меня полонил три головушки —
Милого-то братца родимого
И мужа венчального,
Свекра любезного.
40. И пришла я к тебе выкупати хотя единыя головушки
На дорогí ли хоть на хорошие на выкупы».
Отвечал ей царь, ответ держал:
«Ты, Авдотья-женка Рязаночка!
Как ты прошла путем да и дорогою?»
45. У меня напущены были все реки, озера глубокия,
И по дорогам были поставлены разбойники,
А во темных лесах были напущены люты звери,
Чтобы никому ни пройти да ни проехати».
Ответ держит ему Авдотья-женка Рязаночка:
50. Батюшка царь Бахмет турецкийий!
Я так прошла путем да и дорогою:
Мелкия-то речушки бродом брела,
А глубокия речушки пльвом пльла,
Чистыя поля — разбойников о полночь прошла
55. (О полночь разбойники опочин держат),
Темные леса — лютых зверей о полден прошла
(О полден люты звери опочин держат),
Я так прошла путем да и дорогою».
Говорит ей царь Бахмет турецкийий:
60. «Ты, Авдотья-женка Рязаночка!
Когда ты умела пройти путем да и дорогою,
Так умей-ка попросить и головушки

¹ Опочин держат — почивают, спят.

- Из трех единых,
 А не умеешь ты попросить головушки,
 65. Так я срублю тебе по плеч буйну голову».
 Стоючись, женка пораздумалась,
 Пораздумалась женка, порасплакалась:
 «Уж ты, батюшка царь Бахмет турецкий!»
 Я в Казани-то была женка не последняя,
 70. Не последняя я была женка, первая.
 Я замуж пойду, так у меня и муж будет,
 Свекра стану звать батюшкой;
 Приживу я себе сына любезного,
 Так у меня и сын будет;
 75. Приживу я себе дочку любезную,
 Воспою-скормлю, замуж отдам,
 Так у меня и зять будет;
 Не видать мне буде единых головушки —
 Мне милого братца родимого,
 80. Да не видать век да и по веку».
 Сижучись де, царь пораздумался,
 Пораздумался царь, порасплакался.
 «Ты, Авдотья-женка Рязаночка!
 Когда я разорял вашу сторону Казань-город
 подлесную,
 85. Тогда у меня убили милого-то братца родимого.
 Не видать буде век да и по веку.
 За твои-то речи разумные,
 За твои-то слова за хорошия
 Ты бери полону, сколько надобно,
 90. Кто в родстве, в кумовстве, в крестном братовстве».
 Начала женка ходить в земле турецкия,
 Выбирати полон во свою землю.
 Она выбрала весь полон земли турецкия,
 Привела де полон во свою Казань-город подлесную,
 95. Расселила Казань-город по-старому,
 По-старому да по-прежнему.

Взято из книги: «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». Т. 2, изд. 2, М., 1910, № 182. Записано от известного сказителя И. П. Сивцева (Поморского) на Кенозере в Олонецкой губернии в начале 60-х годов XIX в.

Картина разорения города, данная в песне об Авдотье Рязаночке, отражает известную участь Рязани при нашествии Батые в 1237 г. и позже — при нашествии Тохтамыша в 1382 г. и хана Ахмета в 1472 г. Казань, упоминаемая в песне, несомненно, заменила более раннее исконное для сюжета название — Рязань: об этом, в частности, свидетельствуют прозвище героини — Рязаночка — и эпитет «ста-

рая» при наименовании города. Известно, что вместо «старой» Рязани позднее на новом месте отстроилась Рязань Новая. Собирательный образ татарского насильника Бахмета получил эпитет «турецкий», по всей вероятности, после того, как крымские татары стали вассалами Турции.

2

ИЗ ВРЕМЕН ТАТАРЩИНЫ

Не вода в города понахлынула —
Злы татарины понаехали.
Как меня, молоду, в полон берут,
Во полон берут, полонить хотят.
Ах ты, батюшка, выкупай меня!
Ты давай за меня сто городов,
Сто городов, сто и пригородков.
Не вода в города понахлынула —
Злы татарины понаехали.
Как меня, молоду, во полон берут,
Во полон берут, полонить хотят.
Ах ты, матушка, выкупай меня!
Ты давай за меня сто локоть полотна...

Текст взят из публикации: П. В. Шейн. Русские народные песни. В сб. «Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете». Кн. 3. М., 1877, стр. 22; записан в Островском уезде, Псковской губернии; сообщен И. А. Семевским.

Песня отражает эпоху татарских набегов с целью захвата материальных ценностей и увода пленных.

3

ВОЕВАЛИ ТАТАРЫ

Воевали татара по три годá,
По три годá, по четыре годá.
Как поехали оне на зеленые луга —
Дел делить¹: кому девушки, кому денежки.

¹ Делить добычу после набега.

Одному татарину досталась старá старушенька,
И не может она работы работать.
Подъезжает татарин ко широкому двору.
Вышла татарочка — встречает его.
Стала татарочка напневмати:
«Ах ты, злой татарин, безрачетиса!
Начто же ты везешь таку старушеньку,
Такую худенькую, такую дряхленькую,
Уж не может она работы работáть».
Отвечает татарин татарочке:
«Уж дадим мы ей три робогы работáть:
Ногам-то дадим колыбель качать,
А рукам-то дадим кожан плести,
А глазам-то дадим гусей пасти».
Посадили старушеньку за зыбоньку.
Вышла татарочка, прислушивается,
Встала к избяным дверям —
Что станет старушка прибаюкивати?
«Ты баю-спобáю, татарчоночок!
Уж ты по роду да роду русскому
Был бы ты мне да внучоночок:
Твоя мамонька де мне-ка милая дочь,
А твое-т тятенька — был бы зятюшок».
Услыхала татарочка — заплакала:
«По чему, родима мамонька, узнала меня?»
«Я признала тебя да по белому лицу,
По румяной по щеке».
«Ты, родимая да моя мамонька,
Да начто же меня ты спородила,
Да начто на белый свет пустила?
Где бы ты родила — тут растоптала!...
Ты, родимая да моя мамонька,
Что ты впрежь не сказала? —
Я бы встрела тебя за воротами,
Не заставила тебя работы работать,
Не заставила бы тебя колыбель качать,
Не заставила бы я да кожан плести,
Не заставила бы я да гусей пасти.
Стала бы тебя я поить-кормить
Да на руках носить».
«Дитетко да мое милое,
Пойдем-кося на свою сторону,
На свою сторону, да на святую Русь».

«Ты, родимая да моя мамонька,
Я радым бы была да радехонька,
Да жалко мне-ка малых детонек».
«Дитетко да мое милое,
Мы возьмем с собой малых детонек».
«Милая да моя мамонька,
Злой татарчонко он погонится
И увезет с собой».
«Ты, дитетко да мое милое,
Проводи меня на свою сторону,
На свою сторону, на святую Русь».
И пошла татарочка мать провожать.
Им попалося да три дороженьки торных,
Спрашивают татарочка у матери:
«Куда перва дороженька пошла?»
«На свою сторону — святую Русь;
А вторая дороженька — к татарину,
А третья дорожка — на круту гору».
И распростилась татарочка с матерью.

Текст взят из книги: «Уральский современник». Литературно-художественный альманах. Т. 2. Свердловск, 1938, стр. 141—142; записан И. Д. Клопиным от А. С. Клопиной, 72 лет, на заводе Сысерть в 1937 г.

В песне нет конкретно-исторического приурочивания. Она отражает не какое-либо конкретное событие, а тяжелую сторону жизни народа в эпоху татаро-монгольского ига, в период борьбы с татарскими набегами.

4

ЩЕЛКАН ДЮДЕНТЕВИЧ

А и деялося в Орде,
Передеялось в Большой,
На стуле золоте,
На рыгом бархате ¹,
На червчатой камке ²

¹ Рытый бархат — бархат с узорами.

² Червчатая камка — пурпурная шелковая ткань с узорами.

Сидит тут царь Азвяк¹,
Азвяк Таврулович;
Суды рассуживает
И ряды разряживает,
Костылем размахивает
По бритым тем усам,
По татарским тем головам,
По синим плешам.
Шурьев царь дарил²,
Азвяк Таврулович,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме;
Одного не пожаловал
Любимого шурина
Щелкана Дюдентевича.
За что не пожаловал?
И за то он не пожаловал,
Его дома не случилось,
Уезжал-то млад Щелкан
В дальнюю землю Литовскую³,
За моря синие,
Брал он, млад Щелкан,
Дани, невыходы⁴,
Царски невыплаты;
С князей брал по сту рублей,
С бояр по пятидесят,
С крестьян по пяти рублей;
У которого денег нет,
У того дитя возмет;
У которого дитя нет,
У того жену возмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возмет.
Вывез млад Щелкан

¹ Узбек — (1282—1342) — хан Золотой Орды в 1312—1342 гг., сын Тогрулджи, внук Менгу-Тимура. Его правление было периодом максимального военного подъема Золотой Орды.

² В этом стихе и далее отражена, вероятно, характерная для политики Золотой Орды в XIII—XIV вв. посылка в русские города ханских представителей (баскаков).

³ Имеется в виду, конечно, Русская земля.

⁴ Невыходы — невыплаченная дань; выходы — дань.

Дани выходы,
Царские невыплаты;
Вывел млад Щелкан
Коня во сто рублев,
Седло во тысячу,
Узде цены ей нет.
Не тем узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тем узда дорога, —
Царское жалованье,
Государево величество;
А нельзя, дескать,
Тое узды ни продать, ни променять,
И друга дарить,
Щелкана Дюдентевича.
Проговорит млад Щелкан,
Млад Дюдентевич:
«Гой еси, царь Азвяк,
Азвяк Таврулович!
Пожаловал ты молодцов,
Любимых шуринов,
Двух удалых Борисовичев:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме;
Пожалуй ты, царь Азвяк,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи»¹.
Проговорит царь Азвяк,
Азвяк Таврулович:
«Гой еси, шурин мой
Щелкан Дюдентевич!
Заколи-тко ты сына своего,
Сына любимого,
Крови ты чашу нацади,
Выпей ты крови тоя,
Крови горячия;

¹ Князья тверские Дмитрий и Александр Михайловичи. Борисовичами песня называет их в силу позднейшего изменения.

И тогда я тебя пожалую
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи».
Втапоры млад Щелкан
Сына своего заколол,
Чашу крови нацадил,
Крови горячия,
Выпил чашу тоя крови горячия;
А втапоры царь Азвяк
За то его пожаловал
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи.
И втепоры млад Щелкан
Он судьёю насел
В Тверь ту старую,
В Тверь ту богатую.
А немного он судьёю сидел:
И вдовы-то бесчестити,
Красны девицы позорити,
Надо всеми наругатися,
Над домами насмехатися.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадские,
Они жалобу приносили
Двум братцам родимым,
Двум удалым Борисовичам;
От народа они с поклоном пошли,
С честными подарками;
И понесли они честные подарки
Злата, серебра и скатного земчуга¹.
Изошли² его в доме у себя
Щелкана Дюдентевича;
Подарки принял от них,
Чести не воздал им.
Втапоры млад Щелкан

¹ Круглого, крупного, ровного жемчуга.

² Захватили врасплох.

Зачванился он, загординился,
И они с ним раздорили:
Один ухватил за волосы,
А другой за ноги,
И тут его разорвали.
Тут смерть ему случилася,
Ни на ком не сыскалося.

Текст взят из книги: «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». М., 1938, № 4.

Песня отражает исторический факт, изложенный в Тверской летописи, — восстание тверичан (1327 г.) против татарского баскака Шевкала, сына Дюдени, двоюродного брата хана Узбека. Поведение Шевкала, учинившего «гонение велико на христианы насилством и граблением, и битием, и поруганием», возмутило население Твери, котсрое жестоко с ним расправилось.

Заключительная фраза песни — «Ни на ком не сыскалося» — находится в противоречии с действительными фактами. Хан Узбек направил в Тверь карательный отряд, который разорил и опустошил город.

ПЕСНИ XVI ВЕКА

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

5

ВЗЯТЬЕ КАЗАНСКОГО ЦАРСТВА

Среди было Казанского царства
Что стояли белокаменны палаты,
А из спальни белокаменной палаты,
Ото сна тут царица пробуждалась,
Царица Елена Симеону царю она сон рассказала:
«А и ты встань, Симеон царь, пробудися!
Что ночесь мне, царице, мало спалось,
В сновиденьице много виделось:
Как от сильного Московского царства
Кабы сизой орлище вострепенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше ведь царство наплывала».
А из сильного Московского царства
Подымался великий князь московский
А Иван, сударь, Васильевич, прозритель ¹,
Со темя ли пехотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили под Казанское царство за пятнадцать
верст,
Становились они подкопью под Булат-реку ²,
Подходили под другую под реку под Казанку;
С черным порохом бочки закатали,

¹ Народное прозвище Ивана IV Грозного (1530—1584): прозирает насквозь или прозрел в будущее, провидец.

² Булат-река — проток Булак, соединяющий озера Верхний и Нижний Кабан с речкой Казанкой, впадающей в Волгу.

А и под гору их становили,
Подводили под Казанское царство;
Воску ярого¹ свечу становили,
А другую ведь на поле в лагере:
Еще на поле свеча та сгорела,
А в земле-то идет свеча тишея.
Воспалился тут великий князь московский,
Князь Иван, сударь, Васильевич, прозритель,
И зачал канонеров² тут казнити,
Что началась от канонеров измена.
Что большой за меньшого хоронился,
От меньшого ему, князю, ответу нету;
Еще тут ли молодой канонер выступался:
«Ты великий, сударь, князь московский!
Не вели ты нас, канонеров, казнити:
Что на ветре свеча горит скорее,
А в земле-то свеча идет тишее».
Позадумался князь московский,
Он и стал те-то речи размышляти собою,
Еще как бы это дело оттянути.
Они те-то речи говорили,
Догорела в земле свеча воску ярого
До тоя-то бочки с черным порохом:
Принимались бочки с черным порохом,
Подымало высокую гору,
Разбросало белокаменны палаты.
И бежал тут великий князь московский
На тое ли высокую гору,
Где стояли царские палаты.
Что царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,
Она с радостью московского князя встречала,
А того ли Ивана, сударь, Васильевича, прозрителя;
И за то он царицу пожаловал
И привел в крещеную веру,
В монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встретил великого князя,
Он и вынял ясны очи косицами;
Он и взял с него царскую корону

¹ Светлого, ясного.

² Пушкарей.

А один пушкарь поотважился:
«Прикажи, государь-царь, слово выговорить».
Не успел пушкарь слово вымолвить,
Тогда лишь догорели зажигальны свечи,
И вдруг разрывало бочки с порохом.
Как стены бросать стало за Сулай за реку,
Все татараве тут, братцы, утрашились,
Оне белому царю поклонилися.

Текст взят из книги: «Российская универсальная грамматика, или всеобщее письмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с семью присовокуплениями разных учебных и полезно забавных вещей». Спб., 1769, стр. 330, № 51.

В данном варианте песни отразились конкретные обстоятельства осады и взятия Казани: помимо действия русских войск, здесь показано вызывающее поведение татар в осажденном городе.

6

- Соловей кукушку подговаривал,
Подговаривал, все обманывал:
«Полетим мы, кукушка, во темны леса,
Мы соъем ли, кукушка, тепло гнездо,
5. И мы выведем малых детушек,
Малых детушек-соловьятушек».
Молодец девицу подговаривал,
Подговаривал, все обманывал:
«Мы поедем, девица, во Казань-город!
10. Как Казань-город на красі стоит,
Казанка-речка медом протекла,
А малы ручьи — зеленым вином.
По горам-горам по высокиим
Лежат каменя самоцветныя,
15. По лугам-лугам по зеленыим
Ростет трава шелковая».
«Не обманывай, доброй молодец!
Я сама знаю про то, ведаю,
Что Казань-город на крові стоит,
20. А Казанка-речка кровью протекла,
Малые ручьи — горючими слезми.
По горам-горам по высокиим
Лежат головы молодецкие,
Молодецкие, все солдатские;

25. По лугам-лугам по зеленым
Лежат кудри молодецкие,
Молодецкие, все козацкие».

Текст взят из книги: «Сочинения М. Д. Чулкова. Собрание разных песен». Изд. ОРЯС АН. Ч. 2. Слб., 1913, стр. 423—424, № 134. (первое издание собранных Чулковым песен вышло в 1770—1773 гг.).

Песня отражает события 1552 г. (взятие Казани). Устами девушки рассказывается о тяжких последствиях войны.

7

КОСТРЮК

- Поизволил наш царь государь,
Царь Иван сударь Васильевич,
Поизволил он женигисе,
Не у нас на светой на Руси,
5. Не у нас в каменной Москвы —
У короля в проклятой Литвы¹,
Он на Марье Темрюковны;
Он немного с собою поезду берёт —
Полтораста татаринов берёт,
10. Полтретьяста боярских детей,
Петьсот стреманных стрелчей.
Собиралосе поезду
Окол целой тысени.
Покатилсэ наш царь государь,
15. Царь Иван сударь Васильевич,
Покатилса в прокляту Литву,
Он по Марью Темрюковну,
Прикатилса в прокляту Литву,
Здраво стал он в проклятой Литвы,
20. Брал он Марью Темрюковну.
Как втапоры отец Темрюк,
Он немного провожатых кладёт —
Полтораста татаринов кладёт,
Полтораста татарских детей,

¹ Упоминание о Литве — влияние на песню событий начала XVII в.

25. Петьсот стременных стрельцов,
Собиралось провожатых гостей
Окол целоей тысячю;
Да ищэ он провожатого кладёт,
Кострюка сына Темрюковиця.
30. Покатилса наш царь государь,
Наш Иван сударь Васильевич,
Покатилса на светую Русь,
На свету Русь, каменну Русь,
Он со Марьей Темрюковной.
35. Прикатилса в каменну Москву,
Заходил он во божью черькёв,
Да ставал на подножок-от,
Он примал золотые венчи
Да со Марьей Темрюковной.
40. Покатилса наш царь государь,
Наш Иван сударь Васильевич,
Покатилса из божьей церкви
Да со Марьей Темрюковной,
Он пошел в ложню тёплую,
45. Он ложилса во теплу ложню.
Дак втапоры дядюшка царев,
Стар Микита Романович¹,
Он и ўцял столы становить,
Он ведь ўцял гостей пѳтчевати;
50. Дак и хлеб-от у царя на столе,
Да ествы-то у царя на столе,
Да питья-то у царя на столе,
Да и вси у нас пьют и едят,
Пьют, едят, потешаютче,
55. За царя богу молятче,
За Иван сударь Васильевича,
За царицу за Марью Темрюковну;
Да один у нас не пьёт, не ес,
Он не пьёт, не ес, не тешитсе,
60. За царя богу не молитце,
За Ивана за Васильевича,
За царицу за Марью Темрюковну;

¹ Никита Романович из рода Захарьиных-Юрьиных (впоследствии звавшихся Романовыми) — один из популярных положительных героев русского песенного фольклора, был воеводой, участвовал в Ливонской войне (1558—1583 гг.). Умер в 1585 г.

- Он ведь просит борца-молодца,
Поучена добра молодца,
65. Скажот: «Семь городов испорошол,
Тридцеть борцов поборол,
Не нашол по себе борца,
Поучена добра молодца».
Кабы втапоры дядюшка царев
70. Стар Микита Романович,
Приходил да к ложне теплоёй,
Он колотитця с молитвою,
Говорит таковы речи:
«Уж ты ой еси, царь государь!
75. Царь Иван сударь Васильевич!
Дак и хлеб-от у миня на столе,
Да ествы-те у миня на столе,
Да питья-те у миня на столе,
Дак и вси у нас пьют и едят,
80. Пьют-едят, потешаютце,
За царя богу молятце,
За царицу за Марью Темрюковну,
Промежу собой хвастают;
Да один у нас не пьет, не ес,
85. Он не пьет, не ес, не хвастает,
За царя богу не молитце,
За Ивана за Васильевиця,
За Марью Темрюковну,
Да по имени Кострюк сын Темрюкович;
90. Он ведь просит борца молодца,
Поучена добра молодца,
Скажот: «Семь городов испрошол»,
Скажот: «Тридцеть борцов поборол,
Не нашол по себе борца,
95. Поучена добра молодца». Говорит Иван Васильевич:
«Уж ты ой еси, дядюшка царев!
Стар Микита Романович!
Выходи на крыльцо красное,
100. На прекрасно государево,
Ты крычи-зычи во всю голову,
Штобы чуть было по всёй Москвы,
Как по всёй Москвы, по Замосквы,
С Кострюком поборотисе,

105. С Темрюком поотведатце». Собиралися богатыри
К государеву кò двору,
Ко прекрасенькёму кò крыльцу.
Кабы втапоры дядюшка царев
110. Выходил на крыльчо красное,
На прекрасно государево,
Он крычал-зычал во всю голову,
Штобы чуть было по всей Москвы,
По всей Москвы, по Замосквы:
115. Собиралисе богатыри
С Кострюком поборотисе,
С Темрюком поотведатце,
Как из нижняго из конца,
Как из маленькёго из дворца
120. Выходили два богатыря:
Кабы Васинья маленькёй,
Да Потанюшка хроминькёй.
Кабы Вася на царев кабак прошол,
А Потаня ко дворцу государевому,
125. Ко крылечушку прекрасинькёму,
На одну ножку прихрамываёт,
На другу ножку припадываёт,
Костылем подпираитце,
Ко дворцу приближаитце.
130. Кабы втапоры дядюшка царёв,
Стар Микита Романович,
Говорил таковы речи:
«Уж ты ой еси, Потанюшка хроминькёй,
Уж ты можошь ли Кострюка побороть?
135. Побороть, обезвечить его?»
Говорит Потаня хроминькёй:
«Уж ведь я Кострюка поборю,
Поборю, обезвечу его.
Кабы я-то вчера хмелён был,
140. Кабы ныне голова-то болит,
Кабы мне-то приоправитце». Кабы втапоры дядюшка царёв,
Стар Микита Романович,
Наливает цару зелена вина.
145. Как немалу — полтора ведра,
Как подносит Потанюшке хроменькёму;
Как берёт Потаня единой рукой,

- Выпиват единым духом,
Сам за чарой поклоняйтце:
150. «Да ищэ-то я, Потаня, не оправилсэ,
Как болит у Потани буйна голова».
Да и втапоры дядюшка царев,
Стар Микита Романович,
Наливает-то чару зелена вина,
155. Как немалу — полтора ведра,
Как подносит Потане хроминькёму;
Как берёт Потаня цяру единой рукой,
Выпиваёт единым духом,
Сам за чарой поклоняйтца:
160. «Да ищэ Потаня не оправилса».
Да и втапоры дядюшка царев,
Стар Микита Романович,
Он еще подносит зелена вина;
Как берёт Потаня цяру единой рукой,
165. Выпивает единым духом,
Кабы сам за цярой поклоняйтца:
«Как топерь я могу Кострюка побороть,
Побороть, обезвечить его».
Как втапоры дядюшка царев
170. Заходил во гриню светлую,
Он ведь подчоват провожатых гостей:
«Как и хлеб-от у меня на столе,
Да и ества у меня на столе,
Да и питья-то у меня на столе,
175. Да борцы-ти у меня на дворе».
Да и втапоры Кострюк сын Темрюкович
Он скочил через дубовы столы,
Он одной ногой за скамью задел,
Полтораста татаринов убил,
180. Полтретьяста татарских детей,
Петьсот стремених стрельцей,
Он убил-пригубил всех провожатых гостей,
Выходил он вон на улечу.
Да и втапоры дядюшка царев,
185. Стар Микита Романович,
Приходил он к ложни теплой,
Колотилса с молитвою,
Он будил-то Ивана Васильевича:
«Уж ты ой еси, царь государь!

190. Царь Иван сударь Васильевич!
Выходи на крыльцо красное
Как смотреть борьбу богатырскую».
Дак и вышел наш царь государь,
Царь Иван сударь Васильевич,
195. Да со Марьей Темрюковной
На крылечушко на красное,
На прекрасно государево.
Говорит Потаня хроминькѣй:
«Уж ты ой еси, царь государь!
200. Царь Иван сударь Васильевич!
Уж мы кой коего поборѣм,
С виноватого штобы платье снеть,
Да спустить его нага, да как мать родила».
Говорит Иван Васильевич:
205. «Да лишь бы тебе бог пособил».
Говорит Марья Темрюковна:
«Кабы преж борцы боролисе,
Кабы преж стрельчи стрелелисе,
С виноватого платье не сымывали».
210. Как не две горы скаталисе,
Два богатыря сходилисе,
Да в первы-ти Кострюк поборол,
Да в други-ти Кострюк поборол;
Дак и втапоры дядюшка царѣв,
215. Стар Микита Романович,
Он ведь рвет седую голову
Да щыплет седую бороду:
«Уж ты, горькяя белая голова!
Ты, бесчасная седая борода!
220. Доставалась на поруганьѣ
Злу татарину проклятому;
Самому будѣт отведатце,
С Кострюком поборотисе».
Да Потанюшка справилса,
225. За рубашенькю сграбилса,
Выздымал выше головы,
Опускал о сыру землю,
О гумѣнецкѣ мѣдвенно;
Не сорочинькя спархивала —
230. На Кострюке кожа треснула,
Он спустил его нага, да как мать родила;
Поволокся Кострюк сын Темрюкович,

- Поволокся под крылечушко,
Он долонью прикрываитце.
235. Дак и втапоры царь государь,
Царь сударь Иван Васильевич,
Он прошел во ложню теплую,
Он со Марьей Темрюковной,
Он ложилса в ложню теплую,
На кроватицкю тисовую.

Текст взят из книги: Н. Е. Ончуков. Печорские былины. Спб., 1904, № 91; записан от П. Г. Маркова в деревне Бедовой, Пустозерской волости, Архангельской губернии в 1902 г.

Песня сохранила многие подробности, имевшие место в годы царствования Ивана Грозного. Иван IV женился на дочери кабардинского (черкесского) князя Темрюка Марии в 1561 г. У Марии было два брата — Мамстрюк и Михаил. Относительно первого известно только то, что он ненадолго приезжал в Москву. Некоторые исследователи считают, что в образе Кострюка (Мамстрюка) отразились воспоминания о Михаиле, который долгое время жил в Москве; он подвергался постоянным насмешкам и издевательствам со стороны царя и по приказу последнего был казнен в 1571 г. Оставили в песне след и последующие исторические события, во время которых она распевалась.

8

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

- Не сине-то море колыбается,
Не сырой-то бор разгорается —
Воспылал-то Грозный царь Иван Васильевич,
Что надоть казнить Новгород да Опсково¹.
5. По горенке на честном пиру похаживат,
Пословечно государь он выговариват:
«Достал я перфилушку² из Царя-града,
Повывел я туман из синя моря,
И повывел я измену с каменной Москвы,
10. Хочу вывести изменушку со Опскова».
Говорит его больший сын Иванушка Иванович³:

¹ Город Псков.

² Порфиру.

³ Старший сын Ивана Грозного, был убит отцом в возрасте 33 лет.

- «Батюшка наш, Грозный царь Иван Васильевич!
Достал ты перфилушку из Царя-града,
Повывел ты измену с каменной Москвы;
15. А не вывел ты тумана из синя моря,
Да и не повывести изменушки со Опскова:
У тебя изменщик за столом сидит,
Он ест да пьет с одной чашечки».
- Говорит-то Грозный царь Иван Васильевич:
20. «Мне скажи-тко про изменщика великого».
Молодой Иванушка Иванович закручинился,
Закручинился он и запечалился:
«На братца мие-ка сказать — братца не видагь;
На себя сказать — мне живу не бывать».
25. Говорил Иванушка Иванович:
«Батюшка наш, Грозный царь Иван Васильевич!
Как мы шли-то с Новгорода до Опскова,
Мы-то шли по правую руку Волхова,
А по левую руку Волхова шел Федор Иванович¹,
30. Так он делал изменушку великую:
Казнил он только старого да малого,
А что ни лучший он народ садил во погреба,
Опосля он выпускает их на белый свет».
- Говорит тут Грозный царь Иван Васильевич
35. Громким голосом да во всю голову:
«Ай же вы, мои слуги верные,
Палачи мои немилосливые!
Берите-ка моего сына царского,
Того ли Федора Иванова,
40. За него за ручушки за белыя,
За него за перстни за злаченные,
Ведите-тко на поле на Куликово,
На это-то на место на торговое,
Срубите-тко ему буйную головушку
45. За него изменушку великую».
Все тут палачи затулялися,
Не смеют подойти ко сыну ко царскому
И не смеют казнить сына царского.
Молодой Иванушка Скурлатов сын²

¹ Болезненный и слабоумный сын Ивана Грозного, наследовавший престол (1584—1598) после своего отца.

² Малюта Скуратов-Бельский известен своей близостью к Ивану Грозному как исполнитель многих его поручений, жестокий палач; убит во время Ливонской войны в 1572 г.

50. Скорешенько ставал он на резвы ноги,
Подходил-то он ко сыну ко царскому,
Ко тому ли Федору Ивановичу,
Берет его за ручушки за белыя,
За него за перстни за злаченные,
55. Повел его на поле на Куликово,
На этое на место на торговое,
Положить его на плаху на дубовую,
Срубить-то ему буйную головушку.
Этая царица московская,
60. Молода Настасьюшка Романовна ¹,
Видит: дело есть не малое,
Не стало у ней сына любимого;
Бежит она по славной каменной Москвы
В одной тонкой рубашечке без пояса,
65. В одних тонких чулочиках без чоботов.
Ко своему ко братцу ко любимому,
Ко тому Микитушке Романовичу,
На пята она дверь поразмахивает.
Поглянул туда Микитушка Романович,
70. Говорил-то Микита таковы слова:
«Подошла-то ко мне гостейка незваная,
Незваная гостейка и нежданая!»
Говорит ему Настасья Романовна:
«Ай же ты, мой братец родимый,
75. Молодой Микитушка Романович!
Сидишь-то ты во тереме, златом верху,
Видно, надо мной незгодушки не ведаешь:
Не стало моего сына любимого,
Того ли Федора Ивановича, —
80. Повел его Иванушка Скурлатов сын
На тое на поле на Куликово,
На место на торговое,
Срубить-то ему буйная головушка».
Молодой Микитушка Романович
85. Он скорешенько скочил как на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечо,
Шапочку соболью на одно ушко,
Хватил паличку булатную под пазушку,
Бежит-то Микита на широкий двор,

¹ Анастасия Романовна — первая жена Ивана Грозного, венчалась с царем в 1547 г., умерла в 1560 г.

90. Он садился на добра коня не седлана,
Ехал он по славной каменной Москвы,
Ехал Микитушка он улицы,
Перемахивал Микита переулками,
И кричал Микитушка во всю голову,
95. Во всю голову кричал громким голосом:
«Если кто показнит сына царского,
Того я разжалую;
Кто не показнит сына царского,
Того я пожалую».
100. Скурлатов сын Иванушка расслухался,
Порасслухался и пораздумался:
«Царский сын-то не простой мужик,
Чем-нибудь меня, может, и пожалует!»
Молодой Микитушка Романович
105. Он скорешенько наехал на добром коне,
Соскочил-то Микита со добра коня
На своего на крестничка любимого:
Стоит детинушка Скурлатов сын,
Во руке он держит нож булатный; —
110. Молодой-то Федор Иванович
Положен на плаху на дубовую; —
Хочет он срубить ему буйну головушку.
Молодой Микитушка Романович
Берет он крестничка за ручушки за белыя,
115. За него за перстни за злаченные,
Становил-то он его на резвы ноги,
Целовал его во уста во сахарния,
Называл его крестничком себе любимым,
И схватил-то он детинушку Скурлатова,
120. Положил его на плашку на дубовую,
Срубил ему буйную головушку,
Срубил головушку, выговаривал:
«Не твой-то кус, да не тебе-то есть,
И не тебе, собаке, насмехаться,
125. И не тебе казнить сына царского!»
Говорил-то Федор Иванович:
«Ай же ты, мой крестовый батюшка,
Молодой Микитушка Романович!
Сам-то погинешь и меня сгубишь:
130. Наш батюшка — Грозный царь Иван Васильевич». Говорил ему Микитушка Романович:
«Не убойся-тко ты, крестничек любимый:

Ты жив — и я буду жив».

Охватил его шубонькой кунлею,

135. Садился на добра коня,
И поехали по славной каменной Москвы;
Приехал в свои палаты белокаменны
Ко своей сестрицы ко родимыя,
К молодой Настасьюшке Романовны.
140. Молода Настасьюшка Романовна
Обозрила своего сына любимого,
Тут ей сердце взрадовалось,
Тут ей слезушки-то приутихнули;
Она шла по славной каменной Москвы
145. Во свои палаты белокаменны.
Грозный царь Иван Васильевич
Схватился за своего за сына за любимого:
Не стало своего сына любимого,
Он делал повеление в каменной Москвы
150. И во всем царстве Московском,
Чтобы народ-люди постилися
И ходили бы во матушку божью церкву,
Господу богу молилися
И носили бы одежицы опальные.
155. Идет Грозный царь Иван Васильевич
Во матушку божью церкву
Со своей царицею московскою
Настасьею Романовной
И со своим сыном любимым
160. Иванушкой Ивановичем.
Приходит он во божью церкву
В одежицы опальные¹.
Молодой Микитушка Романович
Приходит во матушку божью церкву
165. Что ни лучшия в одежицы драгоценныя,
Пришел к царю да и проздравствовал:
«Здравствуй, батюшка Грозный царь Иван Ва-
сильевич
Со своей любимую семеюшкой — моей сестрицей
любимую,
Царицей московскою Настасьей Романовной,

¹ В данном случае: в траурной одежде.

170. Со своимы любымыма со детушкамы:
С Иванушкой Ивановичем и Федором Ивановичем!»
- Говорил ему Грозный царь Иван Васильевич:
«Ай же ты, Микитушка Романович!
Что ты в глазах насмехаешься,
175. Надо мною ты подлыгаешься?
Али надо мной незгодушки не ведаешь,
Что не стало у меня сына любимого,
Того ли Федора Ивановича?
Уведен он на поле на Куликово
180. У того Иванушки Скурлатова,
Положен на плашку на дубову,
Срублена ему буйна головушка
За его изменушку великую».
Говорил ему Микитушка Романович:
185. «Есть бы кто тебе сына жива привел,
Того чем бы ты пожаловал?»
Говорил ему Грозный царь Иван Васильевич:
«Есть бы кто ко мне сына жива привел,
Дарил бы я города с пригородкамы,
190. Села дарил бы со приселкамы,
Бояр дарил бы со крестьянамы
И дарил бы я бессчетну золоту казну,
Силу (армию) дарил бы великую
И дарил бы я одежицы драгоценныя».
195. Молодой Микитушка Романович
Выпустил сына царского из-под правыя с-подпа-
зушки.
- Грозный царь Иван Васильевич
Не целует он сына любимого,
А целует он Микитушка Романовича,
200. И говорит он Микиты таковы слова:
«Ай же ты, Микитушка Романович!
Чим тебя теперь пожаловать?
Города ли ты берешь с пригородкамы,
Али села берешь со приселкамы,
205. Бояр ли ты берешь со крестьянамы,
Али силушку (армию) великую,
Али бессчетную золоту казну,
Али одежицы берешь драгоценныя?»
Говорил ему Микитушка Романович:

210. «Не беру я городов с пригородками,
 Не надо мне сел со приселками,
 Не надо мне бояр со крестьянами,
 Не надо мне силы (армии) великия,
 Не надо мне бессчетной золотой казны,
215. Да и не надо мне одежицы драгоценная:
 У меня силушка велика в могучих плечах,
 Есть бессчетной золотой казны по надобью,
 Одежица драгоценная на мне-то не держится,
 Есть под Микитой богатырский конь.
220. А ты пожалуй-ка Микитину вотчину:
 Кто коня угнал, кто жену увел
 Да ушел в Микитину вотчину, —
 Того в Микитиной вотчины не взыскивати».
 Тут Грозный царь Иван Васильевич
225. Пожаловал его Микитиной вотчиной:
 Кто коня угнал, кто жену увел
 Да ушел в Микитину вотчину, —
 Того в Микитиной вотчины не взыскивати.

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». Т. 1, изд. 2, М., 1910, № 19; записан от знаменитого сказителя Т. Г. Рябинина в Кижях, Олонецкой губернии в 1860 г.

В 1581 г. во время войны с Ливонией между царем и его сыном Иваном (в песне Федор) произошла ссора, закончившаяся тем, что в припадке гнева Иван IV убил царевича. Большинство исследователей видело конкретно-историческую основу многочисленных вариантов песни в этом факте убийства Иваном Грозным сына Ивана. Однако все содержание песни противоречит такому толкованию: царь не убивает сына, а лишь приказывает его казнить; царевича спасает Никита Романович; в финале происходит примирение отца с сыном. Весь идейный замысел песни, большой и сложный, не может быть понят, если считать ее «искаженным» откликом на событие 1581 г. Песню о гневе Ивана Грозного на сына правильнее рассматривать как произведение, в котором нашли отражение некоторые существенные стороны политической жизни времени царствования Ивана Грозного, как они воспринимались народом. Постоянные упоминания в вариантах песни о таких фактах, как взятие Казани и Астрахани, укрепление самодержавной власти, протест народных масс против опричнины и поиски спасения от нее, борьба с внутренней «изменой», т. е. с боярством, — все это придает песне широту политического обобщения и вместе с тем — историческую конкретность. В песне действуют персонажи, у которых есть исторические прототипы. Центральный эпизод песни — столкновение отца с сыном, спасение царевича и многие другие эпизоды, оказавшись впоследствии под влиянием исторических событий начала XVII века, существенно варьируются в многочисленных текстах песни. В стилевом плане все редакции песни едины.

- Как у нас было в каменной Москве,
У Грозного царя Ивана Васильевича
Столованьице было, пированье — почестный пир
На многие князи и бояра.
5. Белый день идет к вечеру,
Батюшка Грозный царь весел стал.
Говорит Грозный царь Иван Васильевич:
«Что же у меня в беседе никто ничем не хвастает,
Не хвастает, не похвалится?»
10. Один боярин хвастал чистым серебром,
Другой боярин хвастал красным золотом,
Третей боярин хвастал скатным жемчугом.
Не золота трубочка вострубила,
Не серебряна сиповочка ¹ возыграла —
15. Грозный царь Иван Васильевич слово вымолвил:
«Не делом вы, братцы, хвастаетесь,
Не добром вы, братцы, похваляетесь:
Злато-серебро не откупа,
Скатен жемчуг не оборона,
20. Чистый бисер не заступа.
Как я, Грозен царь, чем похвастаю:
Вывел я измену из Пскова,
Вывел я измену из каменной Москвы,
Казанское царство мимоходом взял,
25. Царя Семиона под мир склонил,
Снял я с царя порфиру царскую,
Привез порфиру в каменну Москву,
Крестил я порфиру в каменной Москве,
Эту порфиру на себя наложил,
30. После этого стал Грозный царь!»
Тут проговорил его родимый сын:
«Ах ты, батюшка Грозный царь,
Царь Иван сударь Васильевич!
Где тебе вывести измену из Пскова,
35. Где тебе вывести измену из каменной Москвы?
Может быть, измена за столом сидит,
Пьет-ест с тобой с одного блюда».
Говорит же Грозный царь Иван Васильевич:
«Покажи мне, где измена за столом сидит?»

¹ Свирель.

40. От молода царевича на то ответа нет.
Говорит Грозный царь Иван Васильевич:
«Ой вы гой еси, палачи московские!
Вы сказните молодого царевича,
Выньте из груди сердце с печенью,
45. Принесите мне на показанье!»
Все палачи приужахнулись;
Один Алешка Малютин,
Скурлатов сын не ужахнулся,
Скочил Алешка из застолицы,
50. Выводил молодого царевича,
Причитал Алешка Скурлатов сын:
«Много казнил князей и бояр,
Не казнил рода царского:
Пойти сказнить молодого царевича!»
55. Снимал с него Алешка платье цветное,
Надевал на него платье черное,
Посадил его на добра коня;
Младый царевич наперед едет,
Алешка Скурлатов позаде едет,
60. Острый палаш на плече держит.
Перепала скорая весточка
Дяде Никите Романову.
Дядюшка был трудён-болён,
Трудён-болён, об одной ноге,
65. Разылся ¹ он скоро на конюший двор,
Обседлал своего добра коня,
Ухватил с собой конюха любимого,
Поехал скоро на чисто поле
И кричит-зычит громким голосом:
70. «Вор, собака, Малюта Скурлатов сын!
Отдай мне-ка молодого царевича,
Сказни конюха моего любимого,
Вынь из груди сердце с печенью
И свези царю на показанье!»
75. Алешка Скурлатов послушался,
Отдал ему молодого царевича,
Сказнил конюха его любимого,
Вынял из груди сердце с печенью
И привез царю на показанье.
80. Ото сна встает царь Иван Васильевич, пробужда-
ется,

¹ Бросался.

- Своего сына он хватается,
Своего сына Дмитрия-царевича.
Прознав дело, рвется и мечется,
И говорит таковы речи:
85. «Ой вы, слуги мои верные!
Вы зачем меня не уняли,
Вы зачем пустили на дело окаянное?»
Отвечают ему слуги верные:
«Ой ты, батюшко Грозный царь,
90. Царь Иван сударь Васильевич!
Не посмели мы перечить тебе,
Убоялися мы твоего гнева скорого!»
Услышал царь Иван Васильевич
Радость-веселие у Никиты Романова,
95. Грозному царю за беду стало,
За беду стало за великую;
Ухватил он копьё острое,
Бежит к дяде Никите Романову.
Во хоромах у Никиты Романовича пир на вёсело.
100. Учёл¹ он у своих гостей:
«Бежит, — говорят, — царь Иван Васильевич,
Во руке держит копьё острое,
Бежит прямо к нему, к Никите Романову».
Недосуг Никите гостей чевствовать:
105. Бросился он на крылечко стекольчато,
Встречу ладит царю Ивану Васильевичу.
Говорит Грозный царь Иван Васильевич:
«Аль ты рад, Никита Романович,
Моему несчастью великому,
110. Аль ты веселишься казни сына моего любимого?»
Замахнул он копьё острое, —
Тял² в ногу Никите Романовичу.
Ответ держит Никита Романович:
«Грозный царь Иван Васильевич!
115. Погляди-ко ко мне во большой угол!»³
Поглядел царь во большой угол, —
Увидел сына своего Дмитрия-царевича:
Сидит весел и здоров во большом углу.
Царь нашел в том радость великую,

¹ Услышал.

² Ударил.

³ Большой угол — передний угол под иконами.

120. Закурили на радостях зелена вина,
Заварили на радостях меду пьяного,
Пировали на радостях почестный пир.

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 6. М., 1864, стр. 98—101; записан А. Харитоновым в Шенкурском уезде, Архангельской губернии; доставлен В. И. Далем.

Сюжет и содержание песни те же, что и в предыдущем тексте, однако здесь многие эпизоды разработаны своеобразно, царь приказывает казнить не Федора, а Дмитрия, Скуратов получил имя Алешки и т. п. В характеристику образа Ивана Грозного внесены психологические моменты.

9

А не силная туча затучилася,
а не силнии грёмы грянули:
кудè едет собака Крымской царь?
А ко силному царству Московскому:
«А нынечи мы поедем к каменной Москве,
А назад мы пойдём, Резань возмём».
А как будут они (у) Оки-реки,
а тут они станут белы шатры раставливать.
«А думайте вы думу с цела ума¹:
кому у нас сидеть в каменной Москве²,
а кому у нас в Володимере,
а кому у нас сидеть в Суздале,
а кому у нас держать Резань старая,
а кому у нас в Звенигороде,
а кому у нас сидеть в Нове-городе?»
Выходит Диви-Мурзы³ сын Уланович:
«А еси государь наш, Крымской царь!
а тебе, государь, у нас сидеть в каменной Москве,
а сыну твоему в Володимере,
а племнику твоему в Суздале,
а сродичу в Звенигороде,
а боярину конюшему держать Резань Старая,
а меня, государь, пожалуй Новым-городом:

¹ Хорошенько.

² Из летописных источников известно, что во время похода 1572 г. на Москву татары заранее разделили между собою города и уезды Русской земли.

³ Мурза — мелкий татарский дворянин.

у меня лежат там свет-добры-дни ¹ ба́тюшка,
Диви-Мурза́ сын Ула́нович.
Прокли́чет с небес господа́ен глас:
«Ибо еси́ соба́ка Кры́мской ца́рь!
то́ ли тебе́ ца́рство не све́домо? ²
а еще́ есть на́ Москве́ се́мьдесят апосто́лов,
опри́шенно ² трех святы́телей;
еще́ е́сть на Москвѣ правосла́вной ца́рь!»
Побежа́л еси́, соба́ка, Кры́мской ца́рь,
не путѣм еси́ — не доро́гою,
не по зна́мени не по че́рному! ³

Текст взят из книги: «Сборник Отделения русского языка и словесности АН». Т. 82, № 7. Спб., 1907; из публикации П. К. Симони «Великорусские песни, записанные в 1619—20 гг. для Ричарда Джемса на Крайнем Севере Московского царства», стр. 12—15.

Песня отражает события второй половины XVI в., изобиловавшей набегами крымских татар. Этими набегами неоднократно руководили Дивеевы мурзы. Во время очередного набега хана Девлет-Гирея на Москву в 1572 г. татарское войско было разбито, участник набега Дивей-мурза сын Уланович был взят в плен русскими, отправлен в Новгород, где он вскоре и умер. Таким образом, просьбу, которую высказывает сын Диви-мурзы, — пожаловать его Новгородом, — можно истолковать и как скрытую иронию, так как песня заканчивается изображением полного краха планов татар.

10

ОБ ОСАДЕ ПСКОВА

Копил-то король ⁴, копил силушку,
Копил-то он, собака, двенадцать лет,
Накопил-то он силушки — сметы нет,
Много, сметы нет, сорок тысяч полков.
Накоплѣмши он силы, на Русь пошел,
Он на Русь пошел, на три города,
На́ три города, на три стольные:

¹ Покойный, блаженной памяти (противоположно «злы — дни»).

² Оприч, кроме еще.

³ Т. е. нестройно, вразброд, не под их черным знаменем.

⁴ Стефан Баторий (1533—1586) — король польский в 1576—1586 гг.

На первый на гòрод — на Пóлотский ¹,
На другой-то на город — Велики Лукí,
На третий — на батюшку на Опсков-град.
Он и Полотский-город мимоходом взял,
А Велики Лукí он насквозь прошел.
Подходил он под батюшку под Опсков-град,
Становился, собака, в зеленых лугах,
Садился он, собака, во зóлот стул,
Смекал-то он силушку пò три дни,
Пó три дни и пó четыре:
Много ли силушки úбыло,
А много ли силушки прíбыло?
Убыло силушки сорок рот,
А прíбыло сíлушки сорок полков.
Тут же он, собака, возра́дуется:
«Ох вы гой еси, мои скорые хожатели,
Скорые хожатели и скорые поспешáтели!
Мечитесь скоро в зеленые луга,
В зеленые луга государевы!..
Бери свово коня Бáхмута ²,
Поезжай во батюшку во Опсков-град.
Во город въезжай — не спрашивай,
Ко дворуъ подъезжай — не докладывай,
Во палаты восходи — не бей челом,
Клади ярлыки на дубóвы столы».
За столами сидит воевода царев
Карамышев Семён Константинович ³.
«Ох ты гой еси, воевода царев
Карамышев Семен Константинович!
Отдай город Волок ⁴ бéз бою,
Без бóю и без драки великия,
Без того уголовного!
Я на первом часу́ возьму Опсков-град,
На другом часу́ стану чистити,
На третьем часу́ стану стол становить,
Стану пить, веселиться, прохлáдитися;
Князей твоих, бояр всех в полòн поберу,
Донских казакóв всех под меч преклоню,
А тебя, воеводу, казнить буду!»

¹ Полоцк.

² Малорослая крепкая лошадь.

³ Иван Константинович Карамышев.

⁴ Читай: Псков.

Возгóворит воевода царев
Кара́мышев Семен Ко́нстантинович:
«Блудён сын, король с королевичем,
С па́ном гетма́ном Хотке́вичем¹
И с воинским конём Вороно́вичем!
Не отдам я тебе города бёз бою,
Без бою и без драки великия,
И без тогó уголо́вия смертно́го!»
Как со вёчера солдаты причащались,
Со полу́ночи ружья чистили.
Ко бело́й зоре, как кúры пропéли,
Не туча́ с тучёй сходíлася,
Не зоря́ со зорёй сомыка́лася —
Соходилися два войска, два великия,
Белого царя с королевским.
Тут ездит-разъезжает уда́лый добрый мо́лодец,
Еще тот ли же воевода царёв
Кара́мышев Семен Ко́нстантинович.
«Кому у нас на бою, братцы, божья по́мочь?»
Помог бог воеводе московскому
Кара́мышеву Семену Ко́нстантиновичу,
Побил силу королевскую,
Всех латничков, сипо́вщичков²,
Кольчужничков, барабанщичков.
Насилу король сам-третей убежал,
Бегучи он, собака, заклинается:
«Не дай, боже, мне на Русí бывать,
Ни дётям моим и ни вну́чатам,
И ни вну́чатам, и ни пра́внучатам!»

Текст взят из книги: «Денница». М., 1834, стр. 158—162; записан Языковым в г. Сызрани, Симбирской губернии.

Песня является откликом на героическую оборону Пскова в 1581—1582 г. против стотысячной армии Стефана Батория. Событие это было одним из крупных эпизодов Ливонской войны. В песне упоминается также захват Полоцка (1579 год) и Великих Лук (1580 г.).

Воевода Карамышев Семен Константинович вошел в песню, по всей вероятности, на основании воспоминаний о другом историческом событии — защите (в основном казачьим гарнизоном) от короля

¹ Ходкевич Я. К. — виднейший литовско-польский полководец и государственный деятель начала XVII в.

² Сиповщички — музыканты, играющие на сиповках, т. е. на свирелях, дудках.

Сигизмунда III в 1612 г. Волока Ламского, где воеводой города и был Иван Константинович Карамышев; все приступы были отбиты и король отступил.

СТАНИЦА ГРЕБЕНЦОВ ПЕРЕД ИВАНОМ ГРОЗНЫМ

Не серые гусюшки гогочут,
Не сизые орлы клохчут —
Они пить и есть хотят;
Гребенские наши казаченьки ¹
Перед царем они стоят,
Перед Грозным царем,
Перед Иваном Васильевичем.
Самому-то ли царю-надеже
Они речи ему говорят:
«Уж ты, батюшка, ты наш надежа,
Православный ты наш государь!
Не позволь ты нас казнить-вешать,
Позволь речи ты нам говорить:
Да на чем же ты нас подаруешь,
Ты на чем пожаловаешь?»
«Подарю я вас, моих казаченьков,
Рекою вольною Терекон Горынъевичем ²,
Как от самого от Гребня до синего моря,
Как до синего было до моря до Хвалынского».

Текст взят из книги: «Записки Терского общества любителей казачьей старины». Владикавказ, 1914, стр. 42, № 2; записан Ф. С. Панкратовым на Тереке.

Сюжет песни, ее идейное содержание типично для второй половины XVI в., когда бежавшее на юг от крепостного гнета население (превращавшееся в казаков) вело борьбу за сохранение своих прав в условиях роста самодержавной власти.

¹ Гребенские казаки — горные казаки, живущие в восточном районе Северного Кавказа, в бассейне реки Терек, рядом с терскими казаками. Получили свое название от гребней Терского хребта, на которых они поселились.

² В 1555 г. Иван Грозный «пожаловал» гребенским казакам терские земли, поручив им защиту интересов Руси на Северном Кавказе.

ЦАРЬ ИВАН ЖАЛУЕТ КАЗАКОВ ДОНСКИХ

Ой да, не быстра речушка шумит,
 Не Дунай-речка говорит,
 Не сизые орлы клычут,
 По-над небесью летят,
 Не серые гуси гогочут —
 Они есть хотят.
 Как возговóрят наши казаченьки,
 Перед Грозным царем стоячи:
 «Ты наш батюшка-надежда царь,
 Не дозвожь нас казнить,
 Дозвожь речь нам говорить:
 Много господ жалуешь, много любишь их,
 Чем ты донских казаков пожалуешь?»
 «Я вас жалую, донцы, славным Тихим Доном,
 Со всеми притоками его...»

Текст взят из книги: «Народное творчество Дона». Кн. 1. Ред. текстов, вступ. ст. и комм. И. Т. Громова. Ростов-на-Дону, 1952, стр. 47; записан от братьев Куликовых в станице Раздорской, Ростовской области.

Сюжет и идейное содержание те же, что и предыдущей песни, но здесь подтверждается право казаков жить вольно на Дону.

 ПЛАЧ КАЗАКОВ ПО СКОНЧАВШЕМСЯ ЦАРЕ
 ИВАНЕ ГРОЗНОМ В 1584 г.

Уж ты светлое
 Наше красно солнышко,
 Красно солнышко.
 Уж ты светишь, солнышко,
 Во весь долгий день.
 Свети во весь день.
 Освети ты, солнышко,
 Москву каменну,
 Москву каменну.

Во Москве-то каменной,
Во святой Руси,
Во святой Руси,
У собора-то было
У Успенского¹,
У Успенского.
Молодой казак с ружьем
На часах стоит,
На часах стоит,
Богу молится,
Сам-то слезно плачет,
Сам слезно плачет,
Приговариват:
«Ты подуй, буён ветер!
Подуй, буй-ветер.
Ты развей, развей,
Ветер, пески желтые,
Пески желтые.
Расступись ты, матушка,
Мать-сыра земля!
Мать-сыра земля.
Расколися, вскройся ты,
Грובה доска,
Грובה доска!
Распахнися, белый саван,
Полотнянный!
Бел-полотнянный.
Ты восстань, восстань,
Ты, наш православный царь!
Православный царь.
Православный царь,
Царь Иван Васильевич,
Ты, наш батюшка!
Ты взгляни, взгляни
На свою-то силушку,
Свою силушку.
Твоя силушка
Скоро во поход пойдет.
Во поход пойдет
Как под тот-то славный
Казань, Казань-город».

¹ Успенский собор в московском Кремле.

Текст взят из книги: «Былины и песни Астраханских казаков». Собрал и на ноты положил А. А. Догadin. Вып. 1. Астрахань, 1911, стр. 14—15; записан от братьев Чернышевых, А. Н. Исаева и др. в станице Дурновской, от Л. М. Дедова и др. в станице Сероглазинской, от А. А. Горшенева и др. в станице Пичуженской, Астраханской губернии в 1902—1903 гг.

Песня создана по случаю смерти Ивана Грозного. Она имеет много вариантов, приуроченных впоследствии и к другим царям.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ О ЕРМАКЕ

14

ЕРМАК В КАЗАЧЬЕМ КРУГУ¹

Как на речке, на реке, братцы, было на Камышинке²,
Собиралися там, соезжались они люди вольные,
Люди вольные сбиралися, они беспачпортные:
То донские, гребенские казаки, они со яицкими³.
Атаманом был у них, братцы, Ермак Тимофеевич.
Да он речи говорил, Ермак, ровно как в трубу трубил:
«Уж вы думайте, ребятушки, да вы всё подумайте,
Да меня ли Ермака ли казака вы меня послушайте.
Вот проходит у нас, братцы, все летушко теплое,
Наступает вот у нас, братцы, зимушка холодная,
Да и где же мы эту зимушку ее зимовать будем?
На Яик идти, ребятушки, да он переход велик,
А на Волге быть, ребятушки, да нам все ворами⁴
слыть;

Под Казань город идти — да там Грозный царь,
Грозный царь стоит, сам Иван Васильевич:
Нам, казакам, быть да нам переловленным,
По разным тюремочкам всем быть порассаженным,
А мне, Ермаку-казаку, да мне быть повешену.
А вы думайте, ребятушки, да всё подумайте,
Да где же мы эту её зимовать будем.
Уж вы делайте, ребятушки, лодочки еловые,
Да вяжите вы, ребятушки, ташечки-колоночки⁵,
Да садитесь, ребятушки, во легкие лодочки,

¹ К а з а ч ь и й к р у г — высшая форма казачьего самоуправления.

² Речка К а м ы ш и н к а или Камышенка — правый приток Волги.

³ Я и ц к и е к а з а к и — казаки, жившие по берегам реки Яик (старое название реки Урал).

⁴ Понятие «вор» в то время означало «государственный преступник», «человек, выступивший против феодальных законов», изменник, разбойник.

⁵ Вероятно, сумки, сделанные из дорогого меха, необходимые для дальнейших походов, к которым, как видно из песни, призывает Ермак.

Вы пушайтесь, ребятушки, во мать во сине море,
Зимовать мы будем, ребятушки, на речке Камы-
шинке».

Текст взят из книги: «Записки Терского общества любителей казачьей старины». Владикавказ, 1914, стр. 20, № 7; записан Ф. С. Гребенцом у гребенских казаков. Близкий, более краткий вариант: «Гребенцы в песнях». Собрал Ф. С. Панкратов. Владикавказ, 1895, стр. 15—16.

Песня показывает отношение царского правительства к беглому люду. В период феодализма на юг страны бежала от крепостного права деревенская и городская беднота, впоследствии организованная Ермаком в казачьи отряды, возмущавшие спокойствие царского правительства.

14а

Как на Волге-реке, да на Камышенке
Казачи живут, братцы, люди вольные:
Все донские, гребенские со яицкими.
У казаков был, братцы, атаманушка —
Ермаком звали Тимофеевичем.
Не злата труба, братцы, вострубила,
Не звонка ли, не громка ли речь возговорила —
То возговорил, братцы, Ермак Тимофеевич:
«Уж вы думайте, казаки-братцы, попридумайте!
Как проходит у нас лето теплое,
Настаёт, братцы, зима холодная.
Еще где нам, братцы, зимовать будет?
Нам на Волге жить — все ворами слыть,
На Яик идти — переход велик,
На Казань идти — Грозен царь стоит,
Грозен царь стоит, братцы, немилостивый.
Он послал на нас рать великую,
Рать великую — в сорок тысячей.
Так пойдёмте же да возьмём Сибирь!»

Текст взят из книги: И. И. Желенов. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Т. 3, изд. 3. Спб., 1910, стр. 270—271.

Текст имеет тот же сюжет, что и предыдущая песня. Данный вариант показывает, как созрели у Ермака и его единомышленников мечты о походе в Сибирь.

ЕРМАК БЕРЕТ КАЗАНЬ

На степи было на Саратовской,
Пониже города Саратова,
Повыше города Камышина
Собирались казаки охотники,
Донские, гребенские и яицкие,
Во кругу стоят, думу думают,
А среди их круга казачьего
Там Ермак стоит Тимофеевич,
Кунья шуба на нем нараспашечку,
Пола правая в пятьсот рублей,
Пола левая близу тысячи,
Всей-то шубе той цены нету.
Вот казак Ермак речь возговорит:
«Ой вы, братцы, атаманы-молодцы!
Проходит лето, лето теплое,
А зима-то наступает холодная,
Где-то мы, братцы, зимовать будем?
Вы подумайте, братцы, подумайте,
Да меня, Ермака, послушайте:
На Яик нам идтить — переход велик,
На тихой Дон идтить — ворами слыть.
Я хотел бы вверх по Волге идтить.
Пойдем-ка, братцы, под Казань-город:
Под ним Грозный царь стоит,
У него ли там много силушки,
Он семь лет стоит под Казанию,
Он семь лет стоит, не возьмет ее!»
Тут подумавши, в поход пошли,
Не дойдя Казани, становилися.
«Станьте, братцы, вы побудьте тут,
Я, Ермак-казак, к царю пойду,
Я пойду к нему, поклонюсь ему,
Расскажу про наше житье-бытье
И скажу ему, как город взять.
А повесит меня — знак вам дам,
А примет меня — по вас пошлю!»
Вот идет Ермак к царю Грозному,
Принимает его царь за товарища

И сажает его возле себя.
Посадивши, стал спрашивать:
«Ты кто такой и отколь взялся?»
Тут Ермак ему стал рассказывать:
«Не один я пришел, а с товарищи,
Теперь, государь, позволь лишь мне,
Расскажу тебе, как город взять.
Только сроку дай мне день один,
А теперя, царь, успокойся ты,
Как не сделаю того — повесь меня!»
Царь послушался, отпустил его.
Вот он ждет день до вечера,
Не дождавшись, сомневаться стал:
«Знать, Ермак-казак обманул меня,
Как он вором был — и остался вор!»
Не успел Грозный слово вымолвить,
Затряслась земля, всколебалася,
Стены градские разрушаются,
Казак в Казань ворываються,
А орда из ней убирается.
Царь въезжает во Казань-город,
Он там хвалится, прославляется.
Вот Ермак к нему является:
«Чем, Ермак, тебя пожаловать?»
«Ты отдай, государь, нам тихой Дон
Снизу доверху, сверху до низу,
С его реками и вершинами!»

Текст взят из книги: «Донские казацкие песни». Собрал и издал А. Пивоваров. Новочеркасск, 1885, стр. 18—20, № 16.

Литературные источники говорят об участии в Казанском походе казаков, но роль их в исходе войны не была столь значительной, как об этом говорится в песне. Песня должна рассматриваться не в связи с событиями борьбы за Казань (1545—1552 гг.), а в связи с исторической действительностью и историческими представлениями казацких масс более позднего периода. Создание ее относится, вероятно, к 80—90-м годам XVI века — кануну «смутного» времени. Пожалование казаков Тихим Доном за их боевые заслуги поэтически обосновывает казацкие права и привилегии. Эта идея придавала песне актуальное звучание на разных этапах истории казачества.

ЕРМАК ВЗЯЛ СИБИРЬ

Во славном понизовом городе Астрахани,
 Против пристани матки Волги реки,
 Соходилися тут удалы добры молодцы,
 Донские славны атаманы казачие —
 Ермак Тимофеевич, Самбур Андреевич и Анофрей
 Степанович;

И стали они во единой круг,
 Как думати думушку за единос,
 Со крепка ума, с полна разума.
 Атаман говорил донским казакам,
 По имени Ермак Тимофеевич:
 «А и вы гой еси, братцы, атаманы казачие!
 Не корыстна у нас шутка зашучена;
 Гуляли мы по морю синему
 И стояли на протоке на Ахтубе,¹
 Убили мы посла персидского
 Со всеми его солдатами и матросами,
 И всем животом его покорыстовались;
 И как нам на то будет ответствовать?
 В Астрахани жить нельзя,
 На Волге жить — ворами слыть,
 На Яик идти — переход велик,
 В Казань идти — грозен царь стоит,
 Грозен царь осударь, Иван Васильевич;
 В Москву идти — перехватаным быть,
 По разным городам разосланным
 И по темным тюрьмам рассаженным;
 Пойдемте мы в Усолья² ко Строгоновым,³
 Ко тому Григорью Григорьевичу,
 К тем господам к Вороновым;
 Возьмем мы много свинцу, пороху и запасу хлеб-
 ного».

И будут они в Усолье у Строгонова,

¹ А х т у б а — левый приток Волги.

² Городок в верховьях реки Камы.

³ С т р о г а н о в ы — солепромышленники XIV—XVI вв., владевшие в Сольвычегодском крае обширными землями и промыслами. Оказывали большую ратную и денежную помощь Ермаку во время его похода в Сибирь.

Взяли запасы хлебные, много свинцу, пороху.
И пошли вверх по Чусовой реке ¹,
Где бы Ермаку зима зимовать.
И нашли они пещеру каменну
На той Чусовой реке, на висячем большом камню;
И зашли они сверх того камню,
Опускалися в ту пещеру казаки,
Много не мало — двести человек;
А которые остались люди похужея,
На другой стороне в такую ж они пещеру убиралися.
И тут им было хорошо зима зимовать.
Та зима проходит, весна настает;
Где Ермаку путя искать?
Путя ему искать по Серебряной реке ².
Стал Ермак убиратися со своими товарищами;
По Серебряной пошли, до Жаровля дошли,
Оставили они тут лодки коломенки ³;
На той Баранченской переволоке,
Одну ташили, да надселися,
Там ее и покинули.
И в то время увидели Баранчу реку ⁴, обрадовались,
Поделали боты сосновые
И лодки набойницы;
Поплыли по той Баранче реке
И скоро они выплыли на Тагиль реку;
У того Медведя ⁵ камня у Магницкого — горы ⁶
становилися,
А на другой стороне было у них плотбище ⁷;
Делали большие коломенки,
Чтоб можно им совсем убратися.
Жили они тут, казаки, с весны до Троицева дня,
И были у них промыслы рыбные,
Тем они и кормилися;
И как им путь надлежал,
Со всем в коломенки убиралися,

¹ Правый приток Камы.

² Правый приток реки Чусовой.

³ Коломенка — речное судно определенной вместимости и определенных размеров.

⁴ Сибирская река, впадающая в реку Тагил, правый приток реки Туры.

⁵ Высокий утес на берегу реки Тагил.

⁶ У Магницкой горы — по-видимому, гора Магнитная.

⁷ Место постройки судов.

И поплыли по Тагиль реке;
А выплыли на Туру¹ реку,
И поплыли по той Туре реке в Епанчу реку;
И тут они жили до Петрова дня.
Еще они тут управлялися,
Поделали людей соломенных
И нашили на них платье цветное;
Было у Ермака дружины триста человек,
А стало уже со теми больше тысячи.
Поплыли по Тоболь² реку,
В Мяденски юрты приплыли,
Тут эни князька полонили небольшого,
Дабы показал им путь по Тоболь реке.
Во тех усях тобольских на изголове становилися,
И собиралися во единой круг,
И думали думушку крепку заедино:
Как бы им приплыть к горе Тобольской той?
Сам он, Ермак, пошел усьем верхним,
Самбур Андреевич усьем средним,
Анофрей Степанович усьем нижним,
Которая усья впала против самой горы Тобольския.
И выплыли два атамана казачие,
Самбур Андреевич и Анофрей Степанович,
Со своими товарищами на Иртыш реку,
Под саму высокоу гору Тобольскую.
И тут у них стала баталия великая
Со теми татары котовскими;
Татары в них бьют со крутой горы,
Стрелы летят, как часты дожди,
А казакам взять не можно их.
И была баталия целой день,
Прибили казаки тех татар немало число.
И тому татары дивовалися,
Каковы русски люди крепкие,
Что ни едино убить не могут их:
Каленых стрел в них, как в снопики, налеплено,
Только казаки все невредимы стоят³,
И тому татары дивуются наипаче того.
В то же время пришел атаман Ермак Тимофеевич

¹ Левый приток Тобола.

² Левый приток Иртыша; в устье Тобола находилась столица Сибирского царства.

³ Речь идет о соломенных чучелах.

Со своею дружиною тою лукою Соуксанскою,
Дошел до уся Сибирки реки,
И в то время полонил Кучума царя татарского,
А перваго князька поиманого
Отпустил со известием
Ко тем татарам котовским,
Чтобы они в драке с казаками помирились:
Уж-де царя вашего во полон взяли
Тем атаманом Ермаком Тимофеевым.
И таковы слова услыша, татары сократились,
И пошли к нему, Ермаку, с подарочками,
Понесли казну соболиную
И бурых лисиц сибирских;
И принимал Ермак у них, не отсылаючи;
А на место Кучума царя утвердил Сабанака тата-
рина

И дал ему полномочие владеть ими.
И жил там Ермак с Покрова
До зимняго Николина дня.
Втапоры Ермак шил шубы соболиные,
Нахтармами¹ вместе сшивал,
А теплые мехи на верх обеих сторон;
Таковым манером и шапки шил.
И убравши Ермак со всеми казаки²,
Отъезжал в каменну Москву,
Ко Грозному царю Ивану Васильевичу.
И как будет Ермак в каменной Москве,
На канун праздника Христова дня,
Втапоры подкупил в Москве
Большого боярина Никиту Романовича,
Чтобы доложил об нем царю Грозному.
На самой праздник Христов день,
Как изволил царь государь идти от заутрени,
Втапоры доложил об них Никита Романович:
Что-де атаманы казачие,
Ермак Тимофеев с товарищи,
К твоему царскому величеству с повинностью при-
шли

И стоят на Красной площади.
И тогда царь государь

¹ Мездрами, непущистой стороною, выворотами.

² Или «убравшись», или «убравши (парядивши) совсем казаки (козаков)». Прим. Бессонова.

Тотчас велел пред себя привести
Того атамана Ермака Тимофеева,
Со теми его товарищи;
Тотчас их ко царю представили
В тех шубах соболиных.
И тому царь удивляется;
И не стал больше спрашивать,
Велел их разослать по фатерам
До того часу, когда спросятся.
Втапору царю праздник радощен был,
И было пиrowание почестное
На великих на радостях,
Что полонил Ермак Кучума царя татарского,
И вся сила покорилася тому царю Грозному,
Царю Ивану Васильевичу.
И по прошествии того праздника
Приказал царь государь
Того Ермака пред себя привести;
Тотчас их собрали
И ко царю представили.
Вопрошает тут их царь государь:
«Гой ты еси, Ермак Тимофеев сын!
Где ты бывал, сколько по воле гулял,
И напрасных душ губил,
И каким случаем
Татарского Кучума царя полонил,
И всю его татарскую силу
Под мою власть покорил?»
Втапору Ермак прѣд Грозным царем на колени пал,
И письменное известие обо всем своем походе
подавал,

И при том говорил таковые слова:
«Гой еси, вольной царь,
Царь Иван Васильевич!
Приношу тебе, осударь, повинность свою.
Гуляли мы, казаки, по морю синему,
И стояли на протоке на Ахтубе;
И в то время годилося мимо идти
Послу персидскому
Коромышеву Семену Костянтиновичу
Со своими солдаты и матросами,
И они напали на нас своею волею,
И хотели от нас поживитися,

Казачи наши были пьяные,
А солдаты упрямые,
И тут персидского посла устукали
Со теми его солдаты и матросами».
И на то царь государь не прогневался,
Но и паче¹ умилосердился,
Приказал Ермака пожаловати.
И посылал его в ту сторону Сибирскую
Ко тем татарам котовским,
Брать с них дани, выходы в казну государеву.
И по тому приказу государеву
Поехал Ермак Тимофеевич
Со своими казаками в ту сторону Сибирскую.
И будет он у тех татар котовских;
Стал он их наибольше
Под власть государеву покоряти,
Дани, выходы без опущения избирати.
И год, другой тому времени поизойдучи,
Те татары взбунтовались,
На Ермака Тимофеева напущались
На той большой Енисее реке;
Втапоры у Ермака были казаки разосланы
По разным дальным странам,
А при нем только было казаков на дву коломенках.
И билися, дралися с татарами время немалое;
И для помощи своих товарищев
Он, Ермак, похотел перескочити
На другую свою коломенку,
И ступил на переходню обманчивую,
Правою ногою поскользнулся он —
И та переходня с конца верхнего
Подымалася и на его опускалася,
Расшибла ему буйну голову
И бросила его в тое Енисею, быстру реку.
Тут Ермаку такова смерть случилася.

Текст взят из книги: «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». М., 1938, № 14.

В XVI в. сибирский хан Кучум начал разорять окраины Перми Великой и Прикамье. К 1573 г. относится, например, набег племянника Кучума Маметкула. Поход Ермака — выдающаяся экспедиция в Западную Сибирь — начался в сентябре 1581 г. Отряды Ермака

¹ Наипаче, напаче (наиболее)?

проделали долгий и трудный путь к берегам Иртыша, где произошла решительная битва с татарами на горе Чувашьей. 26 октября 1581 г. Ермак занимает столицу Кучума г. Кашлык (по другим источникам Искер, или Сибирь). Песня подробно описывает путь Ермака в Сибирь и гибель Ермака (август 1584 г.).

ПЕСНЯ О ЕРМАКЕ

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
На крутом на красном бережечке
Собирались люди, вольные казаки,
Становились они во единый круг,
Крепко думу думали единую.
Говорил им Ермак Тимофеевич:
«Не пора ли убираться нам отсюда:
На Волге жить — ворами слыть,
На Яик идти — переход велик,
В Казань идти — грозен царь стоит,
Грозен царь-государь Иван Васильевич.
Не лучше ли нам во Сибирь идти,
На Кучума, царя татарского...»
Вот пришли они на Иртыш-реку
Под высокую гору Тобольскую.
Понаделали чучел соломенных,
Палки в руки им длинные всунули,
Напугали татар неразумных.
И тому татары дивилися,
Каковы русские люди крепкие,
Что ни единого убить не могут.
И тогда татары покорилися,
Приносили Ермаку свои подарочки,
Чернобурок многие сорока,
Соболиные шкуры десятками.
И поехал Ермак во столицу Москву
К государю Ивану Васильевичу.
Вопрошает его тут сам государь:
«Я за службу твою благодарствую,
Чем дарить тебя не надумаю».

Снял он шубу с плеч соболиную,
Собственноручно Ермаку пожаловал
И послал его в ту сторону сибирскую...

Текст взят из книги: «Ученые записки Бийского пединститута», 1957, вып. 1, стр. 73—74; записан А. И. Лазаревым в с. Вознесенское Новосибирской области в 1955 г. от К. Н. Морозникова.

Созданная в Сибири песня рассказывает о том, как Ермак боролся с Кучумом.

18

Как на славных на степях было Саратовских,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались казаки-други, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый круг:
Как донские, гребенские и яицкие.
Атаман у них Ермак сын Тимофеевич,
Есаул¹ у них Асташка сын Лаврентьевич.
Они думали думушку все единую:
«Уж как лето проходит, лето теплое,
А зима настает, братцы, холодная,
Как и где-то нам, братцы, зимовать будет?
На Яик нам идтить — да переход велик,
Да на Волге ходить нам — все ворами слыть,
Под Казань-град идтить — да там царь стоит,
Как грозной-то царь Иван Васильевич;
У него там силы много — множество.
Да тебе, Ермаку, быть там повешену,
А нам, казакам, быть переловленным
Да по крепким по тюрьмам порассоженным».
Как не золотая трубушка вострубила,
Не серебряная речь громко возговорит —
Речь возговорит Ермак сын Тимофеевич:
«Гей вы думайте, братцы, вы подумайте,
И меня, Ермака, братцы, послушайте!
Зазимуем мы, братцы, все в Астрахани,
А зимою мы, братцы, поисправимся;
А как вскроется весна красная,

¹ Помощник атамана.

Мы тогда-то, други-братцы, во поход пойдем,
Мы заслужим пред грозным царем вину свою:
Как гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синему морю по Хвалынскому¹,
Разбивали мы, братцы, бусы-корабли²,
Как и те-то корабли, братцы, не орленые³,
Мы убили посланничка все царского,
Как того-то ведь посланничка Персидского».
Как во славном было городе во Астрахане,
На широкой на ровной было площади,
Собирались казаки-други во единой круг,
Они думали думу крепкую,
Да и крепкую думушку единую:
«Как зима-то проходит все холодная,
Как и лето настанет, братцы, лето теплое,
Да пора уж нам, братцы, в поход идтить».
Речь возговорит Ермак Тимофеевич:
«Ой вы гой еси, братцы, атаманы-молодцы!
Эй вы делайти лодочки-коломенки,
Забивайте вы почета⁴ еловые,
Накладайте бабаички⁵ сосновые,
Мы поедемте, братцы, с божьей помощью;
Мы пригрянемте, братцы, вверх по Волге по реке,
Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
Доберемся мы до царства бусорманского,
Завоюем мы царство Сибирское,
Покорим его мы, братцы, царю белому,
А царя-то Кучума во полон возьмем.
И за то-то государь-царь нас пожалует.
Я тогда-то пойду сам ко белу царю,
Я надену тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку под мышечку,
Принесу я царю белому повинную:
«Ой ты гой еси, надежа православный царь!
Не вели меня казнить, да вели речь говорить.
Как и я-то, Ермак сын Тимофеевич,

¹ Старое название Каспийского моря.

² Бус — большая долбленая лодка, однодеревка, с острым носом, отрубистой кормой и округлым дном, большею частью с наделками, набоями, насадами, т. е. с набивными досками по бортам.

³ Без орла (царского герба) — не государственные, а частные.

⁴ Вбитые в борт колышки, на которые надевают весло.

⁵ Весла.

Как и я-то, воровской донской атаманушка,
Как и я-то гулял ведь по синю морю,
Что по синю морю по Хвалынскому,
Как и я-то разбивал ведь бусы-корабли,
Как и те-то корабли все не орленые.
А теперича, надежа православной царь,
Приношу тебе буйную головушку
И с буйной головой царство Сибирское!»
Речь возговорит надежа православной царь,
Как и грозной-то царь Иван Васильевич:
«Ой ты гой еси, Ермак сын Тимофеевич,
Ой ты гой еси, войсковой донской атаманушка!
Я прощаю тебя да и со войском твоим,
Я прощаю тебя да за твою службу,
За твою-то ли службу мне за верную,
И я жалую тебе, Ермак, славной тихой Дон!»

Текст взят из книги: «Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год, изданная А. Корниловичем». Спб., 1824, стр. 336—341.

Песня отражает желание казаков утвердить равноправное со всем народом положение. Изображая приподнесение царю казаками Сибири, она подчеркивает их большую роль в укреплении Русского государства.

УБИЕНИЕ ЦАРЕВИЧА ДМИТРИЯ. БОРИС ГОДУНОВ

Ох, было у нас, братцы, в старые годы, в давние
веки,

В давние веки, при старых при царях,

Было время злое, пагубное.

Уж настало то время злое при старом при царе
Фёдоре Ивановиче;

5. Как преставился-то наш православный царь Фёдор
Иванович,

Так досталась-то Россёюшка злодейским рукам,
Злодейским рукам, боярам-господам.

Появилась-то из бояр одна буйна голова,

Одна буйна голова, Борис Годунов сын¹;

10. Уж и этот Годун всех бояр — народ надул.

Уж и вздумал полоумный Россеюшкой управлять;

Завладел всею Русью, стал царствовать в Москве.

Уж достал он и царство смертью царя,

Смертью царя славного, святого Димитрия
царевича².

¹ Борис Федорович Годунов (1551—1605) — боярин, фактический правитель государства в царствование Федора Ивановича, царь в 1598—1605 гг.

² Царевич Дмитрий (1582—1591) — сын царя Ивана IV. После смерти отца (1584) вместе с матерью Марией Нагой и ее родственниками был выслан боярским советом из Москвы в Углич под специальный надзор, из опасения политических интриг со стороны Нагих в пользу малолетнего царевича. 15 мая 1591 г. Дмитрий погиб в Угличе. Действительные причины его смерти до сих пор не выяснены. Имя царевича Дмитрия было использовано в начале XVII в. агрессивными магнатами Речи Посполитой для организации интервенции в Русское государство.

Убил же его Гришка Расстриженный¹,
Убимши его — сам на царство сел,
И не скóлько царил — только семь годов.

Текст взят из книги: «Русская старина». Т. 9, кн. 1, Спб., 1874, стр. 200; записан 19 июля 1872 г. в Саратовской губернии в г. Хвалынске от крестьянина Чернощекова, сообщен П. В. Шейном.

Песня объясняет гибель царевича Дмитрия создавшейся в Русском государстве социальной обстановкой («вселилось в народе лукавство великое»). Первая строка песни, по всей вероятности, говорит о 7106 годе (1598 г. по новому летосчислению), т. е. о дате смерти Федора Ивановича и коронации на престол Бориса Годунова, имя которого первоначально стояло вместо Гришки Расстриженного. Гришка Расстриженный был вставлен в песню впоследствии.

ПРО ДМИТРИЯ-ЦАРЕВИЧА

Убили, убили царевича в Угличе,
А мощи его явились в каменной Москве,
Во славном во соборе Архангельском².
Ах боже ты наш, боже!
За что на нас господь прогневался?
Сослал нам господь наместничка,
Что того ли вора Гришку Отрепьева.
Гришка Отрепьев незаправский царь —
Признавал, узнавал его пятисотный стрелец³...
Все добрые люди идут к заутрени,
А Гришка с Маришкой⁴ в баню идут.

¹ Так называют песни Лжедмитрия I (год рождения неизвестен — убит в 1606 г.); ставленник польско-шляхтских интервентов и Ватикана, авантюрист, выдававший себя за сына царя Ивана IV Дмитрия. Наиболее вероятно, что Лжедмитрий I был беглым монахом Григорием Отрепьевым.

² В царствование Василия Шуйского (1606—1610) тело Дмитрия было перенесено из Углича в Москву и захоронено в Архангельском соборе.

³ Стрельцы — род пехоты, созданный в Русском государстве около 1550 г. при проведении Иваном Грозным военной реформы.

⁴ Марина Мнишек (год рождения неизвестен — умерла в 1614 г.) — дочь сандомирского воеводы Ежи Мнишека, жена Лжедмитрия I.

Текст взят из публикации: П. В. Шейн. Русские народные песни. В сб. «Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете». Кн. 3. М., 1877, стр. 60; записан П. В. Шейном от крестьянина Цыплова в селе Усть-Урене, Карсунского уезда, Симбирской губернии.

В песне говорится, что причиной событий оказался божий гнев (а не социальная обстановка, как это было отмечено в предыдущем тексте). Иными словами, здесь отражено мнение отсталых слоев населения о возникновении событий так называемого «смутного» времени.

ПЛАЧ КСЕНИИ¹

Сплáчетца мала птичка,
бéлая пелепёлка:
«Ох-ти мнé, молоды́, горевáти!
Хотя́т сы́рой дуб зажига́ти,
моё гнёздышко разорíти,
мой ма́лыи дéти побíти,
меня́ пелепёлку поимáти».
Сплáчетца на́ Москве Царéвна:
«Ох-ти мнé, молоды́, горевáти,
что е́дет к Мо́ске измéнник,
ино Грíша Отрéпьев Рострíга,
что хóчет меня́ полонíти,
а полонíв меня, хóчет пострíтчи,
чернёческой чин наложíти!
Ино мне пострíтчи ся не хóчет,
чернёческого ч́ину не здержáти:
отворíти б́удет тёмна кéлья,
на дóбрых мóлотцов посмотрíти.
Ино, ох мíлыи на́ши перехóды!²
а кому́ б́удет по вáс да ходíти
после ца́рского на́шего жíтья
и пóсле Борíса Годуно́ва?
Ах, мíлыи на́ши терёмы!
а кому́ б́удет в вас да седéти
после ца́рского на́шего жíтия
и пóсле Борíса Годуно́ва?»

¹ Ксeнiя — дочь Бориса Годунова.

² Галереи, крытые сени по бокам дома.

Текст взят из книги: «Сборник Отделения русского языка и словесности АН». Т. 82, № 7. Спб., 1907; П. К. С и м о н и. Великорусские песни, записанные в 1619—20 гг. для Ричарда Джемса на Крайнем Севере Московского царства, стр. 5—7.

По всей вероятности, песня-плач возникла в 1605 г., в период с 13 апреля (день смерти Бориса Годунова) по 20 июня (день вступления в Москву Лжедмитрия I). Она передает моральное состояние родственников Годунова и тревогу определенных общественных кругов за судьбу государства перед скорым и неминуемым вступлением Лжедмитрия I в Москву.

А сплáчетца нá Москвѣ Царѣвна,
Борíсова дочь Годунóва:
«Ино Бóже, Спас милосѣрдой!
за чтó наше цáрьство загибло,
за бáтюшково ли согрешѣнье,
за мáтушкино ли немоленье?
Ах свѣты вы, нáши высóкие хорóмы!
комú вами бúдет владѣти
после нáшего цáрьсково жítья?
А свѣты, брáныи убрúсы! ¹
берѣза ли вáми крутítи? ²
А свѣты, зóлоты ширíнки! ³
лѣсы ли вáми дарítи?
А свѣты, яхонты-серѣшки!
на сúчье ли вас задевáти,—
пóсле цáрьсково нáшего житья,
пóсле бáтюшкова преставлѣнья
а свѣта Борíса Годунóва?
А что ѣдет к Мóскве Рострíга,
до хóчет тѣремы ломáти,
меня хóчет, Царѣвну, поимáти,
а на Устúжну на Желѣзную ⁴ отослáти,
меня хóчет, Царѣвну, пострítчи,

¹ Полотенца.

² Наряжать.

³ Платки, ручники, вышитые золотом.

⁴ Устúжна — город, в настоящее время центр Устюженского района Вологодской области, пристань на реке Молога (впадает в Рыбинское водохранилище). По памятникам XVII в. назывался Устюжна Железопольская. Этот населенный пункт и его поля были помещьем женщины царской семьи.

а в решётчатой сад засадити.
Ино ох-те мне горевати:
как мне в тёмну келью ступити,
у игуменьи¹ благословитца?»

Текст взят из книги: «Сборник Отделения русского языка и словесности АН». Т. 82, № 7, Спб., 1907; П. К. Симо ни. Великорусские песни, записанные в 1619—20 гг. для Ричарда Джемса на Крайнем Севере Московского царства, стр. 10—12.

Сюжет и идейное содержание текста те же, что и в предыдущем плаче-песни. Имея некоторые отклонения от предыдущего, данный текст показывает вариантность произведения и его устное происхождение. Отражая историческую эпоху в лирическом освещении, песня-плач довольно рельефно воссоздает действительность.

23

ГРИШКА РАССТРИГА

Ты боже, боже, Спас милостивой!
К чему рано над нами прогневался,
Сослав нам, боже, прелестника²,
Злого расстригу Гришку Отрепьева;
Уже ли он, расстрига, на царство сел?
Называется расстрига прямым царем,
Царем Димитрием Ивановичем Углецким.
Недолго расстрига на царстве сидел,
Похотел расстрига жениться:
Не у себя-то он в каменной Москве,
Брал он, расстрига, в проклятой Литве,
У Юрья пана Седомирского
Дочь Маринку Юрьеву,
Злу еретницу, безбожницу.
На вешней праздник, Николин день,
В четверг у расстриги свадьба была,
А в пятницу праздник, Николин день.
Князи и бояра пошли к заутрени,
А Гришка расстрига он в баню с женой;

¹ Игуменья — в православной церкви настоятельница монастыря.

² Прелестный — прельщающий, оболститель; коварный, хитрый, лукавый.

На Гришке рубашка кисейная,
На Маринке соян¹ хрущатой камки².
А час другой поизойдучи,
Уже князи и бояра от заутрени,
А Гришка расстрига из бани с женой.
Выходит расстрига на Красной крылец,
Кричит, ревет зычным голосом:
«Гой еси, ключники мои, приспешники!
Приспевайте³ кушанье разное,
А и постное и скромное;
Завтра будет ко мне гость дорогой,
Юрья пан с паньєю!»
А втапоры стрельцы догадалися,
За то-то слово спохватилися,
В Боголюбов монастырь металися⁴
К царице Марфе Матвеевне:
«Царица ты, Марфа Матвеевна!⁵
Твое ли это чадо на царстве сидит,
Царевич Димитрий Иванович?»
А втапоры царица Марфа Матвеевна заплакала,
И таковы речи во слезах говорила:
«А глупы, стрельцы, вы, не догадливы!
Какое мое чадо на царстве сидит?
На царстве у вас сидит
Расстрига Гришка Отрепьев сын;
Потерян мой сын, царевич Димитрий Иванович
На Угличе от тех от бояр Годуновых;
Его мощи лежат в каменной Москве
У чудных Софеи премудрая,
У того ли-то Ивана Великого,
Завсегда звонят во царь-колокол,
Соборны попы собираются,
За всякие праздники совершают панафиды
За память царевича Димитрия Ивановича,
А Годуновых бояр проклинают завсегда».
Тут стрельцы догадалися,

¹ Сарафан.

² Камка — дорогая шелковая материя с разводами.

³ Приспевать — готовить.

⁴ Монастырь в 10 километрах от города Владимира при впадении р. Нерли в Клязьму.

⁵ Мария Федоровна Нагая, последняя жена Ивана Грозного, в пострижении Марфа.

Все они собиралися,
Ко Красному царскому крылечку металися,
И тут в Москве збунтовалися.
Гришка расстрига догадается,
Сам в верхни чердаки убирается
И накрепко запирается;
А злая его жена, Маринка безбожница,
Сорокою обвернулася
И из палат вон она вылетела.
А Гришка расстрига втапору догадлив был,
Бросался он со тех чердаков на копья острые
Ко тем стрельцам, удалым молодцам.
И тут ему такова смерть случилась.

Текст взят из книги: «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». М., 1938, № 12.

Лжедмитрий I короновался 29 июля 1605 г. и женился на Марине Мнишек 8 мая 1606 г. (в канун Николина дня — 9 мая). Строка в песне: пошел «Гришка-расстрига он в баню с женой» — указание на совершение части брачного обряда в канун Николина дня, считавшегося великим христианским праздником, когда подобные обряды запрещались.

Заговор против Григория Отрепьева был возглавлен Василием Шуйским. Ранним утром 17 мая 1606 г. бояре и народ ворвались во дворец. Дмитрий Самозванец пытался бежать через окно, но сорвался и упал с 15-саженной высоты. При падении он сломал себе ногу и разбил грудь. После опроса царицы Марфы, отказавшейся от него, он был убит. Бояре спасли Марину Мнишек. Песня на основе распространенных впоследствии официальных версий рассказывает о причине свержения Лжедмитрия I, своеобразно показывает конец его царствования и исчезновение Марины.

24

- Выпала порошица
На талую землю.
Ой, с Дону, с Дону!
По той по порошице
5. Ишел тут обозец,
Ой, с Дону, с Дону!
Не мал, не величек —
Да семеро саней.
Ой, с Дону, с Дону!
10. Да семеро саней,
По семеро в санях.

- Ой, с Дону, с Дону!
Во первых-то снях —
Атаманы сами;
15. Ой, с Дону, с Дону!
Во вторых-то снях —
Есаулы сами;
Ой, с Дону, с Дону!
А в четвертых снях —
20. Разбойники сами;
Ой, с Дону, с Дону!
А в пятых-то снях —
Мошенники сами;
Ой, с Дону, с Дону!
25. А в шестых-то снях —
Дёрники сами.
Ой, с Дону, с Дону!
А в седьмых-то снях —
30. Сам поп-ат Емеля,
Ой, с Дону, с Дону!
Сам поп-ат Емеля,
А крест на ремени,
Ой, с Дону, с Дону!
А крест на ремени,
35. В четыре сажени;
Ой, с Дону, с Дону!
Рукой благословляет,
Крестом наделяет;
Ой, с Дону, с Дону!
40. «Ох вы, дети, дети!
Полезайте в клетки,¹
Ой, с Дону, с Дону!
Головы рубите,
45. А душ не губите.
Ой, с Дону, с Дону!
Если Бог поможет,
Попа не забудьте;
Ой, с Дону, с Дону!
Если ж чорт обрушит,
Двора мово не зна(ва)йте!»
Ой, с Дону, с Дону!

¹ Клеть — кладовая при избе или в отдельной постройке.

Текст взят из книги. «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 7, М., 1868, стр. 20—21. О месте записи сказано: город Симбирск.

В песне представлена ситуация начала XVII в., когда выступления казаков против центрального (московского) правительства оказались под влиянием польско-католической агрессии. Сатирически изображенный поп благословляет своих сторонников на разбойные дела.

ПОП ЕМЕЛЯ

Ехали обозы
Да семеро сáней.
С Дону, с Дону на Дунай! ¹
Во первых сáнях
Разбойники сами;
Во вторых санях
Есаулы сами;
Во третьих во санях
Атаманы сами;
Во четвертых санях
Да Гришка с Маринкой.
Во пятых во санях
Один поп Емелько,
Крестом благословляет,
А сам восклицает:
«Ступайте вы, дети,
Во чужие клети!
Если бог поможет,
Попа не забудьте,
Если черт обрушит,
Попа не клепляйте!»

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 8, М., 1870, стр. 311. Здесь указано: «Взята из рукописного сборника, доставленного С. М. Любецким».

Тема является вариантом предыдущей. В ней упоминаются Гришка Отрепьев (Лжедмитрий I) и его жена Марина, выступающие на стороне казаков.

¹ Припев повторяется после каждого двух стихов.

МИХАЙЛО СКОПИН

Как бы во сто двадцать седьмом году,
 В седьмом году, в осьмой тысячи, ¹
 А и деялось, учинилося
 Кругом сильна царства Московского,
 Литва ² облегла со все четыре стороны;
 А и с нею сила, сорочина долгополая,
 А те черкесы пятигорские,
 Еще ли калмыки с татарами,
 Со татарами, со башкирцами,
 Еще чюкши с аlyюторами.
 Как были припасы многие,
 А и царские и княженецкие,
 Боярские и дворянские;
 А нельзя ни пройти, ни проехати,
 Ни конному, ни пешему,
 И ни соколом вон вылетети
 А из сильна царства Московского
 И великого государства Российского.
 А Скопин князь Михайла Васильевич ³
 Он правитель царству Московскому,
 Обережатель миру крещеному
 И всей нашей земли свето-русския,
 Что ясен сокол вон вылетывал,
 Как бы белой кречет вон выпархивал,
 Выезжал воевода московской, князь Скопин,
 Князь Михайла Васильевич,
 Он поход чинил ко Новгороду. ⁴
 Как и будет Скопин во Новеграде,
 Презжал он, Скопин, на съезжей двор, ⁵

¹ Дата названа по старому летосчислению, т. е. 7127 г. (1619). События же, описываемые в песне, начались в 1609 г.

² Наименование польских интервентов.

³ Михаил Васильевич Скопин-Шуйский (1587—1610) — племянник царя В. И. Шуйского, князь, выдающийся военачальник, боровшийся с польской интервенцией в начале XVII в.

⁴ Скопин был послан в Новгород для ведения переговоров со шведами об оказании ими военной помощи против интервентов.

⁵ Заезжий, постоянный двор.

Походил во избу во съезжую,
Садился Скопин на ременчат стул,
А и берет чернилицу золотую,
Как бы в ней перо лебединое,
И берет он бумагу белую,
Писал ерлыки скорописчаты ¹
Во Свицкую землю Саксонскую,
Ко любимому брату названому,
Ко свицкому королю Карлусу; ²
А от мудрости слово поставлено:
«А и гой еси, мой названой брат,
А ты свицкой король Карлус!
А и смилуйся, смилосердися,
Смилосердися, покажи милость,
А и дай мне силы на подмочь,
Наше сильно царство Московское
Литва облегла со все четыре стороны,
Приступила сорочина долгополая,
А и те черкесы пятигорские,
А и те калмыки со башкирцами,
А и те чюкши с аlyоторами;
И не можем мы с ними управиться:
Я закладываю три города русские» ³.
А с ерлыками послал скорого почтаря,
Своего любимого шурина,
А того Митрофана Фунтосова. ⁴
Как и будет почтарь в Половецкой орде ⁵
У честна короля, честного Карлуса,
Он въезжает прямо на королевской двор,
А ко свицкому королю Карлусу.
Среди двора королевского
Скочил почтарь со добра коня,
Вязал коня к дубову столбу,
Сумы подхватил, сам во палаты идет;

¹ Я р л ы к — письмо. Ярлык скорописчатый — письмо, выполненное скорописью, в отличие от медленной техники письма до XVII века.

² Карл IX (1550—1611) — шведский король в 1604—1611 гг.

³ Правительство Василия Шуйского вынуждено было уступить Швеции за оказанную ею помощь город Корелу с уездом и отказаться от каких-либо притязаний на Ливонию.

⁴ Шурином Скопина, посланным к Карлу IX, был С. В. Головин. В песне преломилось, вероятно, имя Якова Понтуса Делагарди, пришедшего с войсками от Карла IX.

⁵ Читай: Шведской земле.

Не за чем почтарь не замешкался;
Приходит во палату белокаменну,
Расковыривал сумы, вынимал ерлыки,
Он кладет королю на круглой стол.
Принимавши, король распечатывает,
Распечатал, сам просматривает,
И печальное слово повыговорил;
От мудрости слово поставлено:
От любимого брата названного,
Скопина князя Михайлы Васильевича,
Как просит силы на подмочь,
Закладывает три города русские.
А честной король, честны Карлусы
Показал ему милость великую,
Отправляет силы со трех земель: ¹
А и первые силы-то свицкия,
А другие силы саксонския,
А третие силы школьские —
Того ратного люду ученого,
А не много, не мало — сорок тысячей.
Прибыла сила во Новгород,
Из Новагорода в каменну Москву.
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина князя думушки прибыло.
А поутру, рано ранешенько
В соборе Скопин он заутреню отслужил,
Отслужил, сам в поход пошел,
Подымавши знаменье царское;
А на знаменье было написано
Чуден Спас с Пречистою,
На другой стороне было написано
Михайло и Гаврило архангелы,
Еще вся туто сила небесная.
В восточную сторону походом пошли,
Они вырубил чудь белоглазую,
И ту сорочину долгополую;
В полуденную сторону походом пошли,
Прекротили черкес пятигорских,
А немного дралися, скоро сами сдались,
Еще ноне тут Малороссия;

¹ В составе шведского войска были наемные солдаты ряда европейских стран.

А на северну сторону походом пошли,
Прирубили калмыков со башкирцами;
А на западну сторону и в ночь пошли,
Прирубили чюкши с аlyтoрaми.
А кому будет божья помочь,
Скопину князю Михайлу Васильевичу,
Он очистил царство Московское
И велико государство Российское.
На великих тех на радостях
Служили обедни с молебнами
И кругом города ходили в каменной Москвы;
Отслуживши обедни с молебнами,
И всю литургию великую,
На великих на радостях пир пошел,
А пир пошел и великой стол.
И Скопина князя Михайла Васильевича,
Про весь православной мир,
И велику славу до веку поют
Скопину князю Михайлу Васильевичу.
Как бы малое время замешкавши,
А во той же славной каменной Москвы,
У того ли было князя Воротынского,¹
Крестили младого князевича.²
А Скопин князь Михайла кумом был,³
А кума была дочи Малютина,
Того Малюты Скурлатова.⁴
У того-то князя Воротынского
Как будет и почестной стол,
Туто было много князей и бояр и званых гостей.
Будет пир во полупире,
Княженецкой стол во полустоле,
Как пьяниньки тут расхвастались,
Сильной хвастает силою,
Богатой хвастает богатеством;
Скопин князь Михайла Васильевич
А и не пил он зелена вина,
Только одно пиво пил и сладкой мед,

¹ Воротынский И. М. (умер в 1627 г.) — видный деятель «смутного» времени.

² Сына Воротынского И. М., Ивана.

³ Скопин был крестным отцом сына князя И. М. Воротынского.

⁴ Екатерина Григорьевна, жена Д. М. Шуйского, дочь Малюты Скуратова была крестной матерью сына Воротынского.

Не с большого хмелю он похваляется:
«А вы глупой народ, неразумные!
А все вы похваляетесь безделицей:
Я Скопин, Михайла Васильевич,
Могу, князь, похвалиться,
Что очистил царство Московское
И велико государство Российское;
Еще ли мне славу поют довеку,
От старого до малого,
От малого, до веку моего»¹.
А и тут боярам за беду стало,
В тот час они дело сделали:
Поддержнули зелья лютого,
Подсыпали в стакан в меды сладкие,
Подавали куме его крестовья,
Малютиной дочи Скурлатовой.
Она знавши, кума его крестовая,
Подносила стакан меду сладкого
Скопину князю Михайлу Васильевичу.
Примает Скопин, не отпирается,
Он выпил стакан меду сладкого,
А сам говорил таково слово:
«Услышал во утробе неловко добре!
А и ты съела меня, кума крестовая,
Малютина дочи Скурлатова;
А зазнаючи мне со зельем стакан подала,
Съела ты меня, змея подколодная!»
Голова с плеч покатила,
Он и тут, Скопин, скоро со пиру пошел,
Он сажился, Скопин, на добра коня,
Побежал к родимой матушке;
А только успел с нею проститься,
А матушка ему пенясть стала:
«Гой еси, мое чадо милое,
Скопин князь Михайла Васильевич!
Я тебе приказывала,
Не велела ездить ко князю Воротыпскому;
А и ты мене не послушался;
Лишила тебя свету белого
Кума твоя крестовая,
Малютина дочи Скурлатова».

¹ На всю мою жизнь.

Он к вечеру Скопин и представился.
То старина, то и деянье,
Как бы синему морю на утишенье,
А быстрым рекам слава до моря,
Как бы добрым людям на послушанье,
Молодым молодцам на перениманье,
Еще нам, веселым молодцам, на потешенье,
Сидючи в беседе смиренныя,
Испиваючи мед, зелено вино;
Где-ко пиво пьем, тут и честь воздаем
Тому боярину великому.
И хозяину своему ласкову.

Текст взят из книги: «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». М., 1938, № 29.

В песне описывается внутреннее и внешнее положение Русского государства в период с 1608 по апрель 1610 г. По свидетельствам современников, М. В. Скопин-Шуйский 23 апреля 1610 г. на крестинах у кн. И. М. Воротынского внезапно заболел и в ночь на 24 апреля скончался. В народе после этого утвердилось уверенность, что Скопина отравили Шуйские и Воротыньские, опасавшиеся возраставшей популярности М. В. Скопина-Шуйского как полководца. Песня рассказывает об этом близко к повести об отравлении Скопина-Шуйского (XVII век).

СМЕРТЬ МИХАЙЛЫ СКОПИНА

Поежает Скопін-от, да князь-от Михайло Ва-
сильевич,

Поежает Скопін-от за Москву-реку.

На наказывает Скопину-ту родна матушка,

Родна матушка ему, ему молода жона:

5. «Уж ты, душенька Михайло да ты Васильевич,

Уж ты тот ли князь да Скопін-от!

Ты не езди, Скопін, да за Москву-реку:

Там поставят тебя-то — ведь не на пир зовут,

Не на пир тебя зовут-то, не пировать с тобой,

10. Они тебя — держать всё хресьника

У того-то у князя у московського.

Ты одёржишь своего хошь восприемьника».

Говорит ёму родна-та да ево матушка:

55. Да злодейка-та зла, да дошь Малютинна.
 Уежаёт он скоро да к рѣдной матушки,
 К родной матушки, к своей-то он к молодой жонѣ;
 Ише тут-то заходит-то во полатушки
 Ко своей-то ко родимой да он ко матушки.
60. Он зашол-то сам слѣзно да уливайтце,
 Он всемирно во своих грехах всим он каелса,
 Ише тут-то з душѣ он скорѣ представилсѣ:
 Да згорело у ёго-то тут ретивѣ серыцо.

Текст взят из книги: «Беломорские былины, записанные А. Марковым». М., 1901, № 39; записан А. В. Марковым в 1899 г. в Нижней Зимней Золотице, Архангельской губернии от А.М. Крюковой.

В отличие от предыдущей в данной песне зависть бояр к Скопину объясняется тем, что московский князь на пиру посадил его на самое почетное место, около себя. Это, якобы, и послужило причиной отравления Скопина.

Ино ¹ что у нас в Москве учинилось:
 с полуночи у нас в колокол звонили?
 А расплачютца гости Москвичи: ²
 «А тепере наши головы загибли,
 что не стало у нас воеводы,
 Васильевича князя Михайла!»
 А съезжались князи-бояря супротиво к ним,
 Мьстисловской князь ³, Воротынской ⁴,
 и межю собою они слово говорили;
 а говорили слово, усмехнулись:
 «Высоко сокол поднялся
 и о сыру матеру землю ушибся!»
 А расплачютца Свецкие Немцы ⁵:

¹ Вставное, незначащее слово, привычное для певца.

² Торговцы местные и заезжие, торговавшие в Москве.

³ Возможно, имеется в виду Ф. И. Мстиславский, после свержения В. Шуйского стоявший во главе боярского правительства («семибоярщины»).

⁴ И. М. Воротынский, после свержения В. Шуйского входивший в боярское правительство («семибоярщину»).

⁵ Шведы, присланные Карлом IX по просьбе Скопина (свейские, шведские немцы. В то время всех иностранцев, не говоривших по-русски, называли немцами, от слова «немой»).

«Что не стало у нас воеводы,
Васильевича князя Михайла!»
Побежали Немцы в Нбв-горбд,¹
и в Нове-городё заперлись,
и мно́гой мир-наро́д погубили,
и в Латы́нскую зе́млю превра́тили².

Текст взят из книги: «Сборник Отделения русского языка и словесности АН». Т. 82, № 7. Спб., 1907; П. К. Симо́нн. Велико́русские песни, записанные в 1619—20 гг. для Ричарда Джемса на Крайнем Севере Московского царства, стр. 2—3.

Песня возникла в среде сторонников Скопина в связи с его гибелью. Она показывает, что в устраниии Скопина была заинтересована княжеско-боярская верхушка. Союзники Скопина — шведы сначала были огорчены его гибелью, но потом поняли, что для них сложилась выгодная ситуация, и оккупировали Новгород. Шведы грабили и разоряли русское население новгородских земель, пока не была прекращена в 1617 г. польско-шведская интервенция.

ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ

Как не из-за лесов-то дремучих стая воронов слеталася,
Соходился весь Московский народ на площадь
Красную,
На тою ли площадь Красную, на Ивановскую.

Уж на той ли на высокой колокольне

5. В большой колокол звонили.

Ох, и братцы, что-то у нас делается,

Уж не чудо ли какое совершается?

Во дворце что-то все взволновались,

Все лакеи, все прислужнички всуетились!

10. Уж не бояре ли взбунтовались,

Уж не злые ли собаки повзбесились,

Уж и жив ли наш православный царь,

Православный царь Василий Иванович?

Уж и что, братцы, во дворце его не видно,

¹ Последнее четверостишие было добавлено, видимо, впоследствии, когда шведы, изменив русским, взяли Новгород (16 июля 1611 г.).

² Отторгли к западным страчам.

15. Что косящеты окошечки все завешаны?
Как и взгóворит в народе удалой молодец:
«Ох, вы братцы, вы не знаете беды — горести,
Что царя нашего Василья злы бояре погубили,
Злы собаки погубили, во Сибирь¹ его послали;
20. А уж сделали царем какова басурмана,
Что Петрушку самозванца злого боярина!»²
Уж все люди перьпугались,
В разны стороны побросались.

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 7, М., 1868, стр. 17; записан в с. Зимёнки, Зарайского уезда, Рязанской губернии.

В песне отражен момент свержения боярами царя Василия Шуйского (17 июля 1610 г.).

30

КОЗЬМА МИНИН И КНЯЗЬ ПОЖАРСКИЙ.
ОСВОБОЖДЕНЬЕ МОСКВЫ.
ИЗБРАНИЕ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА

- Как в старом-то было городе,
Во славном и богатом Нижнем,
Как уж жил тут поживал богатый мещанин,
Богатый мещанин Кузьма Сухорукий сын.
5. Он собрал-то себе войско из уда́лых молодцов,
Из уда́лых молодцов Нижегородских купцов;
Собравши их, он речь им взгóворил:
«Ох, вы гой еси товарищи, Нижегородские купцы!
Оставляйте вы свои дома,
10. Покидайте ваших жён, детей,
Вы продайте все ваше злато-серебрó,
Накупите себе вострых копиёв,
Вострых копиёв, булатных ножей,
Выбирайте себе из князей и бояр удалóва молодца,
15. Удалова молодца воеводушку;
Пойдем-ко мы сражатися

¹ В. И. Шуйский был увезен в Польшу в качестве пленника.

² После В. И. Шуйского в Москве пришла к власти «семибоярщина», просуществовавшая немногим более месяца.

За матушку за родну землю,
За родну землю, за славный город Москву:
Уж заповолонили-то Москву проклятые народы
поляки злы!

20. Разобьем их, много перевешаем.
Самого-то Сузмунда¹ короля их в полон возьмём;
Освободим мы матушку Москву от нечестивых
жидов,
Нечестивых жидов, поляков злых!»
Уж как выбрали себе солдатушки, молодые
ратнички,
25. Молодые ратнички Нижегородские купцы,
Выбрали себе удалова молодца,
Удалова молодца воеводушку,
Из славного княжеского роду —
Князя Димитрия по прозванию Пожарского.
30. Уж повел их славный князь Пожарский
За славный Москву-город сражаться,
С нечестивыми жидами-поляками войной браниться.
Уж привел-то славный князь Пожарский своих
храбрых воинов,
Привел ко московским стенам;
35. Становил-то славный князь Пожарский своих
добрых воинов
У московских у крепких стен;
Выходил-то славный князь Пожарский перед войско
свое,
Как уж взговорил он своим храбым воинам:
«Ох, вы гой еси храбрые солдатушки,
40. Храбрые солдатушки, Нижегородские купцы!
Помблится мы на святые на врата на Спаския,
На пречистый образ спасителя!»
Помолившись, дело начали.
Как разбили-проломилы святые врата,
45. Уж взошли-то храбрые солдатушки в белокаменный
Кремль,
Как и начали солдатушки поляков колоть, рубить,
Колоть, рубить, в большия кучи валить;

¹ Сигизмунд III Ваза (1566—1632) — польский король в 1587—1632 гг. и шведский король в 1592—1604 гг. (фактически до 1599 гг.). При Сигизмунде III экспансия польских феодалов на восток достигла своего наибольшего развития и в 1604—1618 гг. приняла характер интервенции в Русское государство.

- Самогó-то Сузмунда в полон взяли,
В полон взяли, руки-ноги ему вязали,
50. Руки-ноги вязали, буйну голову рубили.
Собралися все князья, бояре московские,
Собралися думу думати.
Как и взгóворют старшие бояре, воеводы
московские:
«Вы скажите, вы бояре, кому царём у нас быть?»
55. Как и взгóворют бояре, воеводы московские:
«Выбираем мы себе в цари
Из бояр боярина славного —
Князя Дмитрия Пожарского сына».
Как и взгóворит к боярам Пожарский князь:
60. «Ох, вы гой еси бояре, воеводы московские!
Не достоин я такой почести от вас,
Не могу принять я от вас царства Московского.
Уж скажу же вам, бояре, воеводы московские:
Уж мы выберем себе в православные цари
Из славного, из богатого дому Романова —
Михаила сына Фёдоровича».
И выбрали себе бояре в цари Михаила сына
Фёдоровича.

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 7, М., 1868, стр. 21—23; записан от 70-летней жительницы села Слобода, Боровского уезда, Калужской губернии.

Песня отражает патриотический подвиг нижегородского земского старосты Козьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского, организаторов народного ополчения в борьбе с польскими и шведскими захватчиками. В 1610 году Сигизмунд по просьбе «семибоярщины», стремившейся посадить на русский престол польского королевича, ввел свои войска в Москву и занял Кремль. Герои песни возглавляют так называемое «второе ополчение», которое 26 октября 1612 г. приступом берет Кремль, а затем окончательно изгоняет интервентов из Русской земли.

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСЕН ПОСЛЕ 20-Х ГОДОВ XVII — В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

31

ЗЕМСКИЙ СОБОР ¹

- Посредё ль было Московского царства,
Среди было Российска государства,
Как у света у Архангелы Михайлы,
У Ивана у Великого в соборе,
5. Зазвонили во большой во колокол,
Всех князей бояр к обедне созывали,
Там служили святой молебен.
Выходил наша надежа государь царь,
Алексей сударь Михайлович московской,
10. Становился государь на ровно место,
На все стороны он поклонился,
Что ни золота труба да вострубила,
Не серебряная полочка звенела,
Зговорил наша надежа государь царь
15. Алексей сударь Михайлович московский:
«Ай же вы мои князья бояра!
Пособите государю думу думать,
Дума думать государю не продумать:
А отдать ли мне-то город Смоленец?» ²
20. Из того ли из боярского из круга
Еще первын боярин выступает,

¹ Центральное сословно-представительное учреждение в Русском государстве XVI—XVII вв., отражавшее интересы феодалов.

² Смоленск.

- Тимофей сударь Иванович Казанской,¹
Поблизешеньку к царю он становился,
Понизешеньку царю он поклонился.
25. «Ах ты, свет нашá надежа государь царь
Алексей сударь Михайлович московский!
Благослови-тко, государь, мне слово молвить,
Не возьми-тко мое слово во досаду,
Не вели-тко скоро за́ слово казнити.
30. А отдай-ко ты город Смоленец,
А Смоленец-то город не крепок,
Во Смоленце золотой казны немножко,
Не московскоё строеньицо, литовско».
- Государь-то ведь тем речам не принялся,
35. Алексей сударь Михайлович московский.
Из того ли из боярского из круга
Еще другии боярин выступает,
А Илья сударь Иванович Хованской².
Поблизешеньку к царю он становился,
40. Понизешеньку царю он поклонился:
«Ах ты, свет нашá надежа государь царь
Алексей сударь Михайлович московский!
Благослови-тко, государь, мне слово вымолвить,
Не возьми-тко мое слово во досаду,
45. Не вели-тко скоро за слово казнити.
Ты отдай-ко ведь город Смоленец,
А Смоленец-то город не крепок,
Во Смоленце золотой казни немножко,
Не московскоё строеньицо, литовско».
50. Государь-то ведь тем речам не принялся,
Алексей сударь Михайлович московский.
Из того ли из боярского из круга
Еще третии боярин выступает,
А Иван сударь Иваныч Милославской.³
55. Приблизешеньку к царю он становился,
Понизешеньку царю он поклонился:

¹ Среди тех, кто готов отдать Смоленск, в вариантах называются также князь астраханский, князь бухарский и др.

² Князь Иван Андреевич Хованский во время войны с Польшей был воеводой (1658—1667), потерпел ряд поражений, впоследствии участвовал в стрелецком восстании и был казнен.

³ Возможно, здесь отразилось воспоминание о том, что стольники Милославские договорились о передаче Смоленска, захваченного ранее поляками, русским в 1654 г. В эти же годы воеводой был Илья Милославский.

- «Ах ты, свет наша надежа государь царь
Алексей сударь Михайлович московский!
Не отдай-ко ты ведь города Смоленца,
60. А Смоленец-то ведь город очень крепок,
В Смоленце золотой казны бесчётно,
Не литовское строеньице, московско».
Тут проговорит свет наша надежа государь царь
Алексей сударь Михайлович московский:
65. «Ай же ты храбрый воин
Иван сударь Иваныч Милославской!
А ты знаешь ведь с царем и говорити,
Поезжай туда во полки воеводой!»
А как тех бояр велел да царь казнити.

Текст взят из книги: «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года». Т. 2, изд. 4. М. — Л., 1950, стр. 584—586, № 161; записан в Чолмужах, 20 июля от крестьянина И. А. Касьянова.

В песне говорится о Земском соборе, созывавшемся перед войной с Польшей (1654—1667) из-за Украины. В результате этой войны из-под польско-литовского владычества были освобождены восточная Белоруссия и Подвинье, а вместе с тем и город Смоленск (1657 г.), захваченный Речью Посполитой во время событий начала XVII в.

УБИТ КАРАМЫШЕВ

- Уж не травушка в чистом поле зашаталась,
Не муравая¹ ко сырой земле приклонялась,
Подымается с Москвы большой боярин,
Он на Тихой Дон на Иванович гуляти.
5. Не доехавши он Тиха Дону становился:
Похвалялся он козаков всех там перевешать.
Во единой круг козаки тотчас собирались,
Посеред круга становился царев боярин:
Он начал читать государевы для них указы.
10. Дочитался он до царского только титула,
Козаки тот час все шапки тут снимали,
А большая-т царев боярин шляпы не снял;
От тово-то все козаки тотчас взволновались,
Разъярившись они на боярина вдруг бросались,

¹ Муравая — зеленая.

15. Буйну голову от бела тела отрубили,
А бело тело во Тихой оне Дон бросали;
А убивши, они ево телу говорили:
«Почитай ты, большой боярин, государя,
Не гордися ты перед ним, боярин, и не славься!»
20. Ко царю они с новиною приходили:
«Ты гой еси, наш батюшка, православной царь!
Ты суди, государь, нас праведной расправой,
Повели над нами делать, что изволишь,
Уж ты волен над нашими головами».

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 7, М., 1868, стр. 129—130, где указано, что он перепечатан из «Старшего песенника Трутовского», ч. 2.

Песня создана как оправдание казаков перед царем Михаилом Федоровичем в убийстве ими И. К. Карамышева (1630 г.), привезшего на Дон царскую опальную грамоту, в которой говорилось об отлучении всего донского казачества от церкви за нарушение русско-турецкой границы и покушения на Азов. Московское правительство расправу с Карамышевым было вынуждено оставить без последствий.

33

ВЗЯТИЕ АЗОВА КАЗАКАМИ

Речь возговорит казацкий атаманушка:
«Гой, вы, братцы, вы, братцы, вы, донские казаки!
Вы справляйте, братцы, полтораста возков,
Положите вы в каждый по семи казаков,
По восьмом мы положим атаманушке,
По девятом мы положим кашеварушке,
По десятом мы посадим погонщику,
Вы езжайте, братцы, под Азов¹-город!»
Помолились казаки, в путь отправились,
А в Азове-то турецкий паша погуливает,
Он у первого погонщика спрашивает:
«Как и что у вас за товар в возах?»
Речь возговорит млад донской казак:

¹ Азов — старинная русская крепость, построенная в устье Дона, в XV в. была захвачена турками и потом укреплена ими с целью не выпускать казаков в Азовское и Черное моря.

«Что у нас в возах дорогой товар:
Есть куницы, есть лисицы, бобры, соболи!»
Речь возговорил турецкий паша Мурза:
«Вы платите нам за все пошлину!»
На ответ ему сказал донской казак:
«Подождите плату вы до завтра, —
Мы заплотим вам за весь товар
И все пошлины заплотим во сто раз!»
Как не черный ворон закричал в полночь,
Закричал, загичал наш казацкий атаман:
«Уставайте, казаки, вы оправляйтесь,
За ружьица, за сабельки вы принимайтесь,
Басурманская орда теперь вся спать легла,
Вы их бейте, рубите, в полон не берите!»
Как и тут наши казаки придобычились.
Они отъехали немного, обеспечились
И тем самым себе худо сделали:
Не поставили караула, сами спать легли —
Враг побил, порубил тех донских казаков,
Всех донских казаков, всех охотничков!

Текст взят из книги: «Донские казацкие песни». Собрал и издал А. Пивоваров. Новочеркасск, 1885, № 28.

Со времени своего возникновения казаки совершали набеги на Азов, несколько раз его освобождали от турецкого гарнизона, но под натиском более многочисленной и организованной турецкой армии оставляли город. Казаки жаловались в своих челобитных в Москву, что у них «морской ход отнят и сидят они взаперти».

В песне использован сюжет о взятии Азова хитростью. Последние строки намекают на более раннее, чем взятие Азова, событие: около 1590 г. казаки возвращались с добычей из-под Азова и, по обыкновению, не дойдя до Черкаска (позднее Новочеркасск, областной город земли Войска Донского), остановились «дуван дуванить», т. е. делить добычу, после чего без караула легли спать. Турки перерезали их почти всех (*из примеч. собирателя*).

ОТРАЖЕНИЕ ДОНЦАМИ ПРИСТУПА ТУРЕЦКО-ТАТАРСКОГО ВОЙСКА НА АЗОВ

Как во славном было городе в Аникееве;
Собиралось там собраньице, собрание не малое,
Там не малое собраньице — только орда крымская,

- У нас-то было, братцы, на тихом Дону,
 На тихом Дону, во Черкасском городе,
 Породился удалой доброй молодец,
 По имени Степан Разин Тимофеевич.
5. Во казачей круг¹ Степанушка не хаживал,
 Он с нами, козаками, думу не думывал;
 Ходил-гулял Степанушка во царев кабак,
 Он думал крепку думушку с голудьбою:²
 «Судари мои, братцы, голь кабацкая!
10. Поедем мы, братцы, на сине море гулять,
 Разобьемте, братцы, бесурмански корабли,
 Возьмем мы, братцы, казны сколько надобно,
 Поедмте, братцы, в каменну Москву,
 Покупим мы, братцы, платье цветное,
15. Покупивши цветно платье, да на низ поплывем».

Текст взят из книги: «Сочинения М. Д. Чулкова. Собрание разных песен». Спб., 1913, ч. 1, стр. 179—180, № 137; был переведен на французский язык А. С. Пушкиным.

Песня рассказывает о формировании разинского движения.

РАЗИН ОБЪЕДИНЯЕТ ГОЛЫТЬБУ

1. У нас, братцы, было на Дону
 Во Черкасском городе
2. Народился молодец —
 Стенька Разин удалец.
3. Во казачий круг Степанушка
 Не хаживал,
4. Он с большими господами
 Дум не думывал.

¹ Казачье общинное самоуправление возглавлялось в то время прослойкой зажиточных казаков.

² Г о л ы д ь б а — бедняцкие массы казачества.

5. Ой, ходил, гулял Степанушка
В царёв кабак,
6. Думы думал атаманушка
С голытьбою:
7. «Ой, вы, ребяташки, вы, братцы,
Голь несчастная!
8. Вы поедемтя, ребята,
Во синё море гулять,
9. Корабли-бусы с товарами
На море разбивать,
10. А купцов да богатеев
В синем море потоплять».

Текст взят из книги: А. Листопадов. Донские песни. Т. 1, ч. 2, М., 1949, № 83; записан в станице Старочеркасской в 1936, 1937 гг.

В песне говорится о первоначальном этапе (1667—1669 гг.) разинского движения .

37

СТОЯНКА РАЗИНА

- Тихохонько сине море становилося,
Ничем наше Каспийское не шевельнулося,
Что осенним ледочком покрывалося:
Замерз-то наш воровской стружок.¹
5. Что на том ли на стружке атаман сидит,
Что по имени Степан Тимофеевич,
По прозванью Стенька Разин сын.
Он речь говорит, братцы, как в трубу трубит:
«Ах вы гой еси, удалы-добры молодцы!
 10. Вы берите еловчатая веселочки,
Вы бейте-пробивайте тонкой осенней лед:
Ах, как бы нам добиться до тихих мест,
Что до той ли до проточкинки Червонныя,
Что до славного до острова Кавалерского!

¹ Стружок — струг, лодка. Зимой 1668—1669 гг. разинцы провели на Каспийском море, у персидских берегов. Пробиваться к устью Волги, преодолевая большие лишения и нападения персов, им пришлось весной и летом 1669 г.

15. Ах, там ли вам, братцы, дуван ¹ делить,
Нам отласу и бархату по размеру всем,
Золотой парчи по достоинствам,
Жемчугу по молодечествам,
А золотой казны сколько надобно».

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 7. М., 1868, стр. 140—141.

На первом этапе движения под руководством Разина казаки делали набеги на Персию (1667—1669 гг.), останавливаясь по пути на островах Каспийского моря. Об одном таком случае и рассказывает данная песня.

РАЗИН НА МОРЕ

1. Ай, ну, как по морю, по морю, морю синему
По тому было по морю по Верейскому, ²
Там плывут жа, всплывают всё, на триста носов,
2. Как, на триста носов да, на пятьсот кораблём.
Как один-то с них кораблик поперёд резко бежит,
3. Поперёд он возбегаёт, что ясмён сокол летит.
Как и нос-то сы кормою — по-звяриному,
4. А бока-то сведёные по-змяиному,
Ну, как голову вон держит по-кониному.
5. Как на место-то ушей в него навешано
Что по чёрному по соболу сибирскому;
6. Как на место-то бровей в судёнцы врезано,
Что по чёрной по куницы по пещеровской;
7. Как на место очей-то в судне вклеено,
Что по жёлтому по камушку по яхонту.
8. Хорошо была судёнца изукрашенная,
Она разными красками измулёванная.
9. На судне была беседашка построеная,
Ну, построена беседа купарисовая. ³

¹ Добыча. Казаки вернулись из персидского похода с богатой добычей.

² Следует читать: Хвалынскому. В песнях часто встречается близкое родство представлений о Синем море Хвалынском (Каспийском) и Синем же Варяжском, Верейском (Балтийском).

³ Кипарисовая.

10. Во беседе стоят столики дубовые,
На них скатерти разостланы шелковые,
11. Ну, того ли они шелку самошинского.¹
На столах стояли пойла, пойла пьяные,
12. Пойла пьяные стояли, мяды сладкие,
Ну, закусочка лежала всё сахарная,
13. Ну, сахарная закуска, гуси-лебеди.
За столами-то сидели, на, двенадцать молодцов,
14. На, двенадцать молодцов-то, всё донских казаков.
У них волос-то был в волос, как один-то колос.
15. Ну, лицо была в лицо-то, как ядиная лицо.
На них платтица пошита одного была сукна,
16. Одного сукна пошита, одного мастера.
Как один-то был молодчик он почище всех,
17. Он почище да покраше, да повежливей.
По судёницу молодчик всё похаживает,
18. Во звончатые он во гусельки поигрывает, —
Вспоминает он батюшку славный Тихой Дон.

Текст взят из книги: А. Листопадов. Донские песни. Т. 1, ч. 2. М., 1949, № 85; записан в станице Нижне-Курмоярской в 1902 г.

Описанный в песне корабль во многом соответствовал действительному кораблю Степана Разина. В песне выражена мечта восставших о свободной жизни.

СТЕНЬКА РАЗИН. ПЕРЕХОД НА ВОЛГУ

- Как далеченько-далеченько во чистом поле,
Да еще как подалей на синем море,
Как на синем море было на Хвалынском,
Что на славном было острове на Персидском,
5. Собирались музуры,² добры молодцы.
Они думушку гадали все великую,
Думу крепкую гадали за единую:
«Вот кому из нас, ребятушки, атаманом быть,
Да кому из нас, ребятушки, есаулом слыть?»

¹ Самошинского — шемахинского (*прим. собир.*).

² Музуры, музурушки, мазуры, т. е. бедняки; нищие, бродяги.

10. Атаманом быть Степану Тимофеевичу,
Есаулом быть Василью Никитичу».
Атаман речь возговорит, как в трубу трубит,
Есаул-то речь возговорит, как в свирель играт:
«Не пора ли нам, ребята, со синя моря,
15. Что на матушку на Волгу на быстру реку?»

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 7. М., 1868, стр. 138—139.

В период походов на Персию не раз приходилось казакам отсиживаться на островах Каспийского (Хвалынского) моря. Об этом времени и рассказывает песня. Одновременно песня показывает, что у казаков зарождается мысль перенести свои действия на Волгу.

40

На матке Волге
Не белым забелелось,
Не черным зачернелось:
Зачернелись на Волге,
Зачернелись на матке
Черногорские стружечки;
Забелелись на Волге,
Забелелись на матке
Полотняны парусочки.
На стружечках сидят ребята,
Удальцы добры молодцы;
Атаманом у них Стенька,
По прозванью Степан Разин.
Возговорит Стенька,
По прозванью Степан Разин:
«Ох! вы гой еси ребята,
Удальцы, добры молодцы!
Работайте, не робейте,
Белых ручек не жалеите.
Во полночь бы нам, ребята,
Астрахань-город проехать;
Никто бы нас не (у)видел,
Да никто бы нас не услышал.
Один-то нас увидел
Астраханский губернатор,
У заутрени стоя

У Николы-чудотворца,
Из окошечка глядя».

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским.»
Вып. 7. М., 1868, стр. 33—34.

Движение Разина, перекинувшись на Волгу, укрепляется, однако разницы, как рассказывает песня, чувствуют себя еще неуверенно.

41

Как у нас было на Волге: не черным-то зачернелось,
Не черным-то зачернелось, не белым-то забелелось,
Не белым-то забелелось, не красным-то покраснелось,
Не красным-то покраснелось. Зачернелось на Волге,
Зачернелось на Волге Стеньки Разина собрание,
Забелелись на Волге Стеньки вольны парусочки,
Закраснелись на Волге Стеньки вольного стружочки.
Что не гром на Волгу грянул, Стенька Разин слово
молвил,

Стенька Разин слово молвил: вы ребята не робейте,
Вы гребите, не робейте, своей силы не жалеете.
Астрахань город пройдем в полуночи,
А Черный (Казань) город на белой зорьке.
Увидали, усмотрели астрахански часовые,
Астрахански часовые со своей высокой башни,
Со своей высокой башни, воеводе доложили.
Астраханский воевода велел в колокол звонити,
Велел в колокол звонити да из пушечек палити.
Что возговорит Стенька Разин: «Ой ты гой еси
воевода,

Пушкарей ты не турбачь-же, свою пороху не трать-же,
Меня пушечка не возьмет, меня ядрышко не убьет».

Текст взят из книги: «Крестьянские песни, записанные в с. Николаевке Мензальского у., Уфимской губ. Н. Пальчиковым». Изд. 2-е. М., 1896, стр. 103, № 41.

Песня создана в эпоху успешных походов восставших под руководством Степана Разина. Вера в чудесную силу и неуязвимость Разина отразилась даже в официальных бумагах той поры. Так, в донесении симбирского воеводы Ивана Дашкова от 29 июля 1667 г. сообщалось: «... того атамана и ясаула пищаль, ни сабля — ништо не возьмет, и все-де войско они берегут». (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов. Т. 1, М., 1954, стр. 137).

СБОРЫ РАЗИНА В АСТРАХАНЬ

- Как по матушке по Волге легка лодочка плывет,
 Как во лодочке гребцов ровно тридцать молодцов,
 Посередь лодки сидит Стенька Разин сам.
 Как возговорит он, Стенька, ко товарищам своим:
5. «Уж и что-й-то это, братцы, мне тошным тошнó,
 Мне сегодняшний денечек грустнехонько?
 Как и знать-то мой сынок во неволюшку попал!
 Уж я в Астрахань зайду, — выжгу-вырублю,
 Астраханскаго воеводу я под суд возьму».

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 7. М., 1868, стр. 144. Примечание издателя: «Стих двойного склада: может быть делим и на две половины, впрочем, вторая половина несколько меньше и отделяется как припев. Этот склад — самый употребительный в былинах о Разине».

Песня передает уверенность Разина в окончательной победе над угнетателями.

43

Во славном было во городе во Астрахани,
 Появился тут детинушка, незнаем человек,
 Незнаем, незнакомый из новых городов.
 Он по городу детинушка погуливает,
 Плисовый кафтан на распашечку таскает,
 Синий шелковый кушак на правом на плече.
 Серая шляпа пуховая на буйной голове,
 Он по городу детинушка погуливает,
 Он военным услужителям челом парень не бьет,
 А гражданским обывателям не кланяется,
 Астраханскому губернатору¹ под суд нейдет,
 Под суд нейдет, головы не гнет.
 Услыхал наш губернатор про удалого молодца:
 «Уж вы слуги, слуги верные мои,
 Вы подите, приведите удалого молодца».
 Как схватили молодца среди Волги-реки,

¹ Позднейшая замена слова «воевода».

Среди Волги-реки на царевом кабаке.
Еще начал губернатор его строго спрашивать:
«Ты откуль, скажи, детинушка, незнаем человек,
Ты казанец, аль рязанец, или астраханец,
Ты из-за моря купец иль купеческий сынок?» —
«А не тебе ли, губернатор, строго спрашивать,
Да не мне ли, добру молодцу, ответ держать,
Я со матушки со Волги, со Камы реки,
Атаман Стеньки Разина сын;
Хотел-то мой батюшка сюды в гости побывать,
Не уметь тебе встретить, уметь подбивати,
Уметь подбивати, низко кланяться».
Что за эти слова да посадили молодца
Не далече, далече в белокаменну тюрьму.
Что по матушке по Волге, по Камы-реки
Легка шлюпочка скорешенько плывет,
Что во этой легкой шлюпке Сенька Разин атаман:
«Вы подайте-ка, ребятушки, с правой руки воды,
Как во славном во городе во Астрахани
Мое дитятко посажено сидит;
Погребайте-ка, ребятушки, по Волге-реке,
Я гражданскому губернатору не стану челом бить,
Челом бить да кланяться,
Я гражданского губернатора в полон сейчас возьму,
А своего дитятко к себе возьму,
Астрахань город в огонь спущу».

Текст взят из книги: «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименком». Ч. 2. М., 1878, стр. 62; записан в городе Мезени бывшим студентом Петербургского университета Л. М. Никольским.

Степан Разин рассылал своих приверженцев во все города. О таком посланце, названном сыном Разина, и рассказывает песня. Народная фантазия изображает, как Разин, обладая волшебством, узнает о несчастье своего сына.

СТЕНЬКА РАЗИН

Как во славном было го/роди во Вастракани ¹
Проявился там дети/нушка незнаем человек,

¹ Астрахани.

- Как незнаемой дети/нушка, неведомой откуль.
 Баско шепетно¹ по Ва/стракани погуливает,
 5. Уж он штапам афице/рушкам² не кланяется,
 Востраканскому губерна/тору челом ему не бьет.
 А сапоженки на ножках шел/ком тачены,
 Черна шляпа на кудрях / и перчатки на руках,
 А й свой тот вишневой кафтан / на одном плечи
 таскал,
 10. И как персидской кушачок / во белых руках дер-
 жал.
 Как увидел молодца / губернатор скрычал:
 «Вы сходите, приведи/те удалого молодца».
 Еще стал-то губерна/тор его спрашивать:
 «А ты скажись скажись-ко, дети/нушка незнаем
 человек,
 15. Из тиху ли ты Дону казак, / аль казачей сын,
 Аль ты с нашего крепкого го/рода из Вастракани?»
 Как проговорит дети/нушка незнаем человек:
 «Из тиху-то я Дону не казак, / не казачей сын,
 Я не с вашего крепкого го/рода а из Вастракани.
 20. Я со Камы-то со реки/Сеньки Разина сын,
 Посулился мой-то ба/тюшко завтра в гости к вам
 быть,
 Вы умеите-тко моего ба/тюшка кормить его поить,
 Вы кормить его поить / и честно жаловати».
 Вастраканьскому губерна/тору не слюбилися
 словеса.
 25. «Еще есть ли то при мне / а слуги верны при себе,
 Вы сведите-тко молодца / в белокаменну тюрьму».
 Взяли брали молодца за / желтыи волоса,
 Повели его молодца / в белокаменну тюрьму.
 Сверху вниз было по ма/тушки по Камы по реки,
 30. Что й по Камы по реки / легка лодочка пловёт.
 Как на той-то на легкой лодке а/таман воровской
 сидит,
 Атаман воровской сидит / Сенька Разин тот сын.
 «Еще что-то мне, братцы робя/тушка, тошным стало'
 тошно,
 Мне тошным стало тошно / и тошнэшенько.
 35. Вы подайте-тко воды / с-под правыи с-под руки».

¹ Баско шепетно — красиво, шегольски одетый.

² Штаб-офицеры — позднее напластование в песне.

И над водой-то Сенька волховал / и воду взадь
выливал.

«Видно мой тут ведь сынок / а сидит в белокаменной
тюрьме,

Приворачивайте, ребята, / ко крутому бережку,
Уж мы стену разобьем / а й тюрьму по камению

разнесём

40. И Вастраканьского губерна/тора в полон к себе
возьмем,

И Востраканьскую губерна/торшу в наложницы».

Текст взят из книги: «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.». Т. 3. Изд. 4. М.—Л., 1950, стр. 40—41; № 203; записан 7 августа в деревне Пога на Водлозере от крестьянина И. Г. Захарова; является вариантом предыдущего текста, показывает уверенность восставших в победе и неминуемую расправу с угнетателями.

ВОССТАНИЕ СТЕНЬКИ РАЗИНА (1668—1671 гг.)

Как на утренней заре, вдоль по Каме по реке,

Вдоль по Каме по реке легка лодочка идти.

В лодке гребцов ровно двести молодцов;

Посреди лодки хозяин, Стенька Разин атаман.

Закричал тут атаман громким голосом своим:

«А мы счерпнемте воды изо Камы со реки!»

«Мы исчерпнули воды изо Камы со реки».

Припечалился хозяин, Сенька Разин атаман:

«Знать-то, знать, что мой сыночек во неволюшке
сидит,

Во неволюшке сидит, в белокаменной тюрьме».

«Не печалься, наш хозяин, Стенька Разин атаман:

Белокаменну тюрьму по кирпичику разберем,

Твоего милого сыночка из неволи уведем,

Астраханского воеводу под суд возьмем».

Текст взят из книги: «Песни оренбургских казаков. I. Песни исторические». Собрал А. И. Мякутин. Оренбург, 1904, стр. 18; записан А. С. Пушкиным (см.: Сочинение А. С. Пушкина, изд. Панафидина, 1899 г., стр. 208). Сообщили: станица Нижнеозерная, 1903 г., Андрей Стрижев; станица Буранная, 1902 г., Ф. Т. Кожевников; станица Оренбургская, 1902 г., Г. Н. Качални.

25. Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Есауловы все помощнички.
Мы веслом махнем — корабль возьмем,
Кистенем махнем — корован собьем,
30. Мы рукой махнем — девицу возьмем».

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 7. М., 1868, стр. 153—154. Место записи неизвестно.

Хотя в большей своей части песня вызывает сомнение в своей подлинности (примерно до 20-го стиха и последний), она довольно ярко отражает состав единомышленников Степана Разина и их настроение.

- На заре-то было, братцы, на утренней,
На восходе краснова солнышка,
На закате светлова месяца,
Не сокол летал по поднебесью —
5. Ясаул гулял по насадику¹;
Он гулял, гулял, погуливал,
Добрых молодцов побуживал:
«Вы вставайте, добры молодцы,
Пробужайтесь, козаки донски!
10. Нездорово на Дону у нас,
Помутился славной тихой Дон,
Со вершины до Черна моря,
До Черна моря Азовскова,
Помешался весь козачей круг;
15. Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича,
По прозванию Стеньки Разина;
Поймали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во каменну Москву,
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову».

Текст взят из книги: «Сочинения М. Д. Чулкова. Собрание разных песен». Спб., 1913, ч. 1, стр. 176, № 134.

1 октября 1670 г. восставшие потерпели поражение под Симбирском. 14 апреля 1671 г. Степан Разин был схвачен «домовитыми»

¹ Н а с а д — речное судно.

казаками в Кагальницком городке на Дону, передан царскому правительству и после страшных пыток 6 июня 1671 г. четвертован в Москве.

Песня показывает, как тяжело переживали казаки известие о смерти Разина.

49

ПЕСНЯ, ПО ПРЕДАНИЮ БУДТО БЫ СЛОЖЕННАЯ
САМИМ РАЗИНЫМ

Схороните меня, братцы, между трех дорог:
Между московской, астраханской, славной киевской.
В ногах мне положите саблю вострую,
В головах поставьте животворный крест.
Кто пойдет или поедет — остановится,
Моему ли животворному кресту помолится,
Моей сабли моей вострой испугается,
Что лежит тут вор, удалый добрый молодец,
Стенька Разин Тимофеев сын по прозванию.

Текст взят из книги: «Песни оренбургских казаков. 1. Песни исторические». Собрал А. И. Мякутин. Оренбург, 1904, стр. 18—19; записан в станице Рассыпной, в 1904 г. от Афанасия Щепачева, 81 года.

Песня говорит о том, что образ Степана Разина, борца за освобождение угнетенных, будет вечно жить в памяти народа.

50

СЫН РАЗИНА ПЕРЕД СМЕРТЬЮ

1. Ой, станы вы мои, вот мои станочки,
Станочки мои но... станы новые!
2. Ой-да, вы кусты ли мои, вот мои кусточки,
Кусточки мои ча... кусты частые!
3. Ой-да, вы леса-то мои, вот мои лесочки,
Леса мои, леса те... леса тёмные!

4. Ой-да, как и все-то они, вот мои лесочки,
Леса мои все повы... все повызжены.
5. Ой-да, как мой-то станы, вот мои станочки,
Станы мои поразо... поразорены;
6. Ой-да, ну один-то из них, один стан-станочек,
Один только не разо... не разореный.
7. Ой-да, как и все-то мои, все друзья товарищи,
Как все были перело... переловлены;
8. Ой-да, ну один-то из них, удал добрый молодец,
Один только он не по... да не пойманый,
9. Ой-да, вот да не пойманый удал добрый молодец
Лежит только больно ра... больно раненный:
10. Ой-да, его буйная вот его головушка,
Вот вся она поизру... поизрублена,
11. Ой-да, как ретивая вот его сердечушка
Наскрось-то она простре... скрость прострелена.
12. Ой-да, закричал, зашумел удал добрый молодец
Своим-то он громким го... громким голосом:
13. «Ой-да, уж вы, братцы мои, вот мои товарищи,
Ближние мои стани... вы, станишнички!
14. Ой-да, не покиньтя меня, раздоброго молодца,
Не покиньтя при большо... при большой беде,
15. Ой-да, при большой-то беде, при большой
несчастьеце
На чужой дальней сторо... на сторонушке,
16. Ой-да, не покиньтя мене, братцы, во чужой земле,
Не оставьтя во сыро... во сырой земле,
17. Ой-да, первезитя мене, раздоброго молодца,
На батюшку да на Ти... да на Тихий Дон.
18. Ой-да, положитя мене, раздоброго молодца,
Положитя между трё... между трёх дорог,
19. Ой-да, между трёх-то дорог вот вы положитя,
На высоком на курга... на кургане,
20. Ой-да, в изголовушках вы поставьтя камушек
Да сы тою-то сы гра... вот сы грамоткой:
21. «Ой-да, что лежит тут, лежит не вор, не
разбойничек, —
Стеньки Разина насле... сын-наследничек!»

Текст взят из книги: А. Листопадов. Донские песни. Т. 1, ч. 2. М., 1949, № 112; записан в станице Глазуновской в 1903 г.

Восстание продолжалось после гибели Степана Разина до конца ноября 1671 г., когда была взята царскими войсками Астрахань. Расправа с восставшими была жестокой и повсеместной. Песня и говорит о горечи поражения восставших.

УБИТ АСТРАХАНСКИЙ ВОЕВОДА (ГУБЕРНАТОР)

- Что пониже было города Саратова,
 А повыше было города Царицына,
 Протекала река матушка Камышенка,
 Что вела-то за собою берега круты,
5. Круты-красны берега, луга зеленые,
 Она устьицем впадала в Волгу матушку.
 Как по той ли реке матушке Камышенке
 Выплывают ли стружечки есаульские.
 На стружечках тех сидят гребцы бурлацкие:
10. Все бурлаки, все молодчики Заволжские.
 Хорошо все удальцы были наряжены:
 На них шапочки собольи, верхи бархатны;
 На камке¹ у них кафтаны однорядочны;²
 Канаватные³ бешметы в нитку строчены;
15. Галуном рубашки шелковы обложены;
 Сапоги на всех на молодцах сафьяновы;
 Они веслами гребли да пели песенки.
 К островочку среди Волги становилися:
 Они ждали-поджидали губернатора,
20. Губернатора ли ждали астраханского.
 Как возгворят бурлаки тут удалые:
 «Еще что́ то на воде у нас белеется?»
 Забелелися тут флаги губернаторски:
 Кого ждали-поджидали, того ляд⁴ несет.
25. Астраханский губернатор догадался тут:
 «Ой вы гой еси, бурлаки, люди вольные!
 Вы берите золотой казны, что надобно,
 Вы берите цветно платье губернаторско,
 Вы берите все диковинки заморския,
30. Вы берите все вещицы астраханския».
 Как возговорят удалы люди вольные:
 «Как твоя не дорога нам золота казна;
 Нам не дорого ни платье губернаторско;

¹ «Из камки» или «на плечах».

² Однобортные, без ворота, долгополые.

³ Старая шелковая ткань, узорчатая и цветная.

⁴ То же, что «черт», но по употреблению несколько мягче. «Ляд его возьми» — то же, что «пусто ему!».

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

52

- Ах бедные головушки солдатские,
Как ни днем, ни ночью вам покою нет!
Что со вечера солдатам приказ отдан был,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
5. Ко белу свету солдаты во строю стоят.
Что не золотая трубушка вострубила,
Не серебряна сиповочка возыграла,
Что возговорит наш батюшко православной царь:
«Ах вы гой еси, все князи и бóяря!
10. Вы придумайте мне думушку, пригадайте:
Еще как нам Азов-город взять?»
Еще князи и бóяря промолчали —
Еще ж сам наш батюшка прослезился:
«Ах вы гой еси, солдаты и драгуны!
15. Вы придумайте мне думушку крепкую:
Еще как ли нам Азов-город взять?»
Как не ярые пчолушки зашумели,
Что взговорят солдаты и драгуны:
«Взять ли нам, не взять ли, — белой грудью!»
20. На восходе было краснова солнышка,
На закате было светлова месяца,
На зоре они на приступ пошли,
Под тот ли под славной под Азов-город,
Что под те ли стены белокаменные,
25. Ах под те ли под раскаты под высокие.
Что не с гор ли белы камни покатилися —
Покатилися со стен неприятели;
Не белы снеги в поле забелелися —
Забелелися белы груди бессурманские;
30. Ах не с дождичка ручьи разливалися —
Разливалася тут кровь нечестивая.

Текст взят из книги: «Сочинения М. Д. Чулкова. Собрание разных песен». Спб., 1913, ч. 2, стр. 430.

В песне рассказывается об обсуждении плана взятия Азова. Солдаты и драгуны, как и обещали, берут Азов приступом (1696 г.).

Песня, видимо, говорит о солдатах Преображенского и Семеновского «потешных» полков, преобразованных Петром I в регулярные гвардейские полки в 1691 году и ставших впоследствии ядром русской регулярной армии.

ПЛЫВУТ ПОД АЗОВ: ВЗЯЛИ ГОРОД
И ПОЗДРАВЛЯЮТ ЦАРЯ

- Ах, по морю, морю синему,
По синему морю по Верейскому,¹
Плыли-восплывали три военных корабля.
На перед корабль бежит, —
5. Что сокол летит:
Во том во кораблике,
Император-царь сидит;
Во другом кораблике
Всё князья-бояра сидят;
10. Во третьем кораблике
Всё солдатушки сидят,
Солдаты сидели Преображенского полку,
Охоту имели под Азов городок.
Подкопы копали всё глубокие,
15. Бочки закатали с лютым зельем,
С лютым зельем с черным порохом,
Свечи прилепляли воску яраго:
Свечи догорали, — бочки разорвало,
Разметало башни всё угольчатая.
20. Стали ноздравляти императора-царя:
«Здравствуй,² государь-император, с Азовом
городом!»

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 8. М., 1870, стр. 64; записан П. В. Киреевским от московской мешанки, 70-ти лет.

В песне говорится о взятии Азова (в 1696 г.) с помощью подкопа.

¹ Название «Верейское море» является переосмыслением из «моря Варяжского», т. е. Балтийского, которое получило при Петре I огромное значение, привлекло всеобщее внимание.

² Поздравляем тебя.

САМ ЦАРЬ

Собирается православный царь
 под крепкой Азов-город,
 Собирает он тележинок
 сорок тысячей,
 В каждую тележку сажал
 по пяти молодчиков,
 По шестому приставливал
 по извошшичку.

5. Укрывали сукнами
 багрецовыми,¹
 Убивали гвоздочками
 полужоными.
 Подъезжали к Азовским крепким
 ворóтичкам.
 Возгóворит православный царь
 таково слово:
 «Ох вы гой естя, Азовский
 караульшшички!

10. Доложите во Азове
 свым² начальничкам:
 Приехал к вам богатой гость
 Фёдор Иванович,
 С теми ли с товарами
 со заморскими,
 Со куницами приехал
 и с собоlíцами».
 Отворили ёму Азовски
 крепки воротички:

15. Оне³ ехали во Азов-город
 трои суточки,
 На четвёртые суточки
 уставились.
 Тут возгóворит православный царь
 таково слово:

¹ Багрец — ткань багряного цвета.

² Своим.

³ Приезжие.

- «Ох вы гой естя, извошшички,
добры мблодцы!
Отдирайте суконцы
во единой мах!»
20. Отдирали они суконцы
скоро на скоро,
Вылетали из кажней из тележки
по пяти молодчиков,
Они сабли остры
на голо держут.
Испужалися Азовский
начальнички:
«Уж ты батюшка наш,
православный царь,
25. Православный царь
Петр Алексеевич!
Не мути ты наш
Тихой Дон:
Мы станем те служить век верой-правдою,
Верой-правдою и как те надобно».

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским», Вып. 8. М., 1870, стр. 54—56; записан в селе Павлово, Нижегородской губернии Фаворским; впервые опубликован в «Известиях Академии наук», 1852; Прибавления, стр. 124.

Песня говорит о взятии Азова (в 1696 г.) хитростью. В 1711 г. город еще раз захватили турки, но в 1736 г. он окончательно переходит к России.

ВОССТАНИЯ И КАЗНИ СРЕЛЬЦОВ¹

- Во далече, во далече во чистом поле,
А ещё того подале во раздолъице,
Тут не красное солнышко выкаталося:
Выезжает-то удалый-добрый молодец,
5. Еще тот же стрелецкий атаманушка.

¹ К концу XVII века в мирные годы стрельцов насчитывалось до пятидесяти тысяч человек, размещенных частью в Москве, частью же — по крайним городам страны. Стрелецкая масса нередко активно участвовала в городских восстаниях XVII века.

- Хороша-больно на молодце приправушка:
 Под ним добрый конь ровно лютый зверь,
 Кольчуга-то на молодце серебряная,
 Соболина на нём шапка до могучих плеч,
10. На нем тугий лук как светёл месяц,
 Калены стрелы как часты звезды.
 Он и держит путь-дороженьку в каменну Москву,
 Он и горы и долы в перескóчь скакал,
 Темные леса между ног пускал,
15. Быстрыя реки перепрыгивал.
 Возъезжает он во матушку каменну Москву,
 Приезжает ко дворечушку ко судáреву.
 Караульщиков он не спрашивал,
 Приворотничкам не бил челом,
20. Он и бьет своего добра коня — не жалует,
 Его добрый конь осержается,
 От сырой мати-земли отделяется,
 Перепрыгивал он стенушку белокаменну;
 Подъезжает он ко крылечушку ко судареву.
25. Воскрикнет он — возгаркнет громким голосом:
 «Ох ты гой еси, наш батюшка, православный царь,
 Во всеё Руси царь, Петр, сударь, Лексеевич!
 Ты за что́ про что на нас, сударь, прогневался,
 Ты за что наш зеленый сад хочешь выжечь-вырубить»,
30. Все и ветвицы-кореньицы повысушить?
 Не можно ли тебе, сударь, нас стрельцов простить? ¹
 Мы возьмем тебе город, какой надобно,
 Без свинцу-то мы — без пороху судáрева,
 Мы без ружеец, без сабелек без вострых,
35. Мы возьмем тебе город своей грудью белою». ²
 Выходил-то тут батюшка православный царь,
 Во одних-то он чулочках, он, без чоботóв,
 Во одной-то он сорочке, он, без панцуров; ³
 Воскричит-то он — возгаркнет громким голосом:
40. «Ох ты гой, стрелецкой атаманушка!
 Уж и вот-то я с боярами подумаю,
 С сенато́рами с федьмаршалами переведаю».

¹ В песнях о стрелецком бунте тема самого мятежа полностью обходится, а все внимание сосредоточивается на заключительной его фазе, когда стрельцы должны были нести расплату перед царем.

² Чоботы — сапоги.

³ Панцур — панцырь.

Уж возговорит тут стрелецкой атаманушка:
«Ох ты гой еси, наш батюшка, православный царь,
45. Во всеё Руси царь, Петр, сударь, Лексеевич!
В глазах ты меня, сударь, обманывашь:
Не видать тебе меня у себя в дворце!»

Он и бьет своего добра коня — не жалует,
Его добрый конь осержается,
50. От сырой мати-земли отделяется,
Перепрыгиват он стенушку белокаменну,
Он и держит путь-дорожку во далече во чисто поле;
Возъезжает он во стрелецкую армеюшку,
Воскричит-то он — возгаркнет громким голосом:
55. «Ох вы гой еси, стрелецкия головушки!
Еще хочет нас православный царь всех жаловать,
Жаловать хоромами, хоромами высокими, —
Двумя столбами дубовыми
И петлями шелковыми!»

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 8. М., 1870, стр. 18—19; записан Языковым в Сызрани.

Песня отразила стрелецкий бунт (1698 г.) против Петра I с точки зрения его участников. В вооруженных столкновениях стрельцы были разбиты. С 30 сентября до 21 октября 1698 г. происходили массовые казни стрельцов. В этом же году было ликвидировано стрелецкое войско.

КАЗНЬ КНЯЗЯ, БОЛЬШОГО БОЯРИНА, АТАМАНА СТРЕЛЕЦКОГО

Из Кремля-Кремля, крепка города,
От дворца-дворца государева,
Что до самой ли Красной Площади,
Пролегала тут широкая дороженька.
5. Что по той ли по широкой по дороженьке,
Как ведут казнить тут добра молодца,
Добра молодца, Большого Барина¹,
Что Большого Барина, атамана стрелецкого,
За измену против царского Величества.

¹ Вариант: Боярина.

10. Он идет ли молодец — не оступается,
Что быстро на всех людей озирается,
Что и тут царю не покоряется.
Перед ним идет грозён палач,
Во руках несет остёр топор,
15. А за ним идут отец и мать,
Отец и мать, молода жена;
Они плачут, что река льется,
Возрыдают, как ручьи шумят,
В возрыданье выговаривают:
20. «Ты дитя ли наше милое!
Покорися ты самому царю,
Принеси свою повинную,
Авось тебя государь-царь пожалует,
Оставит буйну голову на могучих плечах»,
25. Каменеет сердце молодецкое,
Он противится царю, упрямятствует,
Отца-матери не слушает,
Над молодой женой не сжалится,
О детях своих не болезнует.
30. Привели его на Площадь Красную,
Отрубили буйну голову,
Что по самы могучи плечи.

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 8. М., 1870, стр. 22—23; перепечатан из Песенника Чулковского и Новиковского; Дмитриева и других.

Песня сочувственно изображает поведение перед казнью одного из руководителей стрелецкого мятежа (1698 г.)

ПЕРВЫЕ НАБОРЫ

Вились мои кудерушки, вились-развивались,
Почуяли кудерушки на себя невзгоду:
Уж и быть мне, молодцу, быть мне во солдатах;
Уж служить мне, молодцу, стоять в карауле...
Пристоялись скоро там мои быстры ноги.
Задумал я, молодец, задумал бежати,
И бежал я, молодец, не путём дорогой,
Уж бежал я, молодец, чистыми полями,

Что и чистыми полями, темными лесами.
Я во чистом поле весь-то измочился,
Я во темном лесу весь-то искололся.
Прибежал я, молодец, к своему подворью,
Постучал я, молодец, в косячето окошко:
«Тыпусти меня, сударь-батюшка,пусти осушиться?
Тыпусти меня, родная матушка,пусти обогреться».
«Ипустила б я тебя, мое дитятко, да боюсь государя.
Ты поди, поди, мое дитятко, во чистое поле,
Уж и там тебя, мое дитятко, буйным ветром высушит,
Буйным ветром высушит, красным солнцем выгреет».
И пошел я, молодец, пошел и заплакал:
«Ты возьмишь, загорись батюшкино подворье,
Уж ты згинь, пропади матушкино домовице».

Текст взят из публикации: П. В. Шейн. Русские народные песни. В сб.: «Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете». Кн. 3, М., 1877, стр. 86—87; записан А. Н. Афанасьевым.

Всеобщая воинская повинность, введенная Петром I в 1699 г., и тяжелая солдатская служба, вынуждавшая солдата к побегу, вызвали множество подобных песен.

СБОРЫ СОЛДАТ, НОВОГО ВОЙСКА

Из-за леса, леса темного
Не белая заря занимается,
Не красное солнце выкатается —
Выкаталось знамя царское.
А на значечке есть написано
Не про нас ли это, про молодчиков,
Про молодчиков, про некрутиков.
Все солдаты во поход пошли,
Наперед идет молодой сержант.
Он не пьян идет-сам шатается,
За ковыль-траву заплетается,
Горючими слезьми заливается,
Со отцем с матерью он прощается:
«Прости, батюшка, прощай, матушка,
С молодой женой и прощенья нет:

Молода жена неуслужлива,
Она меня, молодца, мало слушала».

Текст взят из публикации: П. В. Шейн. Русские народные песни. В сб.: «Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете». Кн. 3. М., 1877, стр. 90, № 4; записан в Коломне, Московской губернии; сообщен А. Н. Островским.

Солдатская служба была пожизненной. Песня отразила глубокое горе, которое причинял семье уход новобранца в солдаты.

ПЕТРОВЫ НОВОБРАНЦЫ НА ГОРАХ ВОРОБЬЕВЫХ

- За славную рекою за Москвою,
За высокими горами Воробьёвы,
Пролегала тут широкая дорожка:
Широким-то она, дороженька, не широка,
5. А пробоем то она, дороженька, не пробойна.¹
Уж по той ли по дорожке по широкой
Еще шли-прошли солдаты новобраны.
Идущи они, солдаты, сами плачут,
Во слезах они дороженьки не видят,
10. В возрыданьице словечушка не молвят:
«Что гораздо мы пред богом согрешили,
Государя мы царя распрогневили!
Уж как отдал нас не-русскому началу,²
Что не Русскому начальнику, — Немчину:
15. Он и бьёт-губит солдаткушек напрасно».

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 9. М., 1872. Дополнения, стр. 5—6.

Вновь набранные солдаты жалуются на тяжелые порядки, введенные начальниками-«немцами» в учебном строю Петра I на Воробьевых горах.

¹ Отрицательное описание подобно отрицательному сравнению: на самом деле дорожка широкая, но шли по ней новобранцы, для которых она была тесна и тяжела, не пробойна.

² Начальству; ср. выражение «быть под началом».

Ты, прекрасная Марьяна роща,
 Ты к чему рано зашумела,
 Не дождавши поры-времени,
 Поры-времени — весны красная,
 Весны красная, лета теплого,
 Лета теплого меженного? ¹
 Свое ветьице опустила
 Что с вершиночки до коренья;
 Распустила свое кореньице
 Вдоль по матушке сырой земле?..

Из Московского государства,
 Что из главного из сената,
 Из военная из конторы
 Что разосланы были указы
 Что за черными за печатями
 По губерниям да по провинциям,
 Что по селам, да по деревням,
 По всем ли по мелким пригородкам:
 Что по нынешней по ревизии
 Набирать ли нас, добрых молодцев,
 Что во солдатушки новобраные;
 Что идтить нам будет, добрым молодцам,
 На грозну службу на государеву
 Что во Прусскую во землю...

Текст взят из книги: «Великорусские народные песни». Изд. А. И. Соболевским. Т. 6. Спб., 1900, стр. 17—18, № 22; в конце помечено: «Рукописный сборник XVIII века Публичной Библиотеки (0.XIV,11), № 120. Каждый стих повторяется».

Песня передает душевное состояние рекрута раннего петровского времени.

ЩЕРЕМЕТЕВ И ШЛИППЕНБАХ. МАЙОР ЗЕМЛИ ШВЕДСКОЙ

Не грозная туча восставала,
 Не част-крупен дождик выпадает:

¹ Меженный — летний, самый длинный и жаркий (о времени, дне).

- Из славного из города из Пскова
 Подымался царёв Большой Боярин,
5. Граф Борис сударь Петрович Шереметев,
 Он с конницею и со драгуны,
 Со всею Московскою пехотой.
 Не дошед он Красной Мызы² становился,
 Хорошо-дobre полками приполчился,
10. Он и пушки, и мортиры все устави́л.
 Не ясён сокол по поднёбесью летает,
 То Боярин по полкам нашим гуляет;
 Что не золотая трубушка вструбила,
 То возгóворит царёв Большой Боярин,
15. Граф Борис сударь Петрович Шереметев:
 «Ой вы детушки, драгуны и солдаты!
 Мне лязя ли на вас надежду положить, —
 Супротив неприятеля постояти?»
 Тут возгóвора́т драгуны и солдаты:
20. «И мы рады государю послужити,
 И один за одного умерети!»
 Тут скоро Боярин подымался
 Со конницею и со пехотой.
 Нашли они на Шведски караулы:
25. Они Шведски караулы сами скрaли³
 И майора во полон к себе взяли.
 Привели они майора к генералу;
 Приказал его генерал допросити:
 «Скажи ты, майор земли Шведской,
30. Скажи нам всю истинную правду,
 Не могí ты у царя утаити:
 Далече ли стоит ваша сила.
 И много ли силы с генералом,
 С самим генералом Шлиппенбахом⁴?»

¹ Шереметев Б. П. (1652—1719) — выдающийся русский полководец и дипломат, генерал-фельдмаршал. Во время Северной войны (1700—1721) участвовал во всех решающих сражениях со шведами.

² Сражение у Красной Мызы произошло в 1702 г., оно предшествовало взятию Орешка.

³ Техническое выражение того времени: сняли пикеты.

⁴ Шлиппенбах В. А. (р. ок. 1650 — ум. 1739) — шведский генерал, курляндский дворянин. Во время Северной войны в 1701—1702 гг. был разбит Б. П. Шереметевым при Эрестфере, Гуммельсгофе и при р. Эмбахе (близ современного г. Тарту).

35. Что возговорит майор земли Шведской:
«Ах ты гой еси, царёв Большой Боярин,
Граф Борис сударь Петрович Шереметев!
Не могу я у царя утаити,
Скажу я всю истинную правду:
40. Стоит наша сила в чистом поле,
За теми за мхами — за болоты,
За тою за великой переправой,
По-край-близ Варяжского моря;
А силы с генералом сорок тысяч,
45. С любимым генералом Шлеппенбахом».
Боярин тех слов не испугался,
Он скоро с полками подымался.
Не две грозные тучи на́ небе всходили:
Сражались два войска тут большия,
50. Что Московское войско со Шведским.
Запалила Шереметева пехота
Из мелкого ружья и из пушек.
Тут не страшный гром из тучи грянул,
Не звонкая пушка разродилась:
55. У Боярина тут сердце разъярилось.
Не сырая мать-земля расступилась,
Не синее море всколебалось:
Примыкали штыки тут на мушкеты,
Бросали все ружья на погоны,
60. Вынимали тута вострыя сабли,
Приклоняли тут булатныя ко́пья,
Гнались за Шведским генералом
До самого до города до Дерпта.
Как расплачутся тут Шведские солдаты,
65. Во слезах они чуть слово промолвят:
«Лихая, де, Московская пехота!
На вылазку часто выступает
И тем нас жестоко побеждает!»
Тут много мы Шведов порубили,
70. А в трое того в полон их взяли:
Тем прибыль государю учинили.

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским», Вып. 8. М., 1870, стр. 129—132; в конце помечено, что источником текста послужили песенники с конца XVIII в. до 20-х годов XIX в.

В песне рассказывается о победе русских войск под командованием Б. П. Шереметева при Красной Мызе (1702 г.) во время Северной войны со Швецией.

ОРЕХ — ОРЕШЕК,

НОТЕБУРГ — НЮСЕБУРГ,

ШЛЮССЕЛЬБУРГ — ШЛЮШЕН

- Ты злодей-злодей, ретивó сердце,
 Ретивó сердце молодецкое!
 К чему ты ныло-занывало?
 Ты беду мне, молодцу, предвещало,
5. Предвещало, а не сказало:
 Что быть ли мне, молодцу, в рекрутах,
 Что в рекрутах быть мне и в солдатах,
 А в солдатах быть и в походе
 Что под славным городом под Орешком,
10. По нынешнему званию Слиссельбургом.
 Весьма скоро Шведы догадались:
 Они ударили тотчас в барабаны.
 Да что взговорит наш батюшка император:
 «Ах вы любимые мои братцы, генералы!
15. Вы придумайте мне думу, пригадайте:
 Еще брать ли нам Орешек,
 Иль не лучше ль от него отступить?»
 Что возговорят все генералы:
 «Ах ты наш батюшка, государь-царь!
20. Еще сила нам будет на́да:
 Что не лучше ль нам отступить?»
 Что возговорит надёжа государь-царь:
 «Ах вы детушки мои, солдаты!
 Вы придумайте мне думушку, пригадайте:
25. Еще брать ли нам город Орешек?»
 Что не яряя тут пчолы зашумели,
 Что возговорят Российские солдаты:
 «Ах ты наш батюшка, государь-царь!
 Нам водою к нему плиты, — не доплыти,
30. Нам сухим путем итти, — не досягнути:
 А что брать ли иль не брать ли, — белой
 грудью!»

Тронулося войско ко стене,

- Полетели башни на берег,
Отворилися ворота не проделанны,
35. А проломаны из пушек ядрами.
Победили силу Шведскую,
Полонили город надобной.

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 8. М., 1870, стр. 142—143; перепечатан из Песенника Чулковского и Новиковского.

Русская крепость в истоках Невы — Орешек — в течение 90 лет находилась в руках у шведов и называлась Нотебургом; была взята русскими войсками в 1702 г. и переименована Петром I в Шлиссельбург (ключ-город). Песня говорит о чрезвычайных трудностях, перенесенных войсками при штурме крепости.

ПОЛТАВСКОЕ ДЕЛО

- В тысяча семьсот первом годе,
Во месяце было во июле,¹
Стояли солдаты на границе.
А ни вестки, ни грамотки с Руси нету.
5. В три годочка перепала скоро вестка:
Что отцов и матерей в живые нету,
Молодые жены замуж вышли,
Малы деточки ходят-сиротают.
«Еще ли нам, ребятушки, не тошно?»
10. Как под славным городом под Полтавой,
Тут стоял-постоял король Шведский.
К королю кавалеры приходили.
На речах кавалеры доносили:
«Ах ты батюшка, король земли Шведской!»
15. Колько под городом ни стояти,
Нам Полтавы города не взяти:
Во Полтаве есть Московская пехота,
Сам царь-государь поспешает,²
Он со конницей, со драгунами,

¹ В песне смешиваются две даты: 1701 — возобновление крупных военных действий — и 1709 — Полтавская битва.

² Войска Карла XII осадили Полтаву 27 апреля. Небольшой гарнизон оборонял город в течение двух месяцев, пока ни подошла армия Петра.

20. С регулярной силой, со пехотой».
Он поход держит в землю Шведску,
Поход держит по праву руку, —
Под ту ли под Красну Мызу.
Не дошед Красной Мызы становился,
25. Всех солдат своих испострѣбил,
Пушки-мортирушки изоставил.
«Ах вы гой еси, мои генералы,
Храбрые мои кавалеры!
На службе кавалеры не бывали,
30. Пушечного грома не слышали?»
«Мы еще донесем тебе челобитье:
Что из славного города из Обска,¹
Подымается царев Большой Боярин
Князь Борис Петрович Шереметев,
35. Поход держит во Шведскую землю».
Не дошед Красной Мызы становился,
Наперед казаков рассылает.
Наперед казаки разъезжают,
Наезжают на Шведские караулы:
40. Шведские караулы с поля сбили,
Много Шведов в поле прирубили,
Увезли в полон большого майора.
Шереметев взял майорушка в допросы:
«Ты скажи-ко, майор, божью правду,
45. По крестному божьему цалованью:
Где стоит генерал ваш?
Где стоит благодѣр² ваш?
Где стоит сам король ваш?
Много ли у вас силы у генерала?
50. Много ли у вас силы у благодѣра?
Много ли силы с самим королем?» —
«У генерала у нас силы тридцать тысяч,
У благодѣра силы сорок тысяч,
А с самим королем сметы нету».
55. «Врешь, майор, врешь-плутуешь:
Я этова не боюся,
В Обск назад не вернуся».
Приказал в барабаны скоро бити,
Скорей того в поход выступати
60. Ко этой реке ко Момже,

¹ Изю Пскова.

² Бригадир — воинское звание.

- Чтоб король не догадался,
 За Момжу реку не перебрался.
 А король догадался,
 За Момжу реку перебрался.
65. Шереметев за ним погонился:
 Состигал короля середь поля,
 Под славным городом под Полтавой.
 Подымалась Полтавска баталья,
 Запалит Шведская сила
70. Из большого снаряда — из пушки;
 Запалит Московская сила
 Из мелкого ружья — из мушкета.
 Не крупен чеснок рассыпался:
 Смешалась Шведская сила.
75. Распахана Шведская пашня,
 Распахана солдатской белой грудью;
 Орана Шведская пашня
 Солдатскими ногами;
 Боронена Шведская пашня
80. Солдатскими руками;
 Посеяна новая пашня
 Солдатскими головами;
 Поливана новая пашня
 Горячей солдатской кровью.

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 8. М., 1870, стр. 170—173; записан Н. Борисовым в декабре 1845 г. в Шенкурске, Архангельской губернии.

В Полтавской битве 27 июня 1709 г., решившей исход Северной войны, Петр I принимал непосредственное участие, Б. П. Шереметев командовал центром боевого порядка русской армии.

Песня о Полтавском сражении соединена с вариантами песни о взятии Красной Мызы, видимо, потому, что участником обоих событий был Б. П. Шереметев.

ГОСУДАРЬ ЕДЕТ ПО МОРЮ. РИГА ВЗЯТА

Как по морю-морю Синему,
 По синю морю по Хвалынскому,¹
 Плыли-восплывали три военных корабля:

¹ Следует читать: Верейскому (Балтийскому).

- На первом кораблике император-царь сидит,
5. На другом кораблике князя-бояре сидят,
На третьем кораблике всё солдаты сидят,
Сидели солдаты полку Семеновского,
Той ли первой роты бомбандирския.
Парусы они роняли¹ белы-полотняные,
10. Того ли полотенца всё Голандского;
Якори они бросали булатные,
Того ли булату всё Сибирского;
Мосты они намостили всё дубовые;
Подкопы они копали всё глубокие,
15. Глубокие подкопы на двенадцать верст;
Бочки закатали со лютым зельем,
Со лютым зельем — с черным порохом;
Свечи зажигали воску яраго.
Свечки догорали, — бочки рзорвало,
20. Взрывало ту стену белокаменную.
Вот и стали государя-царя поздравляти:
«Уж ты здравствуй² государь-царь, с крепким
городом,
С крепким городом со Ригою!»

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 8. М., 1870, стр. 213—214; записан А. Н. Пасхаловою в Саратове.

В Северной войне со Швецией город Рига был взят русскими войсками в 1710 году.

КНЯЗЬ ГАГАРИН

- Как по матушке Москве
Да пять сот стружков плыло,
Что на каждом на стружке
По пяти сот человек,
5. Они едут и гребут,
Сами песенки поют,
Они песенки поют,
Разговоры говорят,
Что про Гришку про Гришутку

¹ Опускали.

² Здравствуй — поздравляем тебя.

10. Про Гагарина с детьми:
«Заедает вор Гагарин
Наше жалованье,
Долговое, трудовое,
Малоденежное,
15. Что на всякого человека
По пятнадцати рублей.
А на эти, вор, на деньги
Он заводы заводил,
Палатушки ставовил,
20. За большим мучным рядом
Он построил себе дом,
Что на улицу окошечки,
Хрустальный потолок,
Москварецкая вода
25. По фонтанам взведена,
Живая рыба пущена,
Кровать нова смощена.
Как на той ли на кровати
Сам Гагарин князь лежит,
30. Он лежит, лежит, лежит,
На живую рыбу глядит,
Таки речи говорит:
Кабы бог мне дал пожить,
Во Сибири послужить, —
35. Я построил бы палатушки
Не этакия,
Право лучше, право чище
Государева дворца,
Разве тем только похуже, —
40. Золотого нет герба».

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 8. М., 1870, стр. 299—300; записан Дм. А. Валуевым.

В песне, по всей вероятности, говорится о князе М. П. Гагарине, сибирском губернаторе при Петре I, одном из известных «сатрапов» того времени, прославившемся злоупотреблением властью и лихоимством. У него, по рассказам современников, кроме сибирской роскоши, в московском доме на Тверской были зеркальные стены и стеклянные потолки, наполненные водой, в которой плавали рыбы. Песни о Гагарине с подробностью описывают это, определяют даже самое местоположение гагаринского дома — «на Неглинной (или «за Неглинною рекой»), на Тверской, за мучным большим рядом».

В 1721 г. Гагарин был казнен за казнокрадство и упорство в сокрытии пособников, первым из которых был князь Меншиков.

Текст взят из книги: М. Д. Кривополенова. Былины, скomorошины, сказки. Архангельск, 1950, № 13.

Долгорукий В. В. (1667—1746), князь, генерал-фельдмаршал. Он не обладал особенными военными способностями, известен как жестокий и беспощадный каратель восстания К. А. Булавина. Заголовок песни не отражает ни ее содержания, ни исторического факта. В 1718 г. в связи с делом царевича Алексея Петровича выявилось участие Долгорукого в боярском заговоре против Петра I. Он был лишен чинов, орденов, имений и отправлен в ссылку, из которой вернулся в 1724 г.

67

По утру-та было раным-рано,
На заре-то было на утренней,
На восходе краснова солнышка,
Что не гуси, братцы, и не лебеди
Со лузей, озер подымались —
Поднимались добрые молодцы,
Добрые молодцы, люди вольные,
Все бурлаки понизовые,
На канавушку на Ладожску,
На работушку государеву;
Провожают их, добрых молодцов,
Отцы, матери, молоды жены.
И со малыми со детками.

Текст взят из книги: «Сочинения М. Д. Чулкова. Собрание разных песен». Спб., 1913, ч. 1, стр. 204—205, № 165.

Песня отражает принудительную мобилизацию населения при Петре I на рытье каналов у Ладожского озера. Строительство первого обходного Ладожского канала для безопасного проведения судов вокруг бурного озера было начато в 1719 г., открыт канал в 1731 г.

68

СЫСК НА ДОНУ БЕГЛЫХ КНЯЗЕМ ДОЛГОРУКИМ В КОНЦЕ 1707 ГОДА

Ах, служили мы на границе три годочка,
Нам ни весточки, ни грамотки с Дона нет,
И словесного челобитьица нам не прислано;
На четвертом годочке перепала весточка;
Не полуночная звезда с небес упала,
А скорая почта прибегала
Ко походному нашему атаману,

ПЛАЧ ВОЙСКА

- Ох ты, ягодка самородинка,
 Распрекрасное мое деревцо!
 Ты когда взошла, когда выросла,
 Ты когда цвела, когда вызрела?
5. «Я весной взошла, летом выросла,
 Я зарей цвела, солнцем вызрела».
 Ох ты ягодка самородинка,
 Распрекрасное мое деревцо!
 Ты почто рано позалóмана.
10. Во пучечки перевязана,
 По дикóй степе поразбросана,
 До того ли села Шереметева,
 До того ли дворца государева,
 До того ли крыльца воскрашóного? ¹
 У того ли дворца государева,
 У крыльца было воскрашóного,
 Молодой сержант на часах стоял.
 Признобил он резвы ноженьки по самы
 сапоженьки,
15. Белы рученьки по самыя кóстыньки.
 Стоючй-то он призадумался,
 Призадумавшись слезно плакать стал.
 И он плачет — что река льется,
 Уж и слёзы льют — что ручьи текут,
20. Воздыхает он — словно лес шумит,
 Возрыдает он — ровно гром гремит.
 Возрыдаючи он возгóворил:
 «Вы подуйте с гор, ветры буйные,
 Разнесите с небес снежки белые,
25. Растолкните, ветры, бел-горючъ камень,
 Расшатайте-ка мать сырú землю
 Вы на все на четыре стороны,
 Расколите, ветры, гробову доску,
 Разверните вы золоту парчу,
30. Распахните вы бел-тонкóй саван!
 Уж ты встань-проснись, православный царь,

¹ Красного.

Православный царь Петр Алексеевич!

Подыми ты свою головушку,

Посмотри на свою силушку:

35. Твоя силушка во строю стоит,

Во строю стоит — не шелóхнется,

По военному она обучается,

На войну она отлучается».

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 8. М., 1870, стр. 278—280; записан А. Н. Пасхаловою в Саратовской губернии. К тексту дано примечание: «Такое начало со «Смородинкой» принадлежит исключительно плачу по Петре (ради ранней его смерти)».

Это одна из многочисленных песен-плачей солдат о смерти Петра I (Петр I умер 28 января 1725 г.).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ
40-х ГОДОВ
XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА

1. О ВОЕННЫХ ПОХОДАХ

71

ШВЕДСКАЯ ВОЙНА

- Ой да пише, пише-то, пише король шведские
Да государыни пише самой:
«Ой да милосердная наша государыни!
Ну да замиримся-ко мы с тобой.
5. Ой да ты отдай-ко мои города — ты,
Которые прежде ты нам побрала.
Ой отдай Ригу-ту, Ригу отдай, отдай Ревель,
Отдай Нарву-ту крепкий городок.
Аль да роспиши ты нам ли полатушки
10. В каменной Москвы постоять,
Ой да нашей конницы, нашим драгунам,
В пирской в славной-то стоять улицы,
Ой да нашим графам, графам офицерам,
Ино да по купеческим стоять по домам.
15. Ой да самому-то королю шведскому,
Ему в славном городе стоять в Кремле,
Ему в Шелемьёвом стоять во дому¹».
Ой да милосердная наша государынька
Убоялase она того.
20. Ой да ею скорые резвые ноженки
Подломились стоячись,
Ой да белотельные царские рученки
Опустились оне о бока.

¹ Имеется в виду дом Шереметева, один из самых известных и богатых в Москве XVIII в.

- Ой да как по правую царскую рученку
Стоит Румянцев¹-от енерал,²
25. Ой да как по левую царскую рученку
Стоит Потемкин³- от енерал.
Ой да как возговорит ли-то промолвит
Ну да наш Румянцев-от енерал:
«Ой да милосердная наша государыни!
30. Да не убойся-ко ничего.
Ой да не бывать-то вору ему собаки,
Ну да в каменной во славной Москвы.
Ой да не стоять-то вору собаки,
Ну да по купеческим славным домам,
35. Ой да уж мы встретим короля шведского
Среди моря во губы.⁴
Ой да в славной в ревельской было во губы,
Стоит тридцать-то караблей,
Ой да стодит тридцать у нас три кораблика,
40. Всё стопушечные.
Ой да мы столики ему поставим —
Черные ох мы корабли.
Ой да мы скатертки ему постелем —
Тонкие белые паруса.
45. Ой да уж мы кушанья ему составим —
Черные ох мы пушечки,
Ой да уж мы черны пушечки поставим,
Чугунные ох мы ядрышка.
Ой да мы силушку прибуём прирубим,
Короля-то мы в полон возьмём».

Текст взят из книги: «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года». Т. 3. М. — Л., Изд-во АН СССР 1949, № 237; записан 16 августа от И. Д. Калитиной на Кенозере.

Шведская война (1741—1743), продолжавшаяся в начале царствования Елизаветы Петровны (1741—1761), получила своеобразное отражение в песне, показавшей царицу бездеятельной и неспособной

¹ Румянцев П. А. (1725—1796) за одержанные победы во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. был награжден чином генерал-фельдмаршала и титулом графа с почетным наименованием «Задунайский»; 15 лет (в 1740 г.) в чине подпоручика участвовал в войне со Швецией в Финляндии.

² Генерал.

³ Потемкин Г. А. (1739—1791) — генерал-фельдмаршал (с 1784 г.), был главнокомандующим русской армией во время второй турецкой войны (1787—1791 гг.).

⁴ Г у б а — залив.

отстоять завоевания Петра I. Песня, видимо, впоследствии получила некоторые дополнения, в частности, в нее вошли Румянцев и Потемкин, которые в Шведскую войну не были генералами.

ПРУССКИЙ ПОХОД

Травынька-муравынька, кавылочик!

Не одной-то тебе, травыньке,

В поле тошно:

И нам, солдатушкам, жить не сладко!

5. Мы стояли во Прутской¹ земле

На границе,

Под Кистрийном городочком три годочка:

Нам ни весточки, ни грамотки с Руси нету;

На четвертым годочке весточка пала

10. И за весточкой указы присылали,

Как у нас, братцы, на Святой Русе

Не здорово:

Смутился-помешался весь Тихой Дон.

Случилася батальица генеральна:

15. На славным чистым поле Лебедяне².

Поступает Прутской Король очень крепко,

Разбивает наш молодецкой новой корпус,

И со правого фланга да на левой:

Генералушки-бригадерушки испугались,

20. А полковники со майорами разбежались,

Из пушечек палили всё сержанты,

Свинец-порох развозили маркитанты.

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 9. М., 1872, стр. 113; доставлен Языковым из Симбирской губернии.

В Семилетнюю войну (1756—1763) победоносные русские полки покрыли себя неувядаемой славой. Однако во главе русских войск не было полководцев, отличавшихся военными дарованиями. После каждого боя, кончавшегося решительным поражением противника,

¹ Прусской.

² Эти два стиха вставлены из старших песен о Полтаве. После этого речь идет о Пруссии.

вместо преследования, русская армия бездействовала и даже отступала с позиций. Блестящие победы русских объясняются умелыми действиями начальников отдельных частей, среди которых были Суворов, Румянцев, Берг и др., а главное — исключительным мужеством и выносливостью русских солдат и низших чинов. Этот факт и подметила песня, рассказывая о битве под Кюстрином в 1758 г.

- Не от тучи, ни от грома, ни от солнышка,
От великого оружия солдатскова
Загоралася в чистом поле кавыль-трава,
Добиралася до белого до камышка,
5. Что на камешке сидит млад ясен сокол,
Подпалил он свои быстрые крылышки,
Обожег он свои скорые ноженки.
Прилетали к соколу стадо воронов,
Что садились черны вороны во круг ево
10. И в глаза ли ясному соколу насмехались,
Называли они сокола вороною:
«Ты, ворона, ты, ворона подгуменная.»
Ах! что взговорит в кручине млад ясен сокол:
«Как пройдет моя беда со кручиною,
15. Отрошу я свои крылья, крылья быстрые,
Оживлю я свои ноги, ноги скорые,
Я взовьюся, млад ясен сокол, выше облака,
Опущуся в ваше стадо я скорей стрелы,
Перебью я черных воронов до единого».
20. Ах! когда был Краснощеков во неволюшке,
Он вскричал ли, он взвопил громким голосом:
«Ой! вы, гой еси друзья, братья, товарищи,
Не покиньте доброва молодца при бедности
Уж как в некоторо время пригожусь, братцы, вам,
25. Замену я вашу смерть животом моим,
Животом моим и грудью белою!»

Текст взят из книги: «Сочинения М. Д. Чулкова. Собрание разных песен». Спб., 1913, ч. 1, стр. 174—175, № 132.

Песня рассказывает о разных лицах: Иване Матвеевиче Краснощекове — герое Шведской войны (1741—1743), героически погибшем у Гельсингфорса в 1742 году, и сыне его Федоре, участнике Семилетней войны (1756—1763). Некоторые варианты этой песни пелись без упоминания имени Краснощекова.

БИТВА ПРИ ГРОСС-ЕГЕРСДОРФЕ.
СМЕРТЬ ЛОПУХИНА

- Не пыль в поле пылит,
Не дубравушка шумит, —
Король ¹ с армией валит.
Не дошедши до стены, ²
5. Становился во кружок,
На зеленый на лужок.
На зеленом на лугу
Лопухин гулял в кругу,
Курил трубку табаку.
10. «Ты на что табак курить,
Нашу армию губить?»
«Я на то табак курю, —
Попьянее быть хочу,
Посмелее поступить.
15. Зачинайте-ко, ребяташки,
Со правова со крыла,
Со левова тесака!»
Наши начали палить, —
Только дым с огнем валит.
20. Билися-рубилися
Четырнадцать часов;
Во пятнадцатом часу
Стали мертвых разбирать,
Свою армию счислять.
25. Чуть застали душу в теле
И язык в голове. —
Лопухин лежит убит.
Лопухин лежит убит.
Таку речь говорит:
30. «Подай, малой, лист-бумагу
И чернильницу с пером!
Напишу я таку радость
Государыне самой!»
(«Вор Потемкин генерал

¹ Фридрих II Прусский.

² Русские войска.

35. Много силы потерял,
Кде пропил-промотал,
Кде в карты проиграл.»)

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 9. М., 1872, стр. 102—103; записан Карнауховым в Чердыне.

Генерал В. А. Лопухин, смертельно раненный в кровопролитном сражении под Гросс-Егерсдорфом 19 августа 1757 г., произнес суровые слова осуждения в адрес главнокомандующего русскими войсками Апраксина. Песня сохранила смысл этих слов, переадресовав их в данном варианте Потемкину, заменившему в песне имя Апраксина.

ЧЕРНЫШОВ ЗАХАР ГРИГОРЬЕВИЧ

- Ты звезда, звезда восточная!
Высоко звезда восходила:
Выше светлого месяца,
По зайвью красна солнышка ¹.
5. Во земле было во Пруссия,
Во Кистрине, славном городе.
За Кистринскими воротами,
Во саду было, во вишенье,
Во зелёном виноградъице,
10. Тут стояла светла свѣтлица. —
Заключѣвна заклочѣвница, ²
Со косяцатим окошечком, ³
Со стекольчатой окóленкой, ⁴
Со железной со решеточкой;
15. Что у этой светлой свѣтлицы,
Заключевной заклочевницы,
Были двери всё железныя,
Ободвѣрины ⁵ уклáдныя, ⁶
А пробойцы-то булатныя,

¹ Выше солнышка при его восходе.

² Тюрьма для заключенного.

³ Окно с косяками.

⁴ О к о л е н к а — рама.

⁵ Дверные косяки.

⁶ Стальные.

20. А замок был в полтора пуда,
Полтора пуда с четвертью.
Как во этой светлой светлице,
Заключевой заключевнице,
Тут сидел да посидельщикек.
25. Он по свѣтлице погуливает,
Золотú трубку раскуривает.
Запеваает свою песенку,
Свою песенку любимую,
Свою песенку служивую:
30. «Ты талан ли мой, талан лихой,
Злая участь, горе горькое!
На роду мне господь писал —
Одному горе измыкати!»
Мимо этот сад и вишенье
35. Случилòся итти-ехати
Самому Королю Прусскому,
Королевскому величеству.
Как завидел посидельщикек
Из косящата окошечка.
40. Во стекольчату околенку:
«Ах ты гой еси, Прусскóй Король,
Королевское величество!
Ты умел меня в полон поймать,
Ты умел меня в тюрьму садить:
45. Прикажи меня поить-кормить;
Не прикашежь поить-кормить,
Прикажи меня на Русь пустить;
Не прикажешь ли на Русь пустить,
Прикажи меня скорей сказнить!»
50. Остоялся ¹ сам Прусскóй Король,
Королевское величество:
«Ах ты гой еси, Россiйскiй граф,
Чернышов Захар Григорьевич!
Уж ты будешь ли по мне служить?
55. Коли будешь ты по мне служить,
Прикажу тебя поить-кормить,
Прикажу дать двойнò жалованье».
Закричал тут Россiйскiй граф,
Чернышов Захар Григорьевич:
60. «Ах ты гой еси, Прусскóй Король,
Королевское величество!

¹ Остановился.

- Кабы был я на своей воле,
Я бы рад был тебе служить —
На твоей бы буйной голове,
65. На твоей бы шее белья!»
Как спрөгòворит Прусской Король
Королевское величество:
«Посиди-ка ты во той тюрьме, —
Наберешься ума-разума!»
70. Закричал тут посидельщикек,
Чернышов Захар Григорьевич:
«Напишу я свою грамотку
Не пером, не чернилами,
А своими горячьми слезьми,
75. Превеликой государыне, ¹ —
Еще нé што ² наша матушка,
Превелика государыня,
На подмогу бы силы прибавила,
Артилерии бы к нам подкáтила!»
80. Еще Прусской Король
Не доехал до своего дворца, —
Уж и пушечки запукали
Во славной Кистрин-город.
Обездолился Прусской Король,
85. Королевское величество;
Выпускал же он посидельщикка,
Отвозил к царю Белому,
Превеликой государыне;
Он просил замиреньица:
90. «Превелика государыня!
Помиримся со мной, Прусским Королем».
Говорит тут посидельщикек,
Чернышев Захар Григорьевич:
«Превелика государыня!
95. Не мирися с Прусским Королем:
Мы возьмем его Кистрин-город,
Разобьем Кистрински крепости!»

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 9. М., 1872, стр. 125—128; записан Н. Борисовым в декабре 1845 г. в Шенкурске, Архангельской губернии, доставлен М. П. Погодиным.

¹ Елизавете.

² Чтобы.

Чернышев З. Г. — граф, участник Семилетней войны. В сражении у селения Цорндорф (недалеко от Кюстрина) с прусскими войсками в 1758 г. он попал в плен. В том же году Чернышев был освобожден и деятельно участвовал в дальнейшем ходе войны. Песня подчеркивает его мужество и стойкость.

ВЗЯТИЕ ХОТИНА

Ах, мы Польшею идем,
Сами песенки поем;
Подходили под Хотин,¹
Промеж собой говорим:
«Уж ты, город наш Хотин!
Мы стоять в тебе хотим.»
Целой месяц простояли,
Все приказу ожидали.
Как до вечера за час
Отдавали нам приказ;
Прозоровской генерал²
По корпусу разъезжал,
Как ясен сокол,
Всем приказы отдавал:
«Ах вы, егери, стрельцы!
Бомбардиры молодцы!
Вы стреляйте, не робейте,
Пуль, пороху не жалейте!»
Уж как начали стрелять —
Турки прочь от нас бежать;
Бомбардиры осерчали,
Все в погоню побежали;
Где один солдат бежит —
Тут пять-шесть турок лежит.

¹ Хотин — крепость в Бессарабии на правом берегу Днестра, построенная в 1718 г.

² Прозоровский А. А. (1732—1809) — корпусной генерал, возглавлявший действия под Хотинном в 1769 г.

А где корпус-то бежит —
Тут как мост турок лежит;
Турки гласно закричали,
От Хотина прочь бежали.
«Оставайся, наш Хотин,
Мы стоять в тебе не станем,
Как пришла на ум Москва —
Одолела нас тоска».

Текст взят из публикации: П. В. Шейн. Русские народные песни. В сб.: «Чтения в Обществе истории и древностей российских». Кн. 3. М., 1877, стр. 108.

В XVIII в. крепость Хотин отвоевывалась русскими у турок три раза. В песне имеется в виду взятие Хотина в 1769 г. во время первой турецкой войны (1768—1774).

На горах было Балканских,
Родилась слава о нас.
Ой ли, любо да люли,
Родилась слава о нас.
Мы Балканы грудью брали,
Все враги от нас бежали.
Ой ли, любо да люли,
Все враги от нас бежали,
Все враги от нас бежали,
Пушки, ружья оставляли.
Ой ли, любо да люли,
Пушки, ружья оставляли.
Сам Суворов приезжал,
Нас с победой поздравлял,
Ой ли, любо да люли,
Нас с победой поздравлял.
Нас с победой поздравлял,
Боевой приказ давал.
Ой ли, любо да люли,
Боевой приказ давал:
«Все Суворовски полки
Со мной вместе впереди.
Ой ли, любо да люли,
Со мной вместе впереди.

Со мной вместе впереди
Всю Туретчину пройти.
Ой ли, любо да люли,
Всю Туретчину пройти».

Текст взят из книги: М. Г. Китайник. Уральский фольклор. Свердловск, 1949, стр. 47, № 7; записан в 1941 г. в Красноуфимске, Свердловской области от А. Ф. Захарова, 72 лет, который перенял песню от деда, слышавшего ее, в свою очередь, от своего отца, участника суворовских походов.

Во время войн с Турцией (1768—1774 и 1787—1791) великий русский полководец Суворов проявил свои блестящие способности. В песне показана любовь солдат к Суворову.

78

Пишет, пишет вот султан турецкай
В кременную матушку-Москву, —
Он хотит, хотит, султан турецкай,
Хотит русскую землю отобрать:
«Отберу я всю русскую землю,
В кременную Москву стоять пойду:
Порасставлю своих бригадиров
По всей матушке по вашей Москве,
Я расставлю своих генералов
По купеческим по разным домам,
Вот сам стану я, султан турецкай,
Во большом-то во царском дворце!»
Затужилася, вот и сгоревалася
Вся россейская наша земля.
Отозвался вот бы наш Суворов:
«Вы не бойтесь, не бойтесь ничево!
Соберу я силы войска много, —
Сам с султаном пойду воевать,
Наперёд казачушков пошлю,
А за ними сам с войском пойду;
Заберу я горы Забалканския,
В горах стану, стану зимовать».

Текст взят из книги: А. М. Листопадов. Донские исторические песни. Ростов-на-Дону, 1946, № 67; записан в станице Усть-Быстрианской в 1902, 1904 гг.

Песня сложена в связи с событиями второй турецкой войны (1787—1791).

СУВОРОВ-КНЯЗЬ

Собиралася да снаряжалася
Наша армия в путь дороженьку,
В путь дороженьку во Туречину:
Полонить царя Салтана турецкого,
Не крещеного басурманина.
Надевали солдатушки ранцы тяжелые,
Брали ружья, сабли острия.
Подходили-то наши солдатушки
Да ко морю синему,
На синем-то да на морюшке
Нет ни лодочки ни кораблика.
Призадумались солдатушки;
Призадумались, закручинились:
«На чем же мы, добры молодцы,
Переедем да переправимся
Во неверную во Туречину?
Глубоко ли море синее.
Далеко ли, широко раскинулось?»
Как выходит тогда ко солдатушкам
Енерал седой да Суворов князь,
Да как глянул он на солдатиков,
Веселешенько улыбаючись:
«А пошто, мои детоньки, призадумались?
Аль устрашились моря синяго,
А за морем силы неверныя?»
«Ой ты гой еси, да Суворов князь,
Командир ты наш, начальничек!
Не страшна-то нам сила вражия,
Сила вражия, злая Туречина;
Да страшно-то нам окиян-буян,
Окиян-буян, море синее:
Нет на море том перевозчика,
Ни весельца-то да ни лодочки»...
Уж как гаркнет тут Суворов князь:
«Ой вы гой еси, братцы солдатики!
Вы снимайте-ка с плеч ранцы тяжелые,
Уж и ставьте-ка в козлы ружья меткия,
Вы берите-ка топорики острые.

Вы плотите-ка мосты, плоты широкие»...
Что не гул гудит по поднебесью,
Что не шум шумит по темным лесам,
То плывет-летит наша армия...
Злая некресть турки испужалися,
По разным сторонушкам разбежались.

Текст взят из публикации: П. В. Шейн. Русские народные песни. В сб.: «Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете». Кн. 3. М., 1877, стр. 130—131; записан А. Я. Кокосовым в Камышловском уезде, Пермской губернии; сообщен Л. Н. Майковым.

Песня, видимо, отражает тот период в жизни Суворова, когда в связи с новым обострением русско-турецких отношений в 1792 г. он был назначен на юг командующим войсками с широкими полномочиями. Он заботился об укреплении Черноморского флота, выделяя силы и средства для ремонта судов, строительства баз и стоянок, поддерживал постоянный контакт с адмиралом Ф. Ф. Ушаковым.

2. О КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ПУГАЧЕВА И ПОСЛЕДУЮЩИХ НАРОДНЫХ ВОЗМУЩЕНИЯХ

80

КАК ЗА БАРАМИ ЖИТЬЕ БЫЛО ПРИВОЛЬНОЕ

Как за барами житье было привольное,
Сладко попито, поедено, похожено,
Вволю корушки без хлебушка погложено,
Босиком снегу потоптано,
Спинушку кнутом по-побито,
Нагишом за плугом спотыкалися,
До пьяна слезами напивалися,
Во солдатушках послужено,
Во острогах ведь посижено,
Что в Сибири перебивано,
Кандалами ноги потерты,
До мозолей душа ссажена.
И теперь за бар мы богу молимся:
Божья церковь — небо ясное,
Образá ведь — звезды частые,
А попами волки серые,
Что поют про наши душеньки.
Темный лес-то — наши вотчины,
Трак¹ проезжий — наша пашенька.
Пашем, пашем мы в глухую ночь,
Собираем хлеб не сеявши,
Не цепом молотим — слегаю
По дворянским по головушкам,
Да по спинушкам купеческим.
Вы укройте, леса, нас станишников,
Напои, река, беглых каторжников,
А ты, степь ли, степь наша ровная,
Ты неси коней глаже скатерти...
Мы задумали дело правое,

¹ Тракт, дорога.

Дело правое, думу честную:
Мы царицу, шлюху поганую,
Призадумали с трону спихивать...
Мы дворян господ на веревочки,
Мы дьяков да ярыг¹ на ошейнички,
Мы заводчиков на березаньки,
А честных крестьян на волю вольную.

Текст взят из книги: «Волжский фольклор». Составили В. М. Сидельников и В. Ю. Крупянская. М., 1937, стр. 80—81; записан М. Н. Голубевым в Мелекесском районе, Ульяновской области.

Песня ярко и определенно рассказывает о причинах, вызвавших крестьянскую войну под руководством Е. Пугачева.

В СТАНЕ ПУГАЧЕВА

«Уж ты, ворон сизокрылый,
Ты скажи, где милый мой?»
«А твой милый — на работе,
На литейном на заводе:
Не пьет милый, не гуляет,
Медны трубы выливает,
Емельяну помогает.
Прошла слава по народу,
Что Пугач казачья роду,
Твой-то милый тож казак,
Помогать казакам рад.
Он напрасно помогает
Из Расен — тьма солдат
На Урал идут, Пугача возьмут,
Полонят его и всю армию.
Твоему казаку снимут голову,
Снимут голову, пустят по-воду.
А тебе, молодой, век вдовою быть,
Век вдовою быть и бунтаршей слыть».
«Я солдатов не боюся,
С милым вместе отобьюся.
Лети, ворон сизокрылый,

¹ Ярыга — низший чин при полиции.

А я — следом за тобой,
Где горюшенька мой милый
Проливает кровь рекой».

Текст взят из книги: «Песни оренбургского казачества». Оренбург, 1938, стр. 55; записан П. Т. Завьяловским от С. П. Фролова в станице Нижнеозерной, Краснохолмского района.

К этому тексту В. И. Чичеров сделал следующее примечание: «В 1771 году среди народа прошел слух, что на р. Яике (Урале) объявился Петр III, свергнутый Екатериной II. В 1773 году на Яик прибыл Пугачев, который начал восстание, объединив массы народа. Песня передает настроения народных масс, объединившихся вокруг Пугачева для борьбы с крепостничеством» (Исторические песни. Вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В. И. Чичерова. Л., 1956, стр. 381).

ИЗ УРАЛЕЧКО ПЫШЕТ ПЛАМЕЧКО

Из Уралечко, да из Уралечко
Пышет пламечко, да пышет пламечко.
Сырой бор горит, да сырой бор горит,
Разгорается, да разгорается.
Что мой миленький, да что мой миленький,
Разнемогается, да разнемогается.
Он в постелюшке, да он в постелюшке,
Он валяется, да он валяется.
Ой, болит, болит, да ой, болит, болит
Буйна голова, да буйна голова.
Что болит, болит, да что болит, болит
Она с думушки, да она с думушки.
Как попасть ему, да как попасть ему
В рать казачию, в рать казачию.
Как итти в поход, да как итти в поход
С атаманушкой, да с атаманушкой,
С удалым молодцом, да с удалым молодцом
С Емельянушкой, да с Емельянушкой.

Текст взят из книги: «Народное творчество Южного Урала». Вып. 1. Записал И. С. Зайцев. Под ред. и с предисл. В. М. Сидельникова. Челябинск, 1948, стр. 20, № 2; записана песня в 1935 г. от Е. В. Зайцевой, 74 лет, в селе Сикияз-Тамак, Саткинского района, Челябинской области.

Песня показывает всенародную поддержку восстания под руководством Е. Пугачева.

ПУГАЧЕВ

- В тем Сударыня¹ простила,²
 Жить по старому пустила.
 Полтора года страдали:
 Всё царя себе искали.
5. Нашли себе царя —
 Донского козакá,
 Емельяна Пугачá
 Сын-Ивановича.
 Он со силой собрался,
10. Под Гурьев³ поднялся:
 Стрельба была несносна,
 Стоять было не можно.
 Он видит, что не взять:
 Воротился взад.
15. С большбй силой собрался,
 Под Яик⁴ поднялся:
 Под Яик подходил,
 Батальицу сочинил.
 Они зачали палить,
20. Силу-армию валить.
 Из Яика-городка
 Протекла кровью река,
 Круты́ горы закачались,
 Сыра́ земля затряслась;
25. Сыра земля затряслась,
 Мёлка рыба вниз пошла,
 Мелка пташка со гнезда
 Мелка пташка со гнезда⁵
 Укрепила Пугача
30. Сын-Ивановича.

¹ Екатерина II.

² Казаков.

³ Гурьев был взят одним из отрядов Пугачева под командой яицкого (уральского) казака Максима Сереберцева.

⁴ Яик — административный центр яицких казаков, позднее город Уральск.

⁵ Новобранцы, новые участники движения.

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 9, М., 1872, стр. 245—246; записан Языковым в селе Головино, Симбирской губернии.

В финале яркими образами показана мощь пугачевского восстания, его сила, укрепившаяся «мелкой пташкой», т. е. народными массами. Начало песни, которое здесь отсутствует, приводим по другому варианту:

Того месяца сентября
Двадцать пятого числа
В семьдесят первым году
Во Яике-городе
Приходили к нам скоры вести:
Не бывать нам на месте.
Яицкие казаки
Бунтовщики были, дураки.
Не маленькая была их часть,
Задумали в один час —
Генерала они убили.
В том немало их судили,
Государыня простила —
Жить по-старому пустила.
Они, сердце свое разъяря,
Пошли искать царя...

(И. И. Ж е л е з н о в. Уральцы, Т. 3. Спб., 1910, стр. 166).

В первых строках варианта упоминаются волнения на Яике, предшествовавшие восстанию Пугачева.

Как во славном городе Астрахани
Появился добрый молодец,
Добрый молодец Емельян Пугач;
Обряженный он в кафтанчик сто рублей,
Шефорочек на нем в пятьдесят рублей.
Шапочку набекрень держит;
Во правой ли руке тросточка серебряная,
На тросточке ленточка букетовая.
Хорошо он по городу погуливает,
А тросточкой упирается, ленточкой похваляется,
Со князьями, со боярами не кланяется,
К астраханскому губернатору и под лад не идет.
Астраханский губернатор призадумался —
Он увидел из хрустального стекла;
Посылает за ним слуг верных
Допросить его словесным вопросом.
Нагоняли его слуги верные,

Допрашивали его словесным допросом:
«Какого ты рода-племени,
Царь ли ты или царский сын?»
А он им на то молвил:
— Я не царь и не царский сынок,
Я родом — Емельян Пугач,
Много я вешал господ и князей,
По России вешал я неправедных людей.

Текст взят из книги: «Песни и сказания о Разине и Пугачеве». Вступ. ст., ред. и примеч. А. Н. Лозановой. М. — Л., 1935, стр. 187—188, № 11. В «примечаниях» на стр. 388 источник песни указан так: «Русская старина», 1874, кн. 12, стр. 817.

В песне Пугачев осмыслиется как приемник Разина. О Емельяне Пугачеве говорится так же, как в песнях о сыне Разина, представивших его как сторонника (агитатора) крестьянской войны. Подобных единомышленников в большом количестве рассылали Разин и Пугачев по городам и селам.

ЧЕРНЫШЕВ-ЧИКА¹ В ТЮРЬМЕ

Ходил-то я, добрый Молодец, по чисту́ полю:
Мягкая постелюшка — желто́й песок,
Изголовьица моя — шелковá трава.
Как во селе было во Лыскове,
5. Тут построена крепкая тёмница;
Как во той во крепкой тёмнице
Посажен добрый Молодец,
Чернышев Захар Григорьевич.
Он по тёмнице похаживает,
10. Сам слезно́ плачет, богу молится:
«Ты взмой, взмой, туча грозная,
Разбей громом крепкия тюрьмы!
Во тюрьма́х сидят все́ невольнички,
Невольнички, неохотнички!»

¹ Чика (Зарубин) И. Н. с первой встречи с Пугачевым (август 1773 г.) примкнул к нему и стал одним из его ближайших сподвижников, талантливым организатором и военачальником восставших; как и другие руководители пугачевского движения, он носил прозвище одного из Екатерининских придворных. Его называли графом Чернышевым З. Г.

15. Все невольнички разбежались,
 Во темном лесу они собирались,
 Соходились они на полянушку,
 На полянушку на широкую.
 «Ты взойди, взойди, красное солнышко,
 20. Обогрей ты нас, добрых молодцев,
 Добрых молодцев, сирот бедных,
 Сирот бедных, беспашпортных!»
 Ниже города — ниже Нижнего
 Протекала тут речка быстрая
 25. По прозванию речка Волга-матушка:
 Течет Волга матушка
 С диким-мелким камушком.
 Как по речке плывет легка лодочка:
 Эта лодочка изукрашенная,
 30. Вся молодчиками изусажженная...

Текст взят из публикации: П. В. Шейн. Русские народные песни. В сб.: «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете». Кн. 3. М., 1877, стр. 123; записан П. В. Шейном в селе Усть-Урень, Симбирской губернии от Картавенкова.

В конце марта 1774 г. в сражении с карательным отрядом Михельсона Чика потерпел поражение и был схвачен царскими властями. По преданию, Чика везли на казнь через село Лысково, расположенное на Волге, напротив города Макарьева — место действия разинских отрядов в XVII в. Песня о заключении З. Г. Чернышева в тюрьму города Кюстрин (см. выше) была переработана в песню о заключении Чернышева-Чики в тюрьму села Лыскова.

- Из-за леса-леса темного
 Не бела зоря занималася,
 Не красно солнце выкаталоса:
 Выезжал туто добрый молодец,
 5. Добрый молодец Емельян козак,
 Емельян козак сын Иванович.
 Под ним добрый конь-сив-бур-шахматный¹,
 Сива гривушка до сырой земли.
 Он идет — спотыкается,

¹ Вместо «космат».

10. Вострой сабелькой подпирается,
Горючий слезами заливаётся: ¹
«Что ты, мой добрый конь, рано спотыкаешься?
Али чайшь ² над собой невзгодушку,
Невзгодушку, кроволитьеце?»
15. Мы билися троя суточки,
Не пваючи, не едаючи,
Со добра коня не слезаючи.

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 9. М., 1872, стр. 247; записан в Оренбургской губернии; в конце помечено: «Сообщено. Очевидно, не окончено, только начало».

Песня, вероятно, относится ко времени борьбы Пугачева с преследовавшими его войсками Михельсона.

ТЫ, ЗВЕЗДА ЛИ, МОЯ ЗВЕЗДОЧКА

Ты, звезда ли, моя звездочка,
Выско ты, звездочка, восходила —
Выше леса, выше темного,
Выше садика зеленого.
Стаювилась ты звездочка
Надзоротцами решетчатыми
Какзо темнице, во тюремнице
Сидел добрый молодец,
Добый молодец Емельян Пугачев!
Он ю темнице похаживает,
Кандалами побрякивает:
«Кандалы мои, кандалики,
Кандалы мои тяжелые!
По юм вы, кандалики, доставалися?
Досавались мне кандалики,
Досавались мне тяжелые
Не ю тятеньке, не по маменьке —
За юходы удалые, за житье свободное!»

Текст взят из книги: «Народное творчество Южного Урала». Вып. 1. Записал И. С. Зайцев. Под ред. и с предисл. В. М. Сидельникова. Челябинск, 1948, стр. 21, № 3; записана песня в 1935 г. от

¹ Изображение переходит от коня на самого казака.

² Чаешь, знаешь.

Е. В. Зайцевой, 74 лет, в селе Сикияз-Тамак, Саткинского района, Челябинской области.

Песня приурочена ко времени, когда Пугачев оказался на положении узника. В основе текста песни лежит песня о З. Г. Чернышеве, заключенном в кюстринскую тюрьму.

СУД НАД ПУГАЧЕВЫМ

Судил тут граф Панин вора Пугачева:
«Скажи, скажи, Пугаченька, Емельян Иванович,
Много ли перевешал князей и боярей?»

«Перевешал вашей братьи семь сот семи тысяч.

5. Спасибо тебе, Панин, что ты не попался:
Я бы чину-то прибавил, спину-то поправил,
На твою-то бы на шею варобинны¹ возжи,
За твою-то бы услугу повыше подвесил!»
Граф и Панин испужался, руками сшибался:²

10. «Вы берите, слуги верны, вора Пугачева,
Поведите-повезите в Нижний городочек,
В Нижнем объявите, в Москве покажите!»
Все Московские сенаторы не могут судити.

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 9. М., 1872, стр. 248; записан в селе Головино, Симбирской губернии и получен от Языкова.

Отряды Пугачева были разбиты царскими войсками под Черным Яром 25 августа 1774 г. Карательной армией, выступившей против Пугачева, командовал П. И. Панин. Песня передает действительный факт — встречу плененного Пугачева с Паниным в Симбирске.

ЕМЕЛЬЯН ТЫ НАШ, РОДНОЙ БАТЮШКА

Емельян ты наш, родной батюшка!
На кого ты нас покинул.
Красное солнышко закатилось...

¹ Варовые, помягче и порастяжнее.

² Всплеснул.

Он призадумавшись, стал указы фальшивые
писать и по войску рассылать.
Старых стариков во Кубань-реку бросать,
А девушек на фабричный двор брать,
А молодых ребят во солдаты брить.

Текст взят из книги: «Песни оренбургских казаков. I. Песни исторические». Собрал А. И. Мякутин. Оренбург, 1904, стр. 68—69; записан в станице Рассыпной у казака Гаврилы Гуреева в 1902 г.

В 1792 г. Екатерина II приказала переселить на Кавказ шесть казачьих донских полков. Это решение вызвало волнения на Дону, во главе восставших встал есаул Иван Рубцов (1796), однако восстание потерпело поражение. С восставшими была произведена жестокая расправа, получившая своеобразное отражение в песне.

На заре то было на зореньке,
На заре было утренней,
На восходике было солнце,
Солнце было ясное.
Собиралось тут собраньице,
Собранье немалое,
Что казачий круг.
Во кругу-то стоял,
Стоял у казаченьков,
Стоял нов-кленовый стул.
На стулу-то сидел,
Сидел у казаченьков,
Сидел сам Волхонский князь.¹
Перед ним-то стоит,
Стоит раздушатушка,
Стоит добрый молодец.
Он стоит и стоит,
Стоит раздушатушка,
Стоит, сам он не тряхнется.
Его русые кудерюшки
На нем не волохнутся.
Он и бить-то его не бьет,
Он крепко спрашивает:
«Ты скажи-ка, скажи,

¹ Оренбургский военный губернатор Волконский Г. С., управлявший Оренбургским краем в 1803—1817 гг.

Скажи, раздушатушка,
Скажи-ка, ты каких родов,
Или царских ты, или боярских,
Или ты простых родов?»
«Я не царских и не боярских,
А я — Стеньки Разина сын.
А как, бывало, мы с тятенькой
Плавали мы по синю морю,
Разбивали-то мы кораблички,
Корабли-то немалые,
С дорогими мы со товарами,
Со припасами».

Текст взят из книги: «Фольклор Чкаловской области». Составил А. В. Бардин. Чкалов, 1940, стр. 107—108. № 84; записан от колхозника М. С. Чердынцева в Сакмарском районе, Чкаловской области.

Песня является переделкой песни про князя Волконского. В данном случае она выражает недовольство уральского войска, вызванное тем, что в 1803 г. было введено новое положение, значительно ограничивающее прежние казацкие вольности.

ПЕСНЯ ОБ АТАМАНЕ ПАВЛОВЕ

Во Уральском ¹ было славном городе,
По проезжей было славной улице,
По большой было по Нетрясовой ².
Как ведут-то его, ведут доброго молодца,
Безвинного, беспричинного.
Его резвы ноженьки скованы,
Его белы рученьки связаны.
Никто-то его провожать нейдет.
Наперед-то идет отец с матерью,
Позади-то идет молодая жена.
Как идет-то она, слезми заливаается.
По бокам-то идут конвойщики,
Как конвойщики законвоены,
Нарезны-то ружья заряжены.

¹ Уральск (до 1775 г. — Яицкий городок) основан в первой четверти XVII в., расположен при впадении р. Чагана.

² Вероятно, по «Митрясовской» (примечание А. И. Мякутина).

Текст взят из книги: «Песни оренбургских казаков. I. Песни исторические». Собрал А. И. Мякутин. Оренбург, 1904, стр. 75; записан в 1903 г. в станице Оренбургской со слов казака Саввы Петрова (59 лет) и со слов казака станицы Нижнеозерной Василия Чагина.

Павлов Ефим Иванович возглавлял восстание уральских казаков в 1803 г. После подавления восстания был наказан кнутом, у него вырвали ноздри, выжгли на щеках и лбу клеймо и сослали на каторжные работы.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

В XIX ВЕКЕ

1. ПЕСНИ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯХ

93

ФРАНЦУЗ

Не в лузях-то вода поляя разливалась:
Тридцать три кораблика во поход пошли,
С дорогими со припасами — свинцом-порохом.
Французский король царю Белому отсылается:

5. «Припаси-ка ты мне квартир-квартир ровно сорок
тысяч,

Самому мне, королю, белыя палатушки»
На это наш православный царь призадумался,
Его царская персонушка переменилася.¹
Перед ним стоял генералушка — сам Кутузов.²

10. Уж он речь-то говорил, генералушка,
Словно как в трубу трубил:
«Не пужайся ты, наш батюшка, православный царь!
А мы встретим злодея середі пути,
Среди пути, на своей земли,
15. А мы столики поставим ему — пушки медныя,
А мы скатерти ему постелим — вольны пули,
На закусочку поставим — каленых картеч;
Угощать его будут — канонерушки,
Провожать его будут — всё козачушки.»

¹ Изменился в лице.

² Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович (1745—1813) — генерал-фельдмаршал, блестящий полководец, прославившийся еще во второй половине XVIII в. В Отечественной войне 1812 г. он показал себя мастером труднейшей формы военного искусства — контрнаступления.

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 10. М., 1874, стр. 1—2; записан в Ефремовском уезде, Тульской губернии.

Созданная в эпоху Петра I и приуроченная позднее к Отечественной войне 1812 г. песня дает неприглядный образ царя.

ПЛАТОВ НА ФРАНЦУЗА

- От своих чистых сердец
Совьем Платову¹ венец,
На головушку наденем,
Сами песни запоём;
5. Сами песни запоём,—
Как мы в армии живём.
Мы в армёюшке бывали,
Провианты получали;
Провианты получали,
10. Ни в чем горя не знали.
У нас много пуль-картеч,
Нам некуда беречь.
Наши начали палить,—
Только дым столбом валит:
15. Каково есть красно солнышко,
Не видать во дыму,
Во солдатским пылу.
Ни ясён сокол летает,
Козак Платов разъезжает,
20. Он по горке по горё,
Сам на вороном конё.
Он проехал, проскакал,
Три словечушка сказал:
«Ой еси, воины-козаки,
25. Разудáлы молодцы!
Вы пейте-ка без мерушки
Зелёное вино,
Получайте-ка без расчёту
Государевой казны!»

¹ Платов Матвей Иванович (1751—1818) — казачий атаман, герой Отечественной войны 1812 года.

30. Как не пыль в поле пылит,—
 Француз с армией валит,
 Генералушкам грозит:
 «Уж и я вас, генералы,
 Во ногах всех вотопчу,
35. В каменну́ Москву взойду,
 Стену ка́менну пробью;
 Стену каменну пробью,
 Караулы все сменю,—
 Караулы крепки,—
40. Перемены редки,—
 Свои новы́ постановлю!»

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 10. М., 1874, стр. 37—38; записан А. М. Языковым в Симбирской губернии.

Составленный из частей песен о войнах и героях XVIII в. данный вариант показывает безмерную любовь солдат и казаков к Платову.

ПЛАТОВ И КУТУЗОВ

Как заплакала Россиюшка от француза.
 «Ты не плачь, не плачь, Россиюшка: бог тебе
 поможет.»

Соберался сударь Платов да со полками,
 С военными полками да с казаками.

5. Из казаков выбирали да исаулы;
 Исаулы были крепкие караулы,
 На часах долго стояли да приустиали:
 Белые речушки, резвы ножечки задрожали.
 Тут спроговорит(л)-спромолвил да князь Кутузов:
10. «А-й вы вставляйте ж, мои деточки, утром пораняе,
 Вы умывайтесь, мои деточки, побелеае,
 Вы идите, мои деточки, в чистоё полё,
 Вы стреляйте же, мои деточки, не робейте,
 Вы своёго свинцю-пороху не жалейте
15. Вы своёго же французика побеждайте». Не осточная звезда в поли воссияла,—
17. У Кутузова в руках сабля воссияла.

Текст взят из книги: «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.». Т. 1. М., 1904, стр. 294—295, № 60(96); записан от Ошурковой Федосьи, 27 лет, в деревне Чакола на реке Пинеге.

Реально отражая взаимоотношения организатора казачьих полков в 1812 г. Платова и главнокомандующего русскими войсками Кутузова, песня в то же время характеризует Кутузова как главного вдохновителя и руководителя в борьбе с наполеоновским нашествием.

ОЙ ДА, ТЫ КОРМИЛЕЦ НАШ, СЛАВНЫЙ ТИХИЙ ДОН!

Ой да, ты, кормилец наш,
Вот, наш славный Тихий Дон!
 Как бывалыча Дон,
 Бывало быстер бежишь,
Как теперича Дон,
Теперя смутён ты стал:
 Ой да, помутился Дон
 Весь ты сверху до низу,
Как от самова, Дон,
От самова озера Иванова.¹
 Ну, до самова, Дон,
 До самова города Черкасскова.²
Ой да, помутили Дон
Вот много земелюшек:
 Как одна-то, вот одна земля —
 Земелька французская,
Вот и, как другая земля —
Земелька астрицкая,³
 Ну, как третья земля —
 Земелька немецкая.

Текст взят из книги: А. М. Листопадов. Донские исторические песни. Ростов-на-Дону, 1946, стр. 101, № 82; записан в станице Старо-Григорьевской в 1903 и 1921 гг.

¹ Озеро Иваново расположено в верховьях Дона.

² Черкасск — Новочеркасск, по существовавшему тогда административному делению областной город земли Войска Донского. Основан в 1805 г. переселенцами из станицы Старо-Черкасской.

³ Австрийская.

Изображая помутившийся Дон, песня аллегорически показывает отношение русского народа к наполеоновской многонациональной армии, напавшей на Россию.

АИ, ВОТ ХВАЛИТСЯ ФРАНЦУЗ

Ай, вот хвалится француз, выхваляетца,
Сам на Тихай Дон убираетца,
Вот собрал себе он армейошку
Да по разным, по земелюшкам.
Нагружал свои галерушки¹
Дорогими все товарами,
Как и теми-то товарами,
Ой, свинцом-порохом.
Вот и пишет царю Александре
Грозною газетушку:
«Я прошу тебе, Александра,
Прошу не прогневатца,—
Изготовь ты мне фатерушки
Во самой-то кременной Москве,
Самому-то мне, Наполсону,
Свои царские палатушки!»
Вот на стулу сидит царь Александра,
Очень крепко призадумалси.
Созывал он сенаторушков
Да и стал им жалитца:²
«Ох, перепугался жа я, сенаторушки,
Не знаю, как быть теперь!»
Вот и, пишет, пишет с Дону атаманушка
Матвей Платов наш Иванович:
«У мене-то есть на Тихом Дону
Други вернаи — казаченьки;
Ох-и, позову я моих казаков лихих
На француза-неприятеля:
Ох-и, вы орлы мои сизокрылаи,
Соколы мои залетнаи!

¹ Г а л е р а — деревянное гребное военное судно.

² Жаловаться.

Ой, ну, седлайтя, седлайтя донских коней.
 Вы седлайтя, не замешкайтя,—
 Ой, да мы стрéним ¹ врага среди путя,
 Да и вдарим жа вдарим лавою:
 Вот приготóвим ему сладки кушанья —
 Да и бомбачки сы ядрами,
 Ох-и, на закусочку мы пошлем ему
 Пушки меднай сы лафетами,
 Ой, а фатерушки приготóвим ему
 В чистом поле середí путя!»

Текст взят из книги: А. М. Листопадов. Донские исторические песни. Ростов-на-Дону, 1946, стр. 91—92, № 73; записан в станице Усть-Белокалитвинской в 1905 и 1911 гг.

Известный с XVIII в. сюжет о встрече неприятеля использован в данной песне для характеристики Платова как организатора и руководителя казачьих соединений.

- Заводилася война
 Среди бело(го) дня:
 А что начато палить,—
 Только дым столбом валит;
5. Каково есть красно солнышко,
 Не видно во дыму.
 Только видно во дыму:
 Не ясён сокол летит (летает),
 Добрый молодец гуляет,
10. Он по кру́той по горе,
 Сам на вороном коне.
 По козáкам проскакал,
 Два словечика сказал:
 «Вы козáки, вы козáки,
15. (Вы) военные мои,
 Удалые молодцы!
 Без размерушки пейте
 Зелёного вина:
 Посмелее поступайте ²
20. Со французом воевать!»
 «Уж мы рады воевать,

¹ Встретим.

² Двигайтесь вперед.

- Слезны капли проливать!»
 Не пыль во поле пылит,
 Не дубровушка шумит:
25. Француз с армией валит.
 Он валит-таки, валит,
 Сам подваливает;
 Сам подваливает,
 Речь выговаривает:
30. «Еще много генералов,—
 Всех в ногах стопчу;
 Всея (ё) матушку Россеюшку
 В полон себе возьму;
 В полон себе возьму,
35. В каменнѹ Москву зайду!»
 Генералы испугались,
 Платком слёзы утирали,
 В поворот ¹ слово сказали:
 «Не бывать тебе, злодею,
40. В нашей каменной Москве,
 Не видать тебе, злодею,
 Белокаменных церквей,
 Не стрелять тебе, злодею,
 Золотых наших крестов!»

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 10. М., 1874, стр. 33—35; впервые полностью напечатан в «Русских народных песнях, собранных П. И. Якушкиным» («Летописи русской литературы и древности». Т. 1. М., 1859, стр. 129); записан С. В. Максимовым в Архангельской губернии.

Сложенная в эпоху Семилетней войны о битве при Гросс-Егерсдорфе («Смерть Лопухина») песня, получив некоторые изменения, отражает период Отечественной войны 1812 года: наступление французской армии и уверенность русских войск в предстоящей победе.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

Как не две тученьки не две грозныя
 Вместе соходилися —
 Как две силы-армеюшки
 Вместе соезжалися:

¹ Наоборот, в ответ.

Как одна сила-армеюшка
Она царя белого,
Как вторая сила-армеюшка
Короля французского.
Господа ли генералушки
Вместе соходились,
Они думали крепку думушку
Все заедино:
«А когда же у нас, братцы, будет
Бой-батальица?
На осенний первый праздничек, братцы,
На Семенов день»¹
Как Семенов день приходит, братцы,
Как гора валит;
Как Семенов день проходит, братцы,
Как река бежит;
Как ударили из пушек, братцы,
Из винтовочек —
Покатились с могучих плеч
Головушки,
Полилася басурманская кровь
На все четыре стороны.

Текст взят из книги: «Песни оренбургских казаков. I. Песни исторические». Собрал А. И. Мякутин. Оренбург, 1904, стр. 82—83; записан в станице Оренбургской в 1903 г. от казака Филиппа Барбусова, 76 лет.

Песня передает напряженное ожидание Бородинского сражения и жестокость самой битвы. Бой продолжался весь день 26 августа 1812 г., он был сокрушительным отпором интервентам и надломил моральный дух французской армии.

КУТУЗОВ И ПЛАТОВ

Наполеон-то, Наполеон
Шел на Россию воевать,
Вот бы, на Россию шел он воевать,—
Захотел он всем светом владать.

¹ Семенов день праздновался 1 сентября, Бородинский бой состоялся 26 августа (7 сентября) 1812 г.

Захотел всем светом владать,—
Алекса́ндре страх царю́ задать.
Алекса́ндра вот он устрашился,
Назад ему́ письмо́ отписал.
Господа-то все наши дворяне
Они перьпужались, не знают, как быть,
Перьпужались да все разбежались,—
Ой, в Москве́ нету, братцы, нико́во.
Как один-то, один не спужался —
Вот Ку́тузов, всем нам командир.
А друго́й-то вот не устрашился,
Друго́й Плато́в вот он наш геро́й:
Он добро́а сво́во коня́ седла́ет,
Подпруже́чки ту́го подтяга́л;
На конечка́ он скоро сади́лси,
По армею́шке орло́м лета́л,
По армею́шке орло́м лета́л,
Он «здо́рово», всем до́нцам сказа́л:
«Ой да, ну, здо́рово, вот вы, мои́ дети,
Здра́вствуй, хра́брые мои́ до́нцы!
Ой, да послужи́та вот вы, мои́ дети,
Как де́ды, де́ды, ваши́ отцы,
Послужи́те вы на́шей Росси́и,
Кре́мненной-то ма́тушке Москве!»

Текст взят из книги: А. М. Листопадов. Донские исторические песни. Ростов-на-Дону, 1946, стр. 95, № 76; записан в станице Еланской в 1903 г.

В песне подчеркивается патриотизм Кутузова и Платова, которые спланировали солдат и весь народ для защиты России в период Отечественной войны 1812 года.

О РАЗОРЕНИИ МОСКВЫ ФРАНЦУЗАМИ

Был на горке, на горе,
Видел нову каменну Москву.
Москва славна разорёна до конца.
Разорил Москву.
Неприятель вор-француз.

Не один разорил —
Со всей армией,
Со всей армией,
С конной гвардией
Разорил Москву.
Заряжал француз
Ружья светленькие,
Пушки медненькие.
Он стрелял, палил
В каменну славну Москву.
Потрясалася мать-сырая земля...

Текст взят из книги: «Фольклор Урала». Вып. 1. Исторические сказы и песни (дооктябрьский период). Собрал и составил В. П. Бирюков. Челябинск, 1949, стр. 38; записан 17 июня 1937 г. в городе Усть-Катаве, Челябинской области со слов местного уроженца (1867 г.) Е. Е. Селверстова.

Вынужденное отступление из Москвы, как видно из содержания песни, русские люди тяжело переживали.

- Привиделся несчастный¹ сон,—
Дуют ветры со вихрями,
С хором верхи сорывают
По самые по окны,
5. По хрустальные по стёкла:
Француз Москву разоряет,
С того конца зажигает,
В полон девок забирает.
Одна девка слезно плачет,
10. Француз девку унимает:
«Не плачь, девка, не плачь, красна!
Куплю тебе три подарка,—
Первый подарок — алу ленту в косу,
А другую голубую,
15. А третью разноцветну».
«Не надо мне твоих трёх подарков:
Пусти меня в свою землю,
Мне с батюшкой повидаться,
Мне с матушкой распроститься».

¹ Несчастливый, бедственный.

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 10. М., 1874, стр. 4—5; записан П. В. Киреевским 26 августа 1833 г. в Воронках, Звенигородского уезда, Московской губернии.

В данном случае творчески переосмыслена песня о татарских набегах и приспособлена к периоду Отечественной войны 1812 года.

103

КАК НА ГОРОЧКЕ СТОЯЛА МОСКВА

Как на горочке было, на горе,
На высокой было, на крутой,
Тут стояла нова слобода,
По прозваньицу матушка Москва,
Разоренная с краю до конца.
Кто, братцы, Москву разорил?
Разорил Москву неприятель злой,
Неприятель злой, француз молодой.
Выкатал француз пушки медные,
Направлял француз ружья светлые,
Он стрелял-палил в матушку Москву.
Оттого Москва загорелася,
Мать сыра земля потрясалася,
Все божьи церкви развалилися,
Златы маковки покатилися.

Текст взят из книги: «Исторические песни». Вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В. И. Чичерова. Л., 1956, стр. 279. В примечании указано: «Архив АН СССР. Коллекция П. В. Шейна, фонд 104, оп. 1, № 666; записана А. Я. Кокосовым. Войска Наполеона заняли Москву 2 сентября 1812 года. Освобождение Москвы от наполеоновских войск началось 7 октября 1812 года».

104

ВОССИЯЛО, ВОССИЯЛО КРАСНОЕ СОЛНЦЕ

Воссияло, воссияло
Красное солнце,—
Воссияла, вот бы, у Кутузова
Вострая сабля.

Кзаки вот, скажем, француза
Они порубали,
 Да французскова маёра
 Они у плен взяли;
Повели этова маёрика
К нашему Кутузову.
 Да и стал жа этова маёрика,
 Стал он пытатъ-спрашивать:
«Ты скажи, скажи, маёрик,
Скажи всею правдицу,—
 Да и сколько у вас всево войска,
 Всево сколько у француза?»
«Да у нас-то, у нас, у француза,
Всево войска много.
 Уж и много у нас войска, много,
 Много сорок тысячей,
Да со всеми-то батальёнами
Всево сметы нету!»
 «Ну и, врешь жа, врешь, шельма-маёрик,
 Врешь ты, облыгаешь,
Да мене жа ты, мене, Кутузова,
Маёрик, пугаешь!
 Только я твово-то пугальница
 Ничуточки не боюся,
Я до города до Парижа
Скоро доберуся,
 Сы донскими-то я казаками
 Вот распоряжуся,
Да и всею, вот бы, своей славушкой
Вот сам поделюся!»

Текст взят из книги: А. М. Листопадов. Донские исторические песни. Ростов-на-Дону, 1946, стр. 94, № 75; записан в станице Мелеховской в 1903 и 1921 гг.

Созданная во время Северной войны при Петре I и приуроченная к событиям Отечественной войны 1812 года, песня показывает полную убежденность Кутузова в будущей победе над Наполеоном.

ПЛАТОВ У ФРАНЦУЗОВ

Ты Россея, ты Россея,
Ты Россейская земля,

Много крови пролила,
Много силы забрала!
Платов-казак воин был,
Себе бороду не брил.
Когда бороду побрил,
У француза в гостях был.
Француз его не узнал,
За купчину признавал,
Со добра коня снимал,
Во палату зазывал,
За дубовый стол сажал,
Рюмку водки наливал
И купчине подносил.
Об стаканочке просил:
«Ты, купчина, ты, купец,
Ты, росейский молодец!
Выпей рюмку, выпей две,
Скажи всею правду мне
Про Платова-казака!
Он в разор нас разорил.
Я уж золото сорил,
Много золота терял,
Про Платова узнавал».
«На что золото терять?
Его так можно узнать:
Он — одно лицо со мной,
Ровно брат мене родной!»
Дочь француза догадалась,
Портрет начала смотреть.
Платов-казак догадался
Из палаты выходить,
На крылечко выбегать,
Будто письмо бросать.
Он не письмо бросал,
Громким голосом вскричал:
«Ой, вы, слуги, мои други,
Вы донские казаки,
Вы подайте-ка коня
Под Платова-казака!»
На коня Платов садится
И французу говорит:
«Ах ворона, ты ворона,

Загумённая¹ карга!²
Не сумела ты, ворона,
Ясна сокола поймать,
Сизые перышки общипать,
По чисту полю пускать,
Не сумела ты Платова
У себя в гостях держать». —
Тут француз возбунтовался,
А Платов казак помчался,
Только пыль столбом пошла
От французова двора.

Текст взят из книги: Б. Н. Путилов. Исторические песни на Тереке. Грозный, 1948, № 83.

Песня была очень распространенной. Она рисует реальный образ легендарного донского атамана Платова, совершавшего лихие подвиги в период Отечественной войны 1812 года.

КАК БЫ НАМ ВОРА ПОЙМАТЬ?

Ой да, отчево жа, али отчево
Вот наша да армеюшка,
Да она жа, она потревожилась?
Потревожилась армеюшка
Вот наша казачия,
Потревожилась темной ночью.
Как и ходит по армеюшке
Вот наш атаманушка
Ей да, ходит, вот он пробуждает:
«Ой да, уставайтя да вы пробужайтесь,
Вот мои козаченьки,
Ей, уставайтя пробужайтесь:
Бонапар-то, вот и он злодей наш,
Вот он ходит, гуляет,
По Москве он ходит, гуляет,—
Поразбил он, вот и разорил,

¹ Загумённый — ленивый; загуменщик — тот, кто прячется от работы, спит за гумном.

² Ворона.

Вот он, француз-варвар,
 Разорил всю кременну Москву!»
 Что не чернь-то будто во поле,
 Не чернь она во чистом поле,
 Да что-сь там в поле зачернелась,—
 Зачернелась эта полюшка,
 Вот полюшка расейская,
 Не конёвами она копытами,—
 Ну, засеяна эта полюшка,
 Вот поля расейская,
 Не всхожими она семенами,
 Ну, усеяна эта полюшка,
 Вот поля расейская,
 Ей, казацкими она головами,
 Заборонена эта полюшка,
 Вот поля расейская,
 Не дубовыми она боронами,
 Заволочена эта полюшка,
 Полюшка расейская,
 Она цветным казацким платьем.
 Как и тут наш атаманушка
 Ездит по армеюшку,
 Ездит, сам он разъежжает;
 Да и сам наш атаманушка
 Он своих казаченьков
 Речью сам-то утешает:
 «Как и вы-то, мои козаченьки,
 Вот мои станишнички,
 Ей, дети мои, малолеточки!
 Кабы бог-то бы послал,
 Вот мои станишнички,
 Ей, послал бы нам вора поймать,—
 Ну тогда-то бы, тогда,
 Мои малолеточки,
 Ну, спустил бы вас на батюшку Тихай Дон!»

Текст взят из книги: А. М. Листопадов. Донские исторические песни. Ростов-на-Дону, 1946, стр. 98—99, № 79; записан на хуторе Кременском станицы Усть-Быстринской в 1902 и 1904 гг.

Как указывают исследователи (см.: «Исторические песни». Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л. Шептаева. Л., 1951, стр. 410), песня могла возникнуть на основе таких событий, как подготовка к Тарутинскому сражению (6(18).10. 1812), ставшему толчком, который вынудил Наполеона к отступлению из Москвы. Казаки при Тарутине взяли трофеи, много пленных и, по слухам, едва не захватили в плен наполеоновского маршала Мюрата.

КАЗАКИ НА ФРОНТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Вышли с Дону казаки,
 Вот старая старики;
 И гусары друзья с нами,
 А егеря вслед за нами.
 За французами мы гнали
 Да их в речки загоняли.
 Генерал-то наш Платов
 Помереть с нами готов:
 «Ой, вы, други мои, слуги,
 Вы, донские казаки,—
 Послужить Руси верно,
 Как деды ваши, отцы!
 Да вы бейте их, колите,
 В плен французов не берите!»
 Мы французи́ков гоняли,
 Темны́ ночи мало спали.

Текст взят из книги: А. М. Листопадов. Донские исторические песни. Ростов-на-Дону, 1946, стр. 99—100, № 80; записан в станице Распопинской в 1903 г.

Песня рассказывает о партизанской борьбе с отступающей армией Наполеона.

РАЗОРЕНА ПУТЬ-ДОРОЖКА ОТ МОЖАЙСКА ДО МОСКВЫ

Разорёна путь-дороженька
 От Можайска до Москвы:
 Еще кто ее ограбил?
 Неприятель-вор француз.
 5. Разоримши путь-дорожку,
 В свою землю жить пошел;
 В свою землю жить пошел,
 К Парижу́ подошел;
 Не дошедши по Пари́жа,

10. Стал хвалиться Парижóm.
 «Не хвались-ка, вор француз,
 Своим славным Парижóm!
 Как у нас ли во России
15. Есть получше Парижа —
 Есть получше, пославнее,—
 Распрекрасна жизнь-Москва;
 Распрекрасна жизнь-Москва:
 Москва чисто убранá;
 Москва чисто убранá:
20. Дикарѣчком¹ высланá;
 Диким камнем высланá,
 Жолтым песком сыпана;
 Жолтым песком сыпана,
 На бумажке списана²;
 На бумажке списана,
 В село Урень³ прислана».

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 10. М., 1874, стр. 7—8; доставлен из города Симбирска.

Самая распространенная песня об Отечественной войне 1812 года. Она показывает, что несмотря на разрушения, причиненные Москве французами, русская столица сохраняет свою прежнюю красоту в памяти народа.

- Как повыше было Смоленска гóрода,
 Что пониже было Красного,⁴
 Что под рощею под зелѣною,
 Под берѣзою кудрявою,
5. На большóm зелѣнем лугу,
 Стоял тут лагерь Русской армии,
 Русской армии, гвардейских солдат.
 Призадумавшись сидят, на Смоленск город глядят:
 Овладели славным городом неприятельски полки,

¹ Дикий камень — так называли раньше гранит и другие кремнистые породы.

² Имеется в виду лубочное изображение видов восстанавливаемой Москвы.

³ Село Симбирской губернии.

⁴ Имеется в виду город Красный, находящийся западнее Смоленска. Под Красным в ноябре 1812 г. французы понесли тяжелое поражение.

Приубраться хорошо,
Приубраться, приодеться,
По границе погулять.
Вдруг последовал указ:
Во поход скоро итить
За Вислюю за реку.
Как за Вислюю рекою
Француз бережком владел,
Француз-вонн, Француз-храбрый,
А теперь — несчастный стал!

Текст взят из книги: «Донские казачьи песни». Собрал и издал А. Пивоваров. Новочеркасск, 1885, стр. 98—99; сообщил Н. А. Сальников.

После разгрома Наполеона и изгнания его из России русская армия перешла границу, продолжая преследовать остатки наполеоновской армии. В песне подчеркнута отсутствие захватнических настроений среди русских солдат.

III

ПОД ПАРИЖЕМ

- Под Парижем мы стояли,
В поле мокрые дрожали,
Повеленья дожидали.
Двадцатого ноября,
5. На рассвете было дня,
Сам царевич Константин¹
Предводитель у нас был,
По корпусам разъезжал,
Сам приказы отдавал:
10. «Вы начальники полков,
Не щадя пролейте кровь!
Солдатушки, не робейте,
Пуль-пороху не жалейте!»
Вся армия закричала,
15. В один голос отвечала:
«Ох ты, храбрый Константин,
Предводительствуй один!

¹ Брат царя Александра I.

Рады с тобой воевать,
Кровь до капли проливать!»

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 10. М., 1874, стр. 26; записан Туриним в Твери от отставного солдата, бывшего под Парижем.

Восхваляя Константина в официальном тоне, песня в то же время показывает его бездарность как командира, по указанию которого солдаты без надобности проливали кровь.

111а

- Под славным было городом Парижем,
Собиралось Российское славное войско.
Они лагеря занимали в чистом поле,
Шанцы¹ и батареи² там порыли,
5. Пушечки и мортирушки там становили.
Константин-то наш по армии разъезживает,
Оне пехоту и кавалерию рассчитывает:
«Надевайте вы, солдатушки, платье бело,
По úтру вам, милые, будет дело!
10. Когда бог нам поможет Париж взять,
Отпущу я вас, любезны, в него погуляти!»

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 10. М., 1874, стр. 26—27; записан от солдата в отставке, бывшего на парижском смотре. «Константин Павлович, — прибавил он, — обещал пустить нас погулять в Париже по-свойски, а благословенный не позволил».

Вместе с предыдущей песней и замечанием солдата данный вариант дорисовывает самовлюбленного Константина, стремившегося создать себе славу на крови народа, и показывает униженное и бесправное положение солдата — освободителя России и Европы от Наполеона.

112

КАЗАКИ ПРОКЛИНАЮТ ФРАНЦУЗСКУЮ СТОРОНУ

На рынке-то было, на рыночке,
На жолтьеньком на песочке,

¹ Окопы, полевое временное укрепление.

² Валы и другие земляные сооружения, воздвигаемые для прикрытия орудий.

АРАКЧЕЕВ

- На синеньком на́ море,
 Во Кронштатской гавани,
 Полтора́ста кора́блѣй:
 На каждом кора́бличке
5. По пяти́ сот молодцов,
 По пяти сот молодцов,—
 Сорок песенничков.
 Они едут и плывут,
 Веселы́ песни поют,
10. Веселы́ песни поют,—
 Прина́свистывают;
 разгово́ры гово́рят,
 Всѣ Рачаева¹ браня́т:
 «Что Рачаев шельма́ был,—
15. Много жало́ванья бра́л:
 Что перво́е — тепло́ве,
 Что друго́е — харчево́е,
 Третье́ — дене́жное.
 Он на э́ти всё на де́ньги
20. Он пала́ты (себе) скла́л;
 Он пала́ты (себе) скла́л
 Белока́менные.
 Подле э́тих же пала́т
 Быстра́ речка́ протекла́,
25. Не сама́ ли протекла́,—
 С-по фонта́ну спущена́:
 Жива́ рыбка́ пу́щена² —
 Сере́бряна́ чешу́я,
 Золота́я голова́;
30. Спозоло́чена́ голова́,—
 В лесу́ травка́-мурава́;

¹ Аракчеев А. А. (1769—1834) — всемогущий временщик при Павле I и Александре I, с деятельностью которого связан целый период реакционного полицейского деспотизма и грубой военщины (так наз. аракчеевщина).

² Описание палат взято из песен о Гагарине (см. выше). Перенести эти черты на Аракчеева помогло для данной песни то, что его имя Гужионо в Новгородской губернии также приводило всех в удивление своим великолепием.

- Что и травка-мурава,—
 Тут есть горенка новá;
 Во горенке во новóй
 35. Кровáтонька тесовá;
 На кровáтоньке тесовой
 Перинушка пуховá;
 На перинушке пухóвой
 Тут Рачаев сам лежал.
 40. Он окошко отворял,
 Всё палаты выхвалял:
 Широкий наши палаты
 Белокаменные,
 Не хуже наши палаты
 45. Государева дворца:
 Только тем они похуже,—
 Золотого угла¹ нет,
 Золотого угла нет,—
 Серёбряна потолокá!»

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 10. М., 1874, стр. 206—208; записан в Шенкурске, Архангельской губернии Борисовым в 1844 г.; доставлен М. П. Погодиным.

Используя исторические песни петровского и последующего времени о притеснителях, данная песня показывает, что всеильный Аракчеев сказочно обогатился за счет простых людей, солдат.

114а

- Бежит речка по песку
 Во матушку во Москву²,
 В разорёну улицу,
 К Аракчееву двору
 5. У Ракчеева двора
 Тута речка протекла,
 Бела рыба пущена;
 Тут и плавали-гуляли
 Девяносто кораблей³;

¹ В варианте — орла.

² Река Неглинная, впадающая в р. Москву.

³ Упоминание о кораблях и молодцах на них взято из старших песенных образцов о Гагарине, Репнине и Карамышеве, о которых пели преимущественно казаки, гулявшие по большим рекам и по морю.

10. Во всяkiem корабле
По пятисот молодцов,
Гребцов-песенничков:
Сами песенки поют,
Разговоры говорят,
15. Все Ракчеева бранят:
«Ты Ракчеев господин,
Всю Россию разорил,
Бедных людей прослезил,
Солдат голодом поморил,
20. Дорбженьки проторил,
Он канавушки прорыл,
Берёзами посадил,
Бедных людей прослезил!»

Текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 10. М., 1874, стр. 211—212; записан А. С. Пушкиным в 1830-х годах в Псковской губернии.

Подобный предыдущему, вариант говорит об Аракчееве как жестоком притеснителе всей России.

КАК ВО СЛАВНОМ ГОРОДЕ ПИТЕРЕ

Как во славном, славном городе,
Славном городе во Питере,
Там стоял-проживал славный полк
Семеновский,—
А теперь этот полк во поход идет,
Во поход идет он не под Францию,
На сраженье под каменну Москву.
Как и этот полк Семеновский,
Весь засаженный, завоеванный,
Весь за крепостной, за каменной стеной.
Как во славном полку да Семеновском
Все солдатушки думу думали,
Думу думали, слезно всплакнули,
Слезно всплакнули, ружьям брякнули,
Ружьям брякнули, громко взгаркнули:
«Вы бушуйте-ка, ветры буйные, всё холодные,
Всё холодные, поуденные!

Вы снесите-ка с гор желты пески,
С гор желты пески, мелки камышки!
Расступися ты, мать сыра земля,
Воздымися ты, гробова доска,
Распахнися ты, золота парча,
Ты восстань-ка, наша матушка,
Наша матушка Катеринушка,
Посмотри-погляди на свой любезный полк,
На любезный полк, на Семеновский!
Как и этот полк во строю стоит,
Во строю стоит, он волею горит,
Он волею горит во всем полыме...
Мы горячу кровь проливали,
И французов в полон брали,
И каменну Москву отбивали!»

Текст взят из книги: «Исторические песни». Вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В. И. Чичерова. Л., 1956, стр. 299—300. В примечании указано: «Архив АН СССР. Коллекция П. В. Шейна, фонд 104, оп. 1, № 667. Сообщено М. И. Семевским; записано в Псковской губ.».

Семеновский полк восстал в октябре 1820 г. против непосильных притеснений и издевательств (против аракчеевщины). Несмотря на заслуги солдат в Отечественной войне 1812 года, весь полк был арестован и сослан.

14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА

Молодой солдат да на чесах стоит,
Стоючись-то солдат да расплакался,
Зйнул ружьём солдат в сыру землю:
«Ты раздвинся, раздвинся мать сыра земля,
Ты откройся, откройся гробова доска,
Розорвись-кё, рбзорвися рущата камка¹,
Ты восстань-кё, восстань наш благоверной царь,
Благоверной царь Алексант Павлович!

25. У нас всё-то нынче не попрежному,
Придумали, братцы, бояришка думу крепкую:
«Кому, братцы, из нас да государём быть?»

¹ Хрущатая камка — шуршащая камка (ткань).

Государём быть, да акитантом слыть?
Государём-то быть князю Вильянскому,
30. Акитантом слыть князю Волхонскому».
Воспрошлышело его да ухо правое,
Рассадили их по тёмным кибиточкам,
Розвозили-то их да по тёмным тюрмам.

Текст взят из книги: Н. Е. О н ч у к о в. Печорские былины. Спб., 1904, № 100; записан летом 1902 г. на Низовой Печоре, в Пустозерске от В. А. Никонова.

Так отразилось в песне непонятное для народа восстание декабристов (14 декабря 1825 г.).

ДА СЕНАТ ВЗДУМАЛ ВЗБУНТОВАТЬСЯ

Да сенат¹ вздумал взбунтоваться,
Царя-батюшку убить.
Расположился на это,
Да охвицеров подкупить.
Да в непоказанное² время
Царя требуют в сенат³.
Царь недолго одевался,
Да шинель военну надевал,
Шинель военну надевал,
Брату⁴ весточку послал:

¹ Сенат (Государственный совет) был учрежден указом Петра I от 22 февраля 1711 г. взамен Боярской думы как высший административно-распорядительный орган по текущим делам управления; с начала XIX в. он превратился в орган надзора за правительственным аппаратом и высший апелляционный суд.

² Внеурочное.

³ Это место песни может быть раскрыто только предположительно. После известия о смерти Александра I Николай присягнул брату Константину, не зная, что Константин еще при жизни Александра отказался наследовать престол. Члены Государственного совета, узнав об этом, пригласили Николая на заседание, а когда тот отказался прийти, явились к нему сами. Поздно вечером 13 декабря состоялось заседание Совета, на котором Николай объявил о своем вступлении на престол.

⁴ Б р а т — очевидно, отсутствовавший в это время в Петербурге Михаил, за которым Николай послал накануне официального объявления о вступлении на престол.

«Уж, брат — князь великой,
Попроведай-ка ты меня,
Пока в живности-то я.
Придадут мне смерть в сенате —
Похоронишь ты меня».
Князь недолго одевался,
Да шинель военну надевал,
Шинель военну надевал,
Ворона коня седлал.
Ворона коня седлал,
Ко сенату подъезжал.
«Да, вы здорово, часовые,
Сенаторски сторожа,
Сенаторски сторожа,
Не прошел ли царь сюда?»
Они друг на друга смотрели
И сказали: «Не прошел».
Да што из них один солдат
Черным глазиком повел,
Да, черным глазиком повел
И сказал, что царь прошел.
Князь на это рассердился,
Часовых всех прерубил,
Остального-то пригрозил.
Трое двери проломил,
Во четвертые ворвался,
Брата в живности застал,
На коленях царь стоял,
Сенаторов умолял.

Текст взят из книги: «Сказы, песни, частушки». Под. ред. Е. М. Блиновой. Челябинск, 1937, стр. 38—39.

Песенный рассказ о предполагавшемся убийстве царя «в сенате» и о спасении его братом основывается, видимо, на противоречивых и искаженных слухах, проникших в народ, о событиях, происходивших в Петербурге в 1825 г. в связи с воцарением Николая, восстанием декабристов и причастностью к этим событиям различных лиц из высших правительственных учреждений.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ В ЭПОХУ СТАНОВЛЕНИЯ КАПИТАЛИЗМА

118

КРЫМСКАЯ ВОЙНА (1853—1856 гг.)

Что не ветры, не туманы
Идут в западных краях,
Не прокляты ураганы
Возмутились в степях —
К нам в Россию басурманы
Идут силу испытать:
Как французы англичанам
Дали слово помогать,
С гор пытается турок биться,—
Россию хочет покорить.
Знать-то, братцы, ему не придется,
Не придется Россию спокорить:
Мы заступим правою ногою
И защитим родимый край.

Текст взят из книги: «Песни оренбургских казаков. I. Песни исторические». Собрал А. И. Мякутин. Оренбург, 1904, стр. 150; записан в станице Рассыпной от казака К. Рябухина в 1903 г.

В песне говорится о Крымской войне 1853—1856 гг. против англо-франко-турецкой коалиции.

119

Вспомним, вспомним-ка, братцы-ребята,
Севастопольскую, братцы, войну,
Мы не раз и не два «ура» кричали
В севастопольских горах.
Пули-ядра нас осыпали,
Нам картечь была нипочём.
Заряжайте снова, братцы, ружья.
Встретим француза да мы на штыки.
Распроклятый шельмец англичанин
Стал он шуточки с нами шутить,
Шутил шуточки с нами не малы,

Из барбичи¹ он стал в нас палить.
Все дорожки он нам призаставил,
Хотел с голоду нас поморить.
Мы рогатую свою скотину
Начисто ее перевели,
Стали есть мы, братцы, лошадину
И варили, жарили, пекли.
Вместо соли мы ее солили
Из патрона мы мелким порошком.
За Рассиюшку да мы стояли,
За прекрасную да мы Москву.
Да мы трубочки да мы закурили
И простились да мы с табачком.

Текст взят из книги: «Фольклор Саратовской области». Кн. I. Составлена Т. М. Акимовой. Под ред. А. П. Скафтымова. Саратов, 1946, № 29; записан в селе Кутьино, Ново-Бурасского района в 1923 г. от Мухиной, 35 лет.

В песне рассказывается об обороне Севастополя (сентябрь 1854 г. — август 1855) в период Крымской войны 1853—1856 гг. Основой песни послужило литературное произведение (см.: Донские казачьи песни. Собрал и издал А. Пивоваров. Новочеркасск, 1885, стр. 118—119, сноска).

Оборона Севастополя проходила в исключительно трудных условиях осады и продолжалась 349 дней. Защитники города проявили необычайную самоотверженность, стойкость и храбрость.

Ой, вспомним-ка, братцы ребята,
Як в Севастополе стояли.
Распроклятые воры французы
На море пропадали.
Вор француз задумав с нами
Здумал штучку шутить,
Он построил шанцы², батареи,
Начал с пушек в нас палить.

¹ Видимо, испорченное «барбет» — насыпная площадка, на которой расположена платформа для орудия, с внутренней стороны крепостной стены (из словаря Л. Шептаева. Исторические песни, стр. 417).

² Временные укрепления, окопы.

Пушки, ядра нам, братья, знакомы,
И картечь нам, право, нипочем,
Мы прогнали вора француза¹
С Севастополя штыком.
На поле они там недавно стали,
Начал Салтана² распекать:
«По какой же ты причине
Севастополя не взял?»
«Ой, позвольте, Наполион,³
Только об этом вам доложить:
Заходили вашего войска⁴
Под Севастополем положить».
Господин наш Горчаков⁵ ли
В то время с нами не бувал,
Он ружейный и пушенный выстрел
Ах на сивер⁶ не слышал.
Господин наш Горчаков ли
Нам приказы отдавал:
Заряжайте, братцы, пушки-ружья,
Падем товарищев выручать».
Товарищи не уstraшились,
Севастополя ему не дадут —
Разве (храни, боже, от сего несчастья)
Всех товарищей побьют.

Текст взят из книги: Г. Самарин. Патриотическая тема в песенном творчестве русского народа. Фрунзе, 1946, стр. 121—122; записан историком Забелиным на Украине в 60-х годах XIX в.

В песне говорится о защите Севастополя от англо-франко-турецкой коалиции (1854—1855).

¹ Видимо, речь идет о победе 6(18) июня 1855 г. на Малаховом кургане, на котором защитники Севастополя отражали атаки осаждающей соединенной армии турок, англичан, французов.

² Турецкого султана.

³ Французский император (1852—1870) Луи Наполеон III Бонапарт, племянник Наполеона I.

⁴ Певец хотел сказать, что турки и их союзники — французы были под Севастополем, где понесли большие потери.

⁵ М. Д. Горчаков в 1855 г. был главнокомандующим Крымской армией. Энергичный, заботливый о войсках администратор, он оказался, однако, нерешительным военным начальником; пользовался репутацией человека беззаветно храброго, рыцарски честного и благородного.

⁶ Северное севастопольское укрепление вне крепости, на некотором расстоянии от моря.

Расскажу я, братцы, вам:
 С англичанкой воевал.
 Много горя, братцы, видел,
 Много бед я испытал.
 Как Нахимов-адмирал¹
 Севастополь защищал,
 Он редуты, бастионы
 Все песком позасыпал.
 Море синее шумит,
 С кораблей француз палит.
 Стены рушит бастиона,
 Огонь пламенем горит.

Текст взят из книги: В. А. Кравчинская и П. Г. Ширяева. Русские народные песни, записанные в Ленинградской области в 1931—1949 г. М., 1950, стр. 99, № 136; записан в Ленинграде в 1937 г. от мастера-исполнителя русской народной песни, инвалида А. Т. Полянского, 57 лет, уроженца деревни Мишелово, Ломоносовского района, Ленинградской области.

Появляясь на ответственных участках, где создавалось критическое положение, Нахимов лично руководил контратаками частей и добивался победы. Песня подчеркивает непосредственное участие Нахимова в отражении атак войск коалиции на Севастополь.

СМЕРТЬ КАЗАКА НЕФЕДОВА

Не белая заря рано занималась,
 Из-за крутых гор солнце выкаталось,—
 Просвистела пуля свинчатая в полки казацкие,
 Попала пулечка в казака Нефедова
 Между черных бровь, между ясных глаз!
 Упал казак коню на черну гриву,
 А с коня он упал на сырую землю,
 По сырой-то земле он катается,

¹ Нахимов П. С. (1802—1855) — великий русский флотоводец, адмирал, продолжатель лучших традиций русского военно-морского искусства, руководитель героической Севастопольской обороны 1854—1855 гг.

Сы белым светом расширяется:
«Ты прости, прощай, батюшка, белый свет!
Ты прости, прощай, мать сыра земля!
Ты прости, прощай, родной батюшка!
Ты прости, прощай, молода жена, малы деточки!»

Текст взят из книги: «Донские казачьи песни». Собрал и издал А. Пивоваров. Новочеркасск, 1885, № 128; сообщил Н. А. Сальников.

Песня, относящаяся к 50-м годам XIX столетия, полна скорби по поводу безвременной гибели рядового казака.

123

Ох, ты, служба наша нужная,
Сторона Грузинская!
Надоела ты нам, служба, надокучила,
Добрых коней позамучила
Частыми походами, тяжелыми подъемами;
Положила ты, служба,
Много казачьих головушек,
Прослезила ты, служба,
Много отцов, матерей,
Заводила ты, служба,
Молодых молодушек,
Позасиротила ты, служба,
Малых деточек...

Текст взят из книги: «Сборник донских народных песен». Составил А. Савельев. Спб., 1866, стр. 33—34.

В песне говорится об участии казаков в военных действиях на Северном Кавказе в конце 50-х гг. XIX в.

124

В СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМОМ ГОДУ

В семьдесят седьмом году
Было в ночь одну темну.
Не смотрели на усталость
Наши храбры удальцы,

угом горы обступили,
Становились в частый строй.
Мухтар-паша¹ испугался,
Скричал ворона коня.
Не успел за повод взяться,
Сел он задом наперёд.
Сказал слово и поехал:
— Оставайся, мой народ.
Заберите русских хватов,
Приведите в город Карс²
Громогласную их музыку
Представьте ко мне.
Мы сыграем в эту музыку,
Отступят они назад.
— Мухтар-паша, ожидай,
Мы к тебе в гости придём,
Восьмифунтовых арбузов
И орехов привезём.

Текст взят из книги: «Фольклор Пензенской области». Вып. 1. Песни и сказки Поимского района. Составила А. П. Анисимова. Под ред. и с предисл. В. М. Сидельникова. Пенза, 1948, стр. 169; записан в селе Поим в 1944 г. от И. П. Суханова, 60 лет, слышавшего эту песню от своего отца, участника русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Песня отражает события русско-турецкой войны 1877—1878 гг., в которой турецкая армия потерпела поражение. Об этом и говорится в песне, иронизирующей над Мухтар-пашой.

НЕ ТУМАН С МОРЯ ПОДНЯЛСЯ

Не туман с моря поднялся,
Три дня кряду сильный дождик шел —
Князь великий перправлялся³
Через Дунай он с войском шел.

¹ Мухтар-Ахмед-паша — главнокомандующий турецкой армией на азиатском театре войны 1877—1878 гг.

² Карс — крепость на Кавказе, взятая русскими войсками в ноябре 1877 г.

³ Вероятно, великий князь Николай Николаевич, главнокомандующий русской армией. По другому объяснению, румынский князь Карл, под командованием которого русско-румынские войска осадили Плевну.

Он и шел с крестом-молитвой,
Чтобы турок победить,
Чтобы турок победить,
Всех болгар освободить.
Три мы ночи шли в походе,
Притуманилось у нас в глазах.
Государь нам дал свободу
На три часа погулять.
Мы гуляли эти три часа,
Про нас знали только небеса.
Вдруг в войсках огонь открылся
И ударил сильный гром,—
Город дымом весь покрыло,
Три часа не виден город был!
Заплакала наша Плевна¹,
Запропала турецкая слава
И не будет больше никогда!

Текст песни взят из книги: «Исторические песни». Вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В. И. Чичерова. Л., 1956, стр. 315; записан А. А. Вецрумб по памяти в 1941 г.

Песня о военных походах в годы турецкой войны 1877—1878 гг. В условиях жестоких зимних горных переходов русские солдаты дошли до Константинополя. Турция была вынуждена признать независимость Болгарии, Сербии, Черногории, Румынии. Таким образом, благодаря помощи России, народы Балкан освободились от турецкого владычества и добились национальной независимости.

ПОЛЕ ЧИСТОЕ, ТУРЕЦКОЕ

1. Поле чистое, поле турецкое,
Мы когда тебя пройдем, пройдем,
2. Мы когда тебя, поле, пройдем,
Все пути твои дороженьки,

¹ Крепость Плевна после долгой осады и многих боев капитулировала и была занята русскими войсками 10 декабря 1877 г.

3. Все пути твои, дороженьки,
Все места твои прекрасныя,
4. Все пути твои славны, прекрасные?
На том поле, на том чистоём,
5. На том поле, поле чистоём,
Мы сойдемся с неприятелем.
6. Мы сойдемся с неприятелем,
Со турецким славным корпусом,
7. Со турецким славным корпусом.
На турецкий славный праздничек,
8. На турецкий славный праздничек,
На злосчастную на середу.
9. На злосчастную на середу
Турки пьяны напивались,
10. Турки пьяны напивались,
Во хмелюшке похвалялися,
11. Во хмелюшке похвалялися:
«Мы Расеюшку наскрозь пройдем,
12. Мы Расеюшку наскрозь пройдем,
Граф Пашкевича ¹ в полон возьмем,
13. Граф Пашкевича в полон возьмем!»
Граф Пашкевич нам говаривал,
14. Граф Пашкевич нам говаривал:
«Постарайтесь, ребятушки,
15. Постарайтесь, ребятушки,
Уж вы храбрые солдатушки,
16. Уж вы храбрые солдатушки,
Постоять за землю русскую».

Текст взят из книги: «Великорусские песни в народной гармонизации». Записаны Е. Линевой. Вып. 2. Песни новгородские. Спб., 1909, стр. 50—51.

Песня была создана в годы русско-турецкой войны 1806—1812 гг. на основе песни о турецкой войне 1787—1791 гг. Она возрождалась в годы войн с Турцией, в частности, в период крымской войны (1853—1856 гг.), и отразила настроения участников турецких походов 1877—1878 г.

¹ И. Ф. Пашкевич проявил полную бездарность в Крымской войне 1853—1856 гг., командуя русской армией на Дунае.

ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА (1877—1878 гг.)

Вот полночь наступает,
Луна горит светло,
Отряд наш выступает
С бивака своего.

П р и п е в: Горная вершины,
Увижу ль я вас вновь,
Турецкия долины —
Кладбища удальцов.

Идем мы тихо, стройно,
Подходим к высотам;
Вершины эти грозно
Показывались нам.

П р и п е в.

Начальник батареи
Подставил грудь свою.
«Ребята, не робейте, —
Не страшна смерть в бою».

П р и п е в.

Тут турки все проснулись...
Дают сигнал в рожки...
Но мы не оробели
И двинулись в клинки.

П р и п е в.

Вскочил на батарею
Хорунжий наш лихой,
Мы все за ним — стеною,
И кровь мы льем рекой.

Текст взят из книги: «Песни оренбургских казаков. I. Песни исторические». Собрал А. И. Мякутин. Оренбург, 1904, стр. 220; записан Л. Г. Чернявским в 1902 г.

Песня показывала отношение солдат к войне в период русско-турецкой кампании 1877—1878 гг.

ПОЛНОТЕ, СНЕЖИНОЧКИ, НА ТАЛОЙ ЗЕМЛЕ ЛЕЖАТЬ!

Полноте, снежиночки,
 На талой земле лежать,
 Полно вам, казаченьки,
 Горе горевать,
 Горе горевать,
 Нам куда тоску девать;
 Спокинем печаль-тоску
 Во темным лесу...
 Спокидай, служивенький,
 Отца, мать, жену,
 Всею родину свою.
 Ты бери, служивенький,
 Ружейную суму,
 Привыкай, служивенький,
 Ко турецким степям,
 Ко турецким степям,
 Ко французским городам.

Текст взят из книги: «Песни уральских казаков». Собрали А. и В. Железновы. Спб., 1899, стр. 66; записан от Льва Морунова (Бородинской станицы и поселка).

Полная пессимизма, песня говорит о безрадостной и бесконечной казацкой службе.

БИБЛИОГРАФИЯ

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 12, стр. 736—738.
 К. Маркс. Стенька Разин. «Молодая гвардия», 1926, № 1, стр. 104—125.

Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1932, стр. 239—241.

В. Д. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин об устном народном творчестве. «Советская этнография», 1954, № 4, стр. 117—131.

Исследования

Белинский В. Г. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные. Москва, 1818. Древние русские стихотворения (,) служащие в дополнение (дополнением?) к Кирше Данилова (у?). Собранные М. Сухановым. Спб. 1840. Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. Т. 1, кн. 1, 2, 3, 4.

Издание третье. СПб. 1841. Русские народные сказки. Часть 1. СПб. 1841. Полн. собр. соч. в 13-ти т. Т. 5. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 289—450.

Былов В. М. Русские исторические песни, сказки и предания петровской эпохи. Автореферат канд. дисс. М., 1952.

Миллер В. Ф. Казацкие эпические песни XVI и XVII вв. В кн.: «Очерки русской народной словесности». Т. 3. М., 1924.

Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М., Изд-во АН СССР, 1960.

Русское народное поэтическое творчество. (Очерки по истории фольклора). Т. 1—2. М.—Л., 1953—1956.

Соколова В. К. Русские исторические песни XVI—XVIII вв. «Труды Института этнографии». Т. 61. М., Изд-во АН СССР, 1960.

Тексты со статьями и комментариями

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 1. М., 1904; т. 3. СПб., 1910.

Беломорские былины, записанные А. Марковым. Предисл. В. Ф. Миллера. М., 1901.

Былины и песни астраханских казаков. Собрал и на ноты положил А. А. Догадин. Вып. 2. Астрахань, 1913.

Великорусские народные песни. Изд. А. И. Соболевским. Т. 6. СПб., 1900.

Великорусские песни в народной гармонизации, Записаны Е. Ливевой. Вып. 1. СПб., 1904; вып. 2, 1909.

Волжский фольклор. Составили В. М. Сидельников и В. Ю. Крупянская. М., 1937.

Гребенцы в песнях. Собрал Ф. С. Панкратов. Владикавказ, 1895.

Донские казачьи песни. Собрал и издал А. Пивоваров. Новочеркасск, 1885.

Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1938.

Исторические песни. Вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В. И. Чичерова. Л., 1956.

Исторические песни. Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л. Шептаева. Л., 1951.

Исторические песни XVII века. Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.—Л., «Наука», 1966.

Исторические песни XIII—XVI веков. Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.—Л., Изд-во АН СССР 1960.

Кривополенова М. Д. Былины, скоморошины, сказки. Архангельск, 1950.

Листопадов А. М. Былинно-песенное творчество донских казаков. Ростов-на-Дону, 1948.

Листопадов А. М. Донские исторические песни. Ростов-на-Дону, 1946.

Листопадов А. М. Донские песни. Т. 1, ч. 2. М., 1949.

Лопатин Н. М. и Прокунин В. П. Сборник русских народных лирических песен. М., 1889; последнее издание: М., 1956.

Миллер В. Ф. Исторические песни русского народа XVI—XVII веков. В кн.: «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук». Т. 93. Пг., 1915.

Народное творчество Южного Урала. Вып. 1. Записал И. С. Зайцев. Под ред. и с предисл. В. М. Сидельникова. Челябинск, 1948.

Народные исторические песни. Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б. Н. Путилова. Изд. 2. М. — Л., 1962.

Областной словарь калмыцкого русского наречия. Собрал на месте и составил В. Г. Богораз. В кн.: «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук». Т. 68, № 4. Спб., 1901.

Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1—3. Изд. 4. М. — Л., 1949—1951.

Ончуков Н. Е. Печорские былины. Спб., 1904.

Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступ. ст. и комм. Б. Н. Путилова. Грозный, 1946.

Песни и сказания о Разине и Пугачеве. Вступ. ст., ред. и примеч. А. Н. Лозановой. М. — Л., 1935.

Песни о крестьянских восстаниях. М., 1953.

Песни оренбургских казаков. I. Песни исторические. Собрал А. И. Мякутин. Оренбург, 1904.

Песни оренбургских казаков с напевами. Собрал и положил на ноты Ф. Н. Баранов. Вып. 2. Оренбург, 1913.

Песни оренбургского казачества. Оренбург, 1938.

Песни русского народа, собранные в губ. Архангельской и Олонецкой в 1886 году. Записал слова Ф. И. Истомина, напевы Г. О. Дютш. Спб., 1894.

Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 6—10. М., 1864—1874.

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1—3. Изд. 2. М., 1909—1910.

Песни уральских казаков. Собрали А. и В. Железновы. Спб., 1899.

Петрова Я. Г. Песни, записанные на заводах Сарапульском и Нижне-Сергинском Красноуфимского уезда Пермской губернии. «Известия Оренбургского географического общества», 1900, вып. 14.

Пугачев в Среднем Поволжье и Заволжье. Народное творчество, отрывки из литературных произведений, исторические документы. Составила А. Н. Лозанова. Под общей ред. М. Н. Мартынова. Куйбышев, 1947.

Путилов Б. Н. Исторические песни на Тереке. Грозный, 1948.

Русская устная словесность. Т. 2. Былины, исторические песни. Под ред. с вводными статьями и примеч. М. Сперанского, М., 1919.

Русская старина. Кн. 12. Спб., 1874.

Русские народные песни, записанные в Ленинградской области 1931—1949 гг. Составили В. А. Кравчинская и П. Г. Ширяева. М. — Л., 1950.

Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях. Составили Б. М. Добровольский и А. Д. Соймонов. М. — Л., Изд.-во АН СССР, 1956.

Русские народные песни, собранные Н. А. Львовым; напевы записал и гармонизировал И. Прач. Спб., 1896.

Русский фольклор. Эпическая поэзия. Под общей ред. М. Азодовского. Статьи, ред. и примеч. А. Астаховой и Н. Андреева. Л., 1935.

Самарин Г. Патриотическая тема в песенном творчестве русского народа. Фрунзе, 1946.

Сборник песен Самарского края, составленный В. Варенцовым. Спб., 1862.

Северные исторические песни. Подгот. текста, статья и примеч. А. Астаховой. Петрозаводск, 1947.

Симони П. К. Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства. В кн.: «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук». Т. 82. № 7. Спб., 1907.

Урал в его живом слове. Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1953.

Уральский фольклор. Под ред. М. Г. Китайника. Свердловск, 1949.

Фольклор Пензенской области. Вып. 1. Песни и сказки Поимского района. Составила А. П. Анисимова. Под ред. и с предисл. В. М. Сидельникова. Пенза, 1948.

Фольклор Саратовской области. Кн. 1. Составила Т. М. Акимова. Саратов, 1946.

Фольклор Урала. Вып. 1. Исторические сказы и песни (дооктябрьский период). Собрал и составил В. П. Бирюков. Челябинск, 1949.

Фольклор Чкаловской области. Составил А. В. Бардин. Чкаловск, 1940.

Худяков И. А. Сборник великорусских народных исторических песен. М., 1860.

Шейн П. В. Русские народные песни. Песни былевые. В сб.: «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете». Кн. 3. М., 1877.

Шептаев Л. С. Народные песни и повествования о Степане Разине в их историческом развитии. Автореферат докт. дисс. Л., 1969.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Введение	4
Ранние исторические песни	8
Песни XVI века	11
1. Исторические песни об Иване Грозном	12
2. Исторические песни о Ермаке	17
Песни начала XVII века	19
Развитие исторических песен после 20-х годов XVII — в начале XVIII века	26
1. Песни о восстании Разина	28
2. Исторические песни петровского времени	33
Исторические песни 40-х годов XVIII — начала XIX века	40
1. Песни о военных походах	42
2. Песни о крестьянской войне под предводительством Пугачева и последующих народных возмущениях	44
Жанр исторической песни в XIX веке	48
1. Песни об Отечественной войне 1812 года и ее последствиях	48
2. Исторические песни в эпоху становления капитализма	55

ТЕКСТЫ

Ранние исторические песни

1. Авдотья-женка рязаночка («Подступал тута царь Бахмет турецкий...»)	63
2. Из времен татарщины («Не вода в города понахлынула...»)	66
3. Воевали татары («Воевали татара по три года...»)	66
4. Щелкан Дюдентевич («А и деялося в Орде...»)	68

Песни XVI века

1. Исторические песни об Иване Грозном	73
5. Взятие Казанского царства («Среди было Казанского царства...»)	73
5а. («Вы, молоды ребята, послушайте...»)	75
6. («Соловей кукушку подговаривал...»)	76
7. Кострюк («Поизволил наш царь государь...»)	77

8.	Грозный царь Иван Васильевич («Не сине-то море колыбається...»)	83
8а.	(«Как у нас было в каменной Москве...»)	90
9.	(«А не сильная туча затучилася...»)	93
10.	Об осаде Пскова («Копил-то король, копил силушку...»)	94
11.	Станица гребенцов перед Иваном Грозным («Не серые гусюшки гогочут...»)	97
12.	Царь Иван жалуется казакам донским («Ой да, не быстра речушка шумит...»)	98
13.	Плач казаков по скончавшемся царе Иване Грозном в 1584 г. («Уж ты светлое наше красно солнышко...»)	98
2.	<i>Исторические песни о Ермаке</i>	101
14.	Ермак в казачьем кругу («Как на речке, на реке, братцы, было на Камышинке...»)	101
14а.	(«Как на Волге-реке, да на Камышенке...»)	102
15.	Ермак берет Казань («На степи было на Саратовской...»)	103
16.	Ермак взял Сибирь («Во славном понизовом городе Астрахани...»)	105
17.	Песня о Ермаке («Что пониже было города Саратова...»)	111
18.	(«Как на славных на степях было Саратовских...»)	112

Песни начала XVII века

19.	Убиение царевича Дмитрия. Борис Годунов («Ох, было у нас, братцы, в старые годы, в давние веки...»)	115
20.	Песня про Дмитрия-царевича («В шестом году в восьмой тысяче...»)	116
21.	Про Димитрия-царевича («Убили, убили царевича в Угличе...»)	117
22.	Плач Ксении («Сплachtetца мала птичка...»)	118
22а.	(«А сплachtetца на Москвѣ Царевна...»)	119
23.	Гришка расстрига («Ты боже, боже, Спас милостивой!...»)	120
24.	(«Выпала порошица...»)	122
25.	Поп Емеля («Ехали обозы...»)	124
26.	Михайло Скопин («Как бы во сто двадцать седьмом году...»)	125
27.	Смерть Михайлы Скопина («Поежает Скопин-от, да князь-от Михайло Васильевич...»)	130
28.	(«Ино что у нас в Москве учинилося...»)	132
29.	Василий Шуйский («Как не из-за лесов-то дремучих стая воронов слеталася...»)	133
30.	Козьма Минин и князь Пожарский. Освобождение Москвы. Избрание Михаила Федоровича («Как в старом-то было городе...»)	134

Развитие исторических песен после 20-х годов XVII — в начале XVIII века

31.	Земский собор («Посреде ль было Московского царства...»)	137
-----	--	-----

32. Убит Карамышев («Уж не травушка в чистом поле зашаталась...»)	139
33. Взятие Азова казаками («Речь возговорит казацкий атаманушка...»)	140
34. Отражение донцами приступа турецко-татарского войска на Азов («Как во славном было городе в Ани-кееве...»)	141
1. <i>Песни о восстании Разина</i>	143
35. («У нас-то было, братцы, на тихом Дону...»)	143
36. Разин объединяет голытьбу («У нас, братцы, было на Дону...»)	143
37. Стоянка Разина («Тихохонько сине море становилось...»)	144
38. Разин на море («Ай, ну, как по морю, по морю, морю синему...»)	145
39. Стенька Разин. Переход на Волгу («Как далеченько-далеченько во чистом поле...»)	146
40. («На матке Волге...»)	147
41. («Как у нас было на Волге: не черным-то зачернелось...»)	148
42. Сборы Разина в Астрахань («Как по матушке по Волге легка лодочка плывет...»)	149
43. («Во славном было во городе во Астрахани...»)	149
44. Стенька Разин («Как во славном было городи во Ва-стракани...»)	150
45. Восстание Стеньки Разина (1668—1671 гг.) («Как на утренней заре, вдоль по Каме по реке...»)	152
46. Буйство в Астрахани. Убит Прозоровский («Что да на матушке на Волге черным да зачернелось...»)	153
47. Песня разинцев («Ах туманы вы мои, туманушки...»)	154
48. («На заре-то было, братцы, на утренней...»)	155
49. Песня, по преданию будто бы сложенная самим Разиным («Схороните меня, братцы, между трех дорог...»)	156
50. Сын Разина перед смертью («Ой, станы вы мои, вот мои станочки...»)	156
51. Убит астраханский воевода (губернатор) («Что пониже было города Саратова...»)	158
2. <i>Исторические песни петровского времени</i>	160
52. («Ах бедные головушки солдатские...»)	160
53. Плывут под Азов: взяли город и поздравляют царя («Ах, по морю, морю синему...»)	161
54. Сам царь («Собирается православный царь...»)	162
55. Восстания и казни стрельцов («Во далече, во далече, во чистом поле...»)	163
56. Казнь князя, большого боярина, атамана стрелецкого («Из Кремля-Кремля, крепка города...»)	165
57. Первые наборы («Вились мои кудерушки, вились-развивались...»)	166
58. Сборы солдат, нового войска («Из-за леса, леса темного...»)	167
59. Петровы новобранцы на горах Воробьевых («За славною рекою за Москвою...»)	168
60. («Ты, прекрасная Марьяна роща...»)	169

61. Шереметев и Шлиппенбах. Майор земли шведской («Не грозная туча восставала...»)	169
62. Орех — Орешек, Нотебург — Нюсебург, Шлюссельбург — Шлюшен («Ты злодей-злодей, ретиво сердце...»)	172
63. Полтавское дело («В тысяча семьсот первом годе...»)	173
64. Государь едет по морю. Рига взята («Как по морю-морю Синему...»)	175
65. Князь Гагарин («Как по матушке Москве...»)	176
66. Смерть Долгорукого («Нам не дорого не золото да чистое серебро...»)	178
67. («По утру-та было раным-рано...»)	179
68. Сыск на Дону беглых князем Долгоруким в конце 1707 года («Ах, служили мы на границе три годочка...»)	179
69. Булавинский бунт на Дону и уход Некрасова на Кубань в 1708 г. («На заре то было ранней утренней...»)	180
70. Плач войска («Ох ты, ягодка самородинка...»)	182

Исторические песни 40-х годов XVIII — начала XIX века

1. <i>О военных походах</i>	184
71. Шведская война («Ой да пищё, пищё-то, пищё король шведские...»)	184
72. Прусский поход («Травынька-муравынька, кавылочик!...»)	185
73. («Не от тучи, ни от грома, ни от солнышка...»)	187
74. Битва при Гросс-Егерсдорфе. Смерть Лопухина («Не пыль в поле пылит...»)	188
75. Чернышов Захар Григорьевич («Ты звезда, звезда точная!...»)	189
76. Взятие Хотина («Ах, мы Польшею идем...»)	192
77. («На горах было Балканских...»)	193
78. («Пишет, пишет вот султан турецкай...»)	194
79. Суворов-князь («Собиралася да снаряжалася наша армия в путь-дороженьку...»)	195
2. <i>О крестьянской войне под предводительством Пугачева и последующих народных возмущениях</i>	197
80. Как за барами житье было привольное	197
81. В стане Пугачева («Уж ты, ворон сизокрылый...»)	198
82. Из Уралечко пышет пламечко («Из Уралечко, да из Уралечко...»)	199
83. Пугачев («В тем Сударыня простила...»)	200
84. («Как во славном городе Астрахани...»)	201
85. Чернышев-Чика в тюрьме («Ходил-то я, добрый молодец, по чисту полю...»)	202
86. («Из-за леса-леса тёмного...»)	203
87. Ты, звезда ли, моя звездочка	204
88. Суд над Пугачевым («Судил тут граф Панин вора Пугачева...»)	205
89. Емельян ты наш, родной батюшка!	205
90. Волнения на Дону под руководством И. Рубцова («Никто-то про то не знает, да никто не ведает...»)	206
91. («На заре то было на зореньке...»)	207
92. Песня об атамане Павлове («Во Уральском было славном городе...»)	208

Исторические песни в XIX веке

<i>1. Песни об Отечественной войне 1812 года и ее последствиях</i> 210	
93. Француз («Не в лужах-то вода поляя разливалась...»)	210
94. Платов на француза («От своих чистых сердец...»)	211
95. Платов и Кутузов («Как заплакала Россиюшка от француза...»)	212
96. Ой да, ты кормилец наш, славный Тихий Дон!	213
97. Ай, вот хвалится француз	214
98. («Заводилася война...»)	215
99. Отечественная война 1812 года («Как не две тученьки не две грозных...»)	216
100. Кутузов и Платов («Наполеон-то, Наполеон шел на Россию воевать...»)	217
101. О разорении Москвы французами («Был на горке, на горе...»)	218
102. («Привиделся несчастный сон...»)	219
103. Как на горочке стояла Москва («Как на горочке было, на горе...»)	220
104. Воссияло, воссияло красное солнце	220
105. Платов у французов («Ты Россия, ты Россия...»)	221
106. Как бы нам вора поймать? (Ой да, отчево жа, али отчево...»)	223
107. Казаки на фронте Отечественной войны 1812 года («Вышли с Дону казаки...»)	225
108. Разорена путь-дорожка от Можайска до Москвы	225
109. («Как повыше было Смоленска города...»)	226
110. Поход за Вислу («На границе мы стояли...»)	227
111. Под Парижем («Под Парижем мы стояли...»)	228
111а. (Под славным было городом Парижем...»)	229
112. Казаки проклинают французскую сторону («На рынке-то было, на рыночке...»)	229
113. Дон после войны («Чем-то наша славная земелюшка распахана?...»)	230
114. Аракчеев («На синеньком на море...»)	231
114а. («Бежит речка по песку...»)	232
115. Как во славном городе Питере («Как во славном, славном городе...»)	233
116. 14 декабря 1825 года («Молодой солдат да на чesах стоит...»)	234
117. Да сенат вздумал взбунтоваться	235
<i>2. Исторические песни в эпоху становления капитализма</i> 237	
118. Крымская война (1853—1856 гг.) («Что не ветры, не туманы...»)	237
119. («Вспомним, вспомним-ка, братцы-ребята...»)	237
120. («Ой, вспомним-ка, братцы ребята...»)	238
121. («Расскажу я, братцы, вам...»)	240
122. Смерть казака Нефедова («Не белая заря рано занималася...»)	240
123. Ох, ты, служба наша нужная	241
124. В семьдесят седьмом году	241

125. Не туман с моря поднялся	242
126. Поле чистое, турецкое («Поле чистое, поле турецкое...»)	243
127. Турецкая война (1877—1878 гг.) («Вот полночь наступает...»)	245
128. Полночь, снежиночки, на талой земле лежать!	246
<i>Библиография</i>	246